

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

VII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1940 · ЛЕНИНГРАД

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

VII

Печатается по распоряжению директора ИИМК М. И. А р т а м о н о в а

Ответственный редактор С. Н. Б и б и к о в

І. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ X—XIII вв.

(Доклад на февральской сессии Отделения истории и философии АН СССР)

1

Огромный интерес широких масс трудящихся к прошлому нашей родины, внимание партии и правительства к вопросам развития и роста исторической науки поставили на очередь создание ряда обобщающих трудов по истории и истории культуры народов Союза ССР. К их числу относится „История культуры древней Руси“. Задача широкого освещения культурной жизни древней Руси, начиная от сельского хозяйства, промыслов и ремесла и до изобразительного искусства и музыки, — представляла исключительную сложность как по существу ее научной разработки, так и по чисто организационным трудностям, связанным с необходимостью творческой кооперации большого коллектива специалистов.

Предшествующая история науки не знала такого охвата истории русской культуры. Сосредоточиваясь на явлениях, надстроечных по преимуществу, она освещала их развитие с идеалистической точки зрения. Принципиальное отличие марксистско-ленинской истории заключается в том, что на вопрос: „В чем же... состоит та главная сила в системе условий материальной жизни общества, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя, развитие общества от одного строя к другому?“ — она отвечает: „Такой силой исторический материализм считает *способ добывания средств к жизни*, необходимых для существования людей, *способ производства материальных благ* — пищи, одежды, обуви, жилища, топлива, орудий производства и т. п...“¹

Освещение этих вопросов было возможно лишь на основе тех археологических работ, которых почти не знала дореволюционная наука и которые имеет в своем активе археология советская (раскопки городов древней Руси). Нужно, однако, подчеркнуть, что это археологическое изучение древней Руси все еще далеко не достаточно для исчерпывающей полноты наших суждений по ряду вопросов и настоятельно требует дальнейшего развития и расширения.

В связи с большим значением истории материальной культуры для I тома „Истории культуры древней Руси“, охватывающего домонгольский период, ведущая роль принадлежала коллективу Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра (А. В. Арциховский, Н. П. Бауэр, Н. Н. Воронин, А. С. Гущин, М. К. Каргер, Б. А. Рыбаков, М. А. Тиханова, П. Н. Третьяков). Вокруг этой группы и был создан тот авторский

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 114.

коллектив, который в процессе постоянного общения и самокритики обеспечил написание I тома в течение 1939 г. (Н. П. Андреев, В. Г. Гейман, С. Л. Гинзбург, Л. А. Динцес, Н. Ф. Лавров, Д. С. Лихачев, В. В. Мавродин, Б. А. Романов, Н. Н. Степанов, Ф. П. Филин, Н. С. Чаев).

Что же нового вносит в советскую науку эта коллективная работа? Прежде всего в ней проработан и обобщен, с проекцией на единую линию исторического развития, огромный фактический материал по всем областям культуры. Конструкция тома показывает исторический охват явлений: 1) материальная культура: сельское хозяйство, ремесло, поселение, жилище, пища и утварь, одежда, средства сообщения, торговля и торговые пути, деньги и денежное обращение, военное дело, оружие, крепостные сооружения; 2) социально-политический строй, право и суд, религия и церковь, семья и нравы; 3) духовная культура: язык, фольклор, литература, просвещение, архитектура, живопись, скульптура и прикладное искусство, основные черты народного изобразительного искусства, музыка. Для ряда тем материал исследовательски поднят впервые или же обобщены результаты проведенных ранее и еще неопубликованных исследовательских монографических работ.

Проделанная коллективом работа позволяет сделать ряд новых принципиальных исторических выводов, а также поставить ряд кардинальных вопросов, подлежащих дальнейшей разработке.

2

Одним из важнейших вопросов истории древней Руси, в решении которых еще нет полного единомыслия, является вопрос о трактовке дофеодального периода и его хронологических пределах; с этим связан также и вопрос о возникновении государства и эволюции политического строя от IX до XIII в. Анализ всех явлений культуры этого времени позволяет дать исчерпывающий ответ на эти вопросы, так как в каждой области культуры перелом между двумя названными этапами исторического развития выражается совершенно определенно.

Культура дофеодального периода — это культура империи Рюриковичей, культура Киевской Руси в собственном смысле слова; ее границы очерчиваются IX и серединой XI в. Ее основной очаг — Поднепровье, ее почва — богатое и сложное прошлое культуры скифов и антов; она развивается в широком взаимодействии с культурой соседних стран Запада и странами Востока. Характернейшей чертой культуры Киевской Руси являются ее сложность и противоречивость, борьба культурных переживаний уходящего патриархального строя с растущими новыми социальными и культурными явлениями — предвестниками нового феодального этапа. Это обстоятельство характеризует дофеодальный период и культуру как время критического перехода от одной ступени общественного развития к другой, как сложную культуру переходного времени. При этом культурный прогресс охватывает лишь крупнейшие городские центры Киевской державы и наиболее близко связанные с ними территории: глубокий северо-восток страны остается вне этого движения, являясь почвой, питающей консервативные общественные силы и хранящей старые патриархальные порядки.

В области сельского хозяйства старое коллективное подсечное земледелие оттесняется развитием пашенного, вместе с тем сохраняют большой удельный вес охота и рыболовство. Ремесло быстро прогрессирует, оставляя старые технические приемы и организацию и переходя к новым. В среде старых родовых поселков возникают зародыши будущих ремесленно-торговых городов — поселки ремесленников, многие старые

поселения очень рано становятся крупными торговыми центрами; вместе с тем в землях покоряемых племен возникают укрепленные княжеские городки и еще редкие села — центры княжеского и дружинного хозяйства. Жилище претерпевает решительное изменение своего устройства: исчезают большесемейные жилища, уступая место небольшим землянкам и избам малой семьи; в жилищном строительстве варварской феодализирующейся знати на основе схемы обычного жилого дома разрабатывается тип богатого дома-хором. Резкая социальная противоположность дружинных верхов и подданного населения ярко выражается в одежде. Широкое развитие приобретает торговля, включающая Русь в систему международного товарооборота между Западной Европой и Азией; но при этом внутри страны хозяйство продолжает оставаться вполне натуральным.

В условиях противоречивости и незавершенности оформления новых общественных и культурных явлений, а также неравномерности исторического процесса на колоссальной территории Киевской державы, ее политическое устройство не могло приобрести законченных государственных очертаний. Империя Рюриковичей была варварским полугосударственным организмом, в котором причудливо переплеталось старое и новое, черты военной демократии и вырисовывающиеся контуры феодального строя. Такой она остается и при Владимире, когда с наибольшей остротой проявляются симптомы кризиса и глубокого перерождения всего политического организма империи.

Еще при Игоре восстание древлян, вызванное ростом хищнической эксплуатации ближайших к Киеву племен, поставило Ольгу на порог государственного строительства — дани приобрели черты планомерно организованной и регламентированной системы. С этим временем было связано и проникновение христианства в княжеско-дружинные верхи киевского общества. Отпор внешнеполитической экспансии русских дружин, данный Цимисхием при Святославе, заставил господствующую верхушку обратиться к освоению внутренних территорий империи. Этот процесс, охвативший глубокую периферию Киевской державы, вызвал острое сопротивление народных масс. Его формой было „умножение разбоев“, очевидно, заставивших Владимира начать планомерную борьбу с ними и продолжить укрепление государственной организации. Крупнейшим актом этого порядка была христианизация Руси. Церковь была огромной силой в руках княжеской власти, ускорившей переход от дофеодального периода к феодальному и обеспечившей ломку устоев патриархальной старины.

Однако новое содержание общественной жизни было несовместимо ни со старыми полугосударственными формами империи, ни с сохранением ее прежних территориальных границ. Напрасно Владимир стремился связать Киев „прямоезжими дорогами“ с отдаленными областями; под конец жизни Владимира Новгород пытается вырваться из-под киевской гегемонии, Ярославу приходится выдержать борьбу с Мстиславом; феодальная Русь могла существовать лишь как феодально-раздробленное тело, как совокупность феодальных полугосударств, княжеств. Могущество Ярослава было эфемерным, оно знаменовало собой хотя и яркий, но закат „готической России“.

Время Владимира и Ярослава отмечено блестящим расцветом культуры, формирующейся под могучим воздействием вековой культуры Византии и Запада; при этом культурные заимствования не были механическим переносом на русскую почву иноземных образцов или порядков — они претерпевали здесь значительную органическую переработку, русская действительность переоформляла их сообразно своим нуждам и особенностям. Более того, Киевская Русь оказала известное влияние на культуру ближайших западных соседей.

Историческое значение культуры периода феодальной раздробленности состоит не только в том, что она стала общим источником развития культуры всех районов периода феодальной раздробленности. Культура Киевской Руси была древнейшей основой, из которой развилась культура трех великих братских народов: великорусского, украинского и белорусского. Политическое значение империи Рюриковичей было еще более широким: она „предшествовала образованию Польши, Литвы, балтийских поселений, Турции и, наконец, самой Московии“.¹

3

Формирование и усиление местных политических центров, сменяющих мировую столицу империи Рюриковичей — Киев, были форсированы широким движением народных масс, вызванным бурным процессом феодализации общественных отношений. Восстания смердов XI в. включаются в цепь аналогичных движений в землях к востоку от Эльбы (польское восстание тридцатых годов XI в., восстание вендов 1065—1066 гг.) и являются вехой всемирноисторического значения. „Разбои“, умножившиеся при Владимире, при Ярославе и его наследниках разрастаются в широкую волну восстаний, грозящих смести еще неокрепшие устои феодального общества. В борьбе с восстаниями окончательно формируется господствующий класс феодалов, в котором сливаются, безотносительно к своей этнической принадлежности и социальной генеалогии, господствующие слои местной знати и княжой дружины. На другом полюсе сплочивается все более закабаляемое крестьянство. Государственная власть сбрасывает обветшавшие покровы патриархальной старины и порывает последние нити, связывавшие ее с патриархальным прошлым, и откровенно становится над обществом. В борьбе с восстаниями оформляется феодальное законодательство и закладываются основы княже того господства на севере и северо-востоке; его центрами становятся старые и новые города. Усиливается и христианизаторская работа церкви. Разгром восстаний смердов, выступавших под знаменем язычества и возглавлявшихся волхвами, содействовал подрыву авторитета языческой религии. Вместе с тем шире распространяется и глубже проникает киевская культура, цементирующая новые феодальные порядки.

В чем же выражается специфика развития культуры в период феодальной раздробленности? На первых порах Киев остается образцом для культурного строительства в новых феодальных центрах — в их топонимике, зодчестве, летописании звучит стремление подражать „матери городов русских“. Но сами новые феодальные центры резко отличны от Киева и по масштабу, и по социальной характеристике, и по широте их культурных связей. Это сравнительно небольшие города с постоянным населением, живущие интересами своего замкнутого феодального мирка, развивающие свои особые связи с соседями. Вместо „прямоезжих дорог“, которые пытался проложить Владимир, развиваются местные пути, вместо мощной оборонительной линии внешних границ земли, начатой строительством при Владимире, возникают внутренние оборонительные системы, замыкающие в кольцо крепостей каждую землю-княжество. В области архитектуры разрабатываются новые темы — ансамбля феодального двора, дворцового храма, городской церкви и т. д. В живописи пышную мозаику сменяет фреска, меркнут последние отблески эллинистического искусства, побеждает условная, идеалистическая живопись, проникнутая аскезой и отрешением от мира.

¹ К. Маркс. История секретной дипломатии XVIII ст. (Англ. изд., Лондон, 1899, стр. 77.)

Культура Киевской Руси была более или менее единой по своему характеру. В период феодальной раздробленности на почве экономической и политической замкнутости каждой области-княжества формируются локальные варианты русской культуры; их особенности определяются своеобразием политического развития и культурных связей данного края. Среди этих локальных вариантов русской культуры XI—XII вв. особо ярко выделяются три линии развития.

Одна — это путь типичного феодального княжества со слабо развитой городской жизнью, каким является, например, Рязань, подвергшаяся в силу ряда причин быстрому дроблению и не успевшая поэтому создать своеобразную культуру; ее монументальные памятники обнаруживают зависимость от Чернигова, с одной стороны, и от Владимиро-Суздаля — с другой.

Иначе сложилась историческая жизнь Владимирского княжества, где княжеская власть, опираясь на торгово-ремесленное население городов, начала борьбу за объединение земель, попыталась противостать феодальному хаосу. В процессе этой напряженной, но обреченной на неудачу борьбы, предвосхищавшей на два столетия политику московских „собира-телей земли“, были созданы блестящие памятники культуры и искусства. Прогрессивность этого пути неизбежно ставила вопрос об отходе от византийской культурной гегемонии и обращении к культуре Запада. Однако вся пышность и великолепие владимирской культуры времен Андрея и Всеволода были лишь средством идейного упрочения авторитета княжеской власти, претендовавшей на общерусское признание. Владимирское искусство и культура были целиком аристократическими, носили ярко выраженный феодальный характер.

В Великом Новгороде, с его могущественной боярской олигархией и бурной классовой борьбой, сложился вечевой строй, и государство приняло формы феодальной республики. Хотя вечевой строй и был лишь прикрытием для господства боярско-купеческой верхушки, тем не менее в политическую жизнь города втягивались широкие слои городского, а иногда и сельского населения. Это оказало существенное влияние на характер культуры, которая глубже проникала в толщу народных масс, впитывала в себя соки народной жизни и проникалась больше, чем культура Владимира-Суздаля, чертами народности. Рядом с культурой боярства и социальных верхов развивалась культура городская, культура городских ремесленников. Новгородская архитектура была более демократичной, чем киевская и владимирская, в новгородской живописи с особенной яркостью выступают черты народного искусства, летописание Новгорода отмечено своеобразным языком и содержанием.

Эти пути исторического и культурного развития отдельных феодальных областей определили роль и значение их культурного наследия в последующем развитии русской культуры. Для оформления новых объединительных идей Москва XIV—XV вв. воскрешала из развалин и пепла пожарищ культурное и художественное наследие Владимирского княжества, наследие созвучное и родственное задачам, ставшим в XIV в. перед властителями Москвы. Новгород сохранил и пронес через темные столетия монгольского рабства богатейшие письменные и художественные сокровища древности, продолжавшие играть свою роль еще в XVI в.; на ряду с этим новгородские культурные традиции широким потоком разливались среди народных масс; возникавшие в Новгороде городские еретические движения приобретали общерусское значение и своей разрушительной работой содействовали ликвидации старых феодальных порядков.

Важнейшей проблемой, выдвигаемой I томом „Истории культуры древней Руси“, является вопрос о характере культуры древней Руси и ее уровне. Этот вопрос, естественно, может быть лучше всего разрешен путем определения места и роли культуры древней Руси в культуре европейского средневековья. Мы особенно подчеркиваем эту сторону древнерусских связей потому, что в предшествующей литературе стало традиционным стремление сблизить ее и уравнивать по образу и подобию стран восточного мира, подчинить русскую культуру могучему влиянию Востока. Своеобразие и „особенную статью“ древнерусской культуры видели в ее якобы восточных корнях; для этого достаточно напомнить старые, но довлеющие над историками мнения о русском искусстве Виолле-ле-Дюка, Стасова, легенду о болгарском влиянии во владимиро-суздальском зодчестве и т. п. Напротив, на западных рубежах русской земли исследователями воздвигалась китайская стена, обрекавшая историю русской жизни на восточную изолированность. Поэтому мы в первую очередь обязаны говорить о европейских связях древней Руси.

Если процесс разложения родового строя и формирования феодальных отношений в среде восточного славянства начался позже, чем в странах Западной Европы, то это запоздание было компенсировано исключительно быстрым темпом этого процесса. Франкское государство переживало этот процесс в течение нескольких столетий; в истории древней Руси дофеодальный период завершился в течение двух веков. Не случайно держава Рюриковичей выступает на страницах западно-европейских источников не как отсталая варварская страна, но как равноправное могучее государство. Расцвет Оттоновской империи и империи Рюриковичей шел параллельно, и здесь и там культурное воздействие Византии было исключительно велико. Митрополит русский Илларион был глубоко прав в своей оценке, когда, вспоминая деда и отца Владимира — Игоря и Святослава, говорил, что они „мужеством же и храбростью прослуша в странах многих и победами и крепостию поминаются ныне и словутъ. Не в хуе бо, и не в неведоме земли владычествоваша, но в русьской, яже видима и слышима есть всеми коньци земля...“ Об огромном значении Руси в международном балансе военно-политических сил свидетельствует рост ее зарубежных связей.

С распадением державы Владимира и Ярослава эти связи отнюдь не ослабевают. Напротив, оживленные сношения русских княжеств со странами католического Запада и их культурное влияние вызывают тревогу представителей византийской церкви на Руси. Однако ее борьба с „латинами“ не прекращает установившегося культурного общения русских княжеств с зарубежным миром. Посольства папской курии во Владимир на Клязьме, тесные связи Галицко-Волынской земли с Западом, ее европейская известность и другие факты этого рода являются прямыми свидетельствами, что сильнейшие княжества феодальной Руси унаследовали от Киевской Руси ее международный авторитет.

При всей оживленности этих культурно-политических связей, при интересе к западной культуре, при неоднократных попытках католической церкви втянуть Русь в сферу своего влияния — древняя Русь шла своим самостоятельным путем. Наиболее ярко в этом смысле признание краковского епископа Матфея, сделанное им в письме к Бернарду Клервосскому (ок. 1150 г.) по поводу возможностей католической пропаганды на Руси: „Он [русский народ] не желает сообразоваться ни с латинской, ни с греческой церковью, но, отделяясь от той и другой, не пребывает ни с одной из них в общении таинств“. Эта оценка с полным правом может быть распространена с вероисповедных вопросов на другие области

русской культуры. Как Киевская Русь органически и активно претворяла в своем культурном творчестве заимствованные элементы могучей византийской культуры, превращая их в своеобразные явления культуры русской, так и теперь, в XI—XIII вв., заимствования с Запада были лишь средством ускорения и упрочения роста русской культуры и исторического развития вообще. Так, отход от византийских художественных норм в искусстве Владимирского княжества при Андрее Боголюбском и обращение к искусству романского Запада были лишь средством высвобождения из-под исключительно византийской культурно-политической гегемонии, средством утверждения самостоятельного пути развития древней Руси, за который боролись владимирские, а затем и галицко-волинские князья.

Все эти обстоятельства свидетельствуют о прочности и творческой мощи самых основ русской культуры. В чем же заключались их жизненность и стойкость?

Господствующим до сих пор среди историков взглядом было мнение об отсталости русской культуры XI—XIII вв., с наибольшей остротой и обобщенностью сформулированное Г. В. Плехановым. Слабое развитие ремесла и городских центров после падения Киевской Руси, а вследствие этого и политическая инертность городского населения выдвигались в качестве основной причины „сближения русского общественного быта и строя с бытом и строем великих восточных деспотий“.¹ Этот „европейский недочет в русской исторической жизни“ был в действительности крупнейшим недочетом в знаниях русских археологов и историков.

Как показывает огромный материал, сведенный Б. А. Рыбаковым в интереснейшей главе о древнерусском ремесле, а также ряд других глав, в частности — о поселении и других сторонах древнерусского быта, русское ремесло и русский город отнюдь не отставали от европейского развития. Представление об исключительно аграрном характере русской культуры далеко не отвечает действительности. Технический уровень древнерусского ремесла был высок, оно быстро прогрессировало, и ряд данных позволяет утверждать, что некоторые профессии начали оформляться в цехообразные корпорации. Нельзя не видеть и значительной политической активности горожан. Не говоря о Новгороде, горожане сыграли крупную роль в борьбе владимирских и галицких князей против феодального распада древней Руси. „Союз королевской власти и буржуазии“, отмеченный Ф. Энгельсом для западноевропейского средневековья,² был фактом и русской действительности XII—XIII вв. В этом и лежали основа самостоятельности культурного развития древней Руси, прочность и независимость ее исторического пути в семье европейских народов. Самый темп этого движения вовсе не был замедленным.

Резкий перелом (и начало быстрого прогресса Западной Европы), наступивший примерно с конца XII в., отчасти под влиянием крестовых походов, совпал с роковым для русского народа временем, когда с Востока надвигались полчища монголов, а внутри русской земли одержали временную победу силы феодального дробления, ослаблявшие военную организацию русских сил, разобщенных перед лицом грозного железной дисциплиной врага. В этом заключалась государственная и военная слабость русского народа, в этом было уязвимое место его культуры. Когда страны Западной Европы быстро пошли по пути культурного развития, Русь, обескровленная в героических, но разрозненных битвах с врагом, легла на рубежах Европы. По справедливому замечанию С. М. Соловьева,

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XX, стр. 57 и 89.

² Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.

Русь сыграла на востоке Европы всемирно-историческую роль, в известной мере аналогичную Испании, остановившей арабское завоевание на Западе.

Но эта историческая миссия древней Руси была оплачена дорогой ценой культурного отставания от Западной Европы. Теперь история Руси „состояла между прочим в том, что ее непрерывно били за отсталость“.¹ Путь к преодолению этой отсталости лежал через борьбу с поработителями, через объединение сил народа для этой борьбы, через создание русского государства. Не случайно в тяжкую годину монгольского нашествия летописец назвал впервые Русью всю страну великого русского народа. Борьба русского народа за освобождение от монгольского ига и выработка в процессе объединения предпосылок русской национальной культуры и явятся стержневой темой II тома „Истории культуры древней Руси“.

Н. Н. Воронин

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 10, стр. 445.

II. ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНУМАХ ИНСТИТУТА

ПЛЕНУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, 17 мая 1940 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

Территория, присоединенная к Советскому Союзу по мирному договору с Финляндией (западная часть Карельского перешейка, западное и северное Приладожье, территория восточнее Меркъярви, часть полуостровов Рыбачьего и Среднего), представляет значительный интерес в археологическом отношении. Подробный обзор известных здесь весьма многочисленных памятников потребовал бы большой специальной работы, которую впоследствии необходимо будет выполнить. В настоящем очерке я смогу дать лишь самую краткую, суммарную характеристику важнейших групп этих памятников в хронологической их последовательности и коснусь лишь некоторых исторических проблем, для решения которых изучение памятников западной части Карело-Финской ССР должно иметь особое значение.

Древнейшими из памятников, известных на данной территории, следует считать стоянки так наз. „арктического палеолита“. Этого рода памятники расположены на древних террасах Ледовитого океана и тянутся от Альтафиорда (Норвегия) на западе и до Кольского полуострова на востоке.

На Рыбачьем полуострове они известны и в западной его части, ныне присоединенной к СССР, где они изучались В. Таннером, и в восточной, где, как и на Кольском полуострове, соответствующие исследования производил Б. Ф. Земляков.¹

Стоянки „арктического палеолита“ вместе с близкими к ним докерамическими памятниками внутренней Карелии² относятся, как известно, к эпохе мезолита и являются свидетельством первичного освоения территории северо-запада СССР первобытным человеком. Их дальнейшее более глубокое изучение (не обследование, а раскопки) раскроет ряд существенных особенностей древнейшей истории этого края.

Следующая хронологическая группа памятников — группа неолита — представлена на территории Карело-Финской ССР многочисленными остатками. В западной части территории республики неолитические стоянки известны во множестве на Карельском перешейке, на побережье Балтики от Ленинграда до Выборга и особенно в бассейне р. Вуоксы, в западном и северном Приладожье, где они почти непрерывной цепью тянутся вдоль берега Ладоги от Кексгольма до Сортавалы и идут далее на восток, смыкаясь со стоянками нижнего течения Видлицы и Олонки.

¹ Б. Ф. Земляков. Арктический палеолит на севере СССР. Советская археология, т. V, 1940, стр. 107 (здесь указана вся предшествующая литература).

² Ук. соч., стр. 130.

Для датировки стоянок данного района важное значение имеет их высотное положение по отношению к уровню максимума ладожской трансгрессии, происходившей в суббореальный период от середины III тысячелетия и до начала I тысячелетия до н. э. (максимум трансгрессии приходится на начало II тысячелетия до н. э.).¹ Наиболее древние неолитические стоянки Приладожья, напр. стоянки юго-восточного берега озера Риукъярви близ Кауколы,² стоянки южного берега Ладоги, изученные А. А. Иностранцевым, Негежемская стоянка на Свири и др. перемыты водой в период трансгрессии до ее максимума. Большинство собственно неолитических стоянок, сохранившихся *in situ*, относится ко времени максимума трансгрессии и располагается вдоль древней береговой линии Ладоги, находившейся тогда на высоте (в районе Кексгольма) 20—23 м над ур. м., т. е. на 15—18 м выше современного уровня озера.

Лишь немногие из этих многочисленных местонахождений подвергались исследованию путем раскопок (раскопки Ю. Айлио, С. Пэльси, К. Сойкели и др.).

В 1906 г. Ю. Айлио произвел раскопки на стоянке Папинкангас в 6—7 км к юго-западу от Раясала и открыл остатки жилища с очагом, сложенным из камней.³ В 1912 г. К. Сойкели исследовал стоянку на холме Хейринмяки близ Выборга, но результаты этих исследований еще не опубликованы.⁴ Наиболее интересны по своим результатам исследования, производившиеся в 1906—1912 гг. главным образом С. Пэльси в районе озера Риукъярви и пролива Пиискунсальми близ Кауколы, где на протяжении 2.5 км было открыто более 20 стоянок, частично подвергшихся раскопкам.⁵ Здесь были открыты остатки углубленных в землю круглых шалашеобразных жилищ-землянок и сооружений производственного назначения, напр. мастерской для выработки каменных орудий, а также собран большой вещевой материал.⁶

Эти пока еще немногие и отрывочные данные показывают, что неолитические стоянки западной части Карело-Финской ССР при надлежащем, развернутом, систематическом их изучении несомненно раскроют довольно полную картину устройства различных типов неолитических жилищ с их хозяйственным окружением, планировку поселений, характер взаимного соотношения их друг с другом и т. д.

Что касается собранного на них вещевого материала, то всей своей основной массой он в противоположность неолиту западной Финляндии полностью принадлежит к неолитической культуре северо-запада СССР, распространенной в Ленинградской области и Карелии. Такова ямочно-

¹ J. Ailio. Die geographische Entwicklung des Ladogasees. Helsingfors, 1915.

² S. Pälssi. Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa. SMYA Suom. Muinas muistoydist. Aikakauskirja), m. XXVIII, 1920, стр. 10.

³ J. Ailio. Die Steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland. Helsingfors, 1909, стр. 158 и сл. Этот труд представляет основную, фундаментальную сводку по неолиту Финляндии; он содержит много данных и по территории, ныне присоединенной к СССР. Краткий обзор финляндских неолитических памятников J. Ailio дал в работе „Trouvailles de l'âge de la pierre“ с картой (SMYA, т. XXV, 1911). Из позднейших сводных работ важное значение имеют исследования А. Европеуса (напр. „Die relative Chronologie der Steinzeitlichen Keramik in Finland“, Acta archaeologica, I, Kobenhavn, 1930), краткие итоги которых опубликованы в Swiatovit, т. XVI (1934—1935), стр. 35 и сл. Исследования А. Европеуса ориентированы главным образом на западную Финляндию.

⁴ A. M. Tallgren. Geschichte der antiquarischen Forschung in Finland. ESA, т. X, 1936, стр. 242.

⁵ S. Pälssi, ук. соч.

⁶ Важнейшие данные из этих раскопок приведены и исторически интерпретированы в работе В. И. Равдоникаса „Неолитические поселения западного Приладожья в свете этнографии некоторых народов северо-восточной Азии“. (Сборник памяти В. Г. Богораза, Изд. Акад. Наук СССР, 1937, стр. 257 и сл.)

гребенчатая керамика, представленная на перечисленных выше и аналогичных им стоянках главным образом керамикой так наз. геометрического стиля (рис. 1а); таковы многочисленные шлифованные орудия преимущественно из глинистого сланца [разные типы топоров, характерные, трапециевидные в сечении долота так наз. русско-карельского типа (рис. 1б), долота плоские и желобчатые, наконечники стрел, копий (рис. 1в—г), типичные стержни рыболовных крючков и т. д.]; таковы кремневые орудия — наконечники, скребки, ножевидные пластинки и т. д., которые изготовлялись здесь из кремня, привезенного с востока — ско-

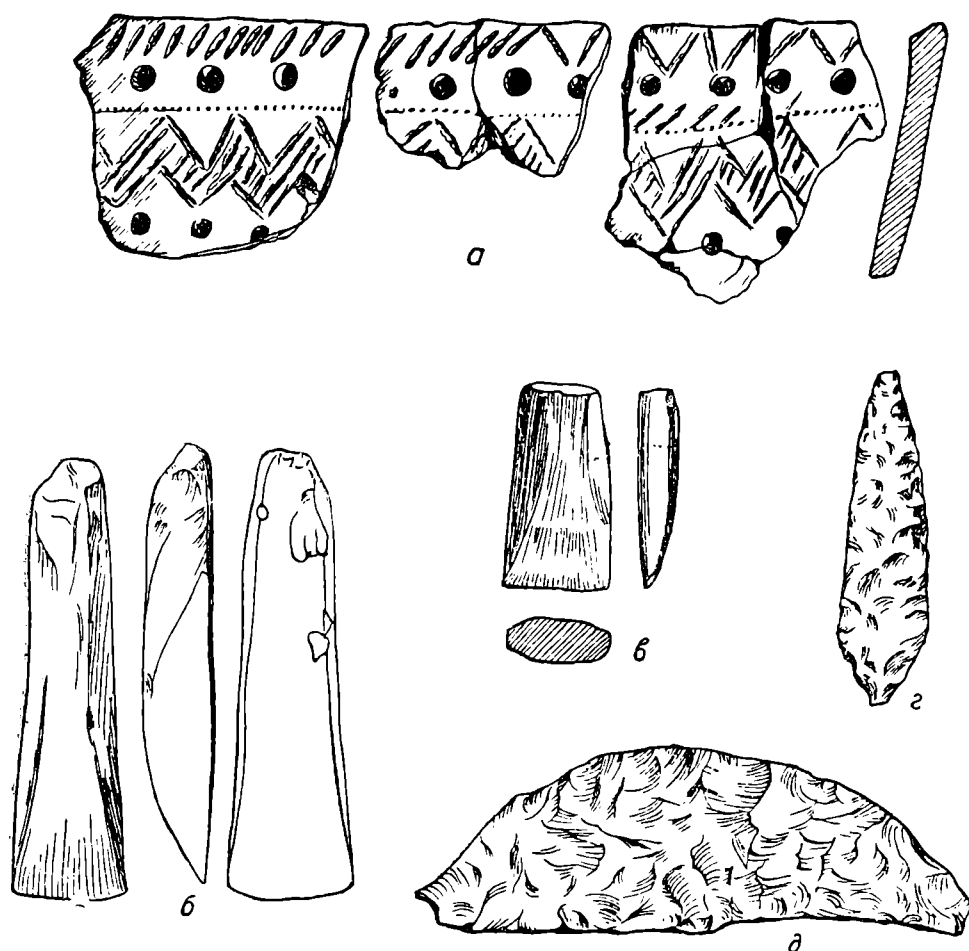

Рис. 1. Из инвентаря неолитических стоянок западного Приладожья.

а — фрагменты керамики; б — долото из сланца русско-карельского типа; в — топор из сланца; г — кремневый наконечник стрелы; д — кремневый нож.

рее всего из южного Прионежья. Все основные типы этих находок широко известны и на стоянках восточной Карелии и Ленинградской области.

Большой интерес представляет уникальная находка (у Корпилахти близ Антреа) остатков неолитической рыболовной сети (каменные грузила, поплавки из сосновой коры, фрагменты самой сети).¹ Хотя геологи на основании данных пыльцового анализа датируют эту находку бореальным периодом, но по археологическим данным (шлифованные орудия) ее надо скорее связывать уже с собственно неолитической эпохой.

¹ S. Pälssi. Ein Steinzeitlicher Moorfund bei Korpilähti. SMYA, т. XXVIII, 1920. На русском языке эта находка подробно описана в указанной выше работе В. И. Равдоникаса.

Любопытны также встречающиеся на данной территории (напр. находка близ Антреа) и к западу от нее фигурные топоры-молоты¹ со скульптурными изображениями головы животного (медведя, лося и др.), а также близкие к ним по стилю резные из дерева изделия.² Основная масса таких находок происходит с территории восточнее Ладожского озера;³ они относятся к группе памятников поздненеолитической скульптуры (камень, кость, дерево) лесной полосы Восточной Европы от Карелии до Оки и далее до Приуралья (напр. деревянные фигуры Шигирского и Горбуновского торфяников).

Таким образом, археологические памятники неоспоримо показывают, что в эпоху неолита (III—II тысячелетия до н. э.) население всей территории Карело-Финской республики, включая и западную ее часть, жило общей, единой исторической жизнью, т. е. имело общие формы хозяйства и общую культуру. Оно представляло группу родственных племен с родовым строем, занимавшихся рыболовством и охотой и выработавших на этой основе своеобразную культуру, для изучения которой соответствующие памятники дадут богатейший круг новых источников.

Переходя к эпохе металла, необходимо прежде всего сказать, что бесспорных памятников⁴ времени бронзы и раннего железа, которые явились бы свидетельствами развития местной металлургии и новых форм хозяйства (земледелие, развитое скотоводство), на всей территории Карело-Финской ССР мы пока не знаем. Спорадически здесь встречаются лишь редкие отдельные находки металлических вещей и даже литейные формы этого времени явно заносного происхождения.⁵ Синхроничными западно- и восточноевропейским культурам бронзы и раннего железа здесь являются те же охотничье-рыболовческие стоянки, которые принято называть поздненеолитическими. Сюда относятся местонахождения времени Ладожской регрессии и позже, так наз. дюнные стоянки устья Волхова и низовьев Сяси на южном побережье Ладоги, стоянки типа Лахты под Ленинградом, ряд стоянок Прионежья (Чолмужи, Бесов Нос, Рыбрега, стоянки нижних террас у Медвежегорска и др.). Для их керамики становятся характерными плоскодонные сосуды с примесью асбеста в глиняном тесте; на ряду с неглубоким плоским гребенчатым штампом в орнаментации сосудов, появляется так наз. текстильный орнамент. Этого рода стоянки известны и в западной части Карело-Финской республики, напр. Кимола, Теперинахо и др.,⁶ где они располагаются ниже уровня максимума ладожской трансгрессии. Собственно к этому же времени надо отнести и указанные выше фигурные топоры-молоты, как и другие поздненеолитические скульптуры.

Из этих фактов необходимо сделать вывод, что население территории Карело-Финской ССР во второй половине II тысячелетия и в первой половине I тысячелетия до н. э. продолжало жить в каменном веке,

¹ J. Ailio. Zwei Tierskulpturen. SMYA, t. XXVI, 1915.

Напр. находки деревянных ложек с изображениями головы животного в Лаукеа (J. Ailio. Zwei Tierskulpturen. SMYA, t. XXVI, 1915), у Пилицьярви (Suomen Museo, t. XXVI) и у Киттиля (E. Kivikoski. Der Elchkopflöffel von Kittila. Suomen Museo, t. XLII, 1935).

³ Сводка соответствующих находок дана в работе В. И. Равдоникаса „Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений“ (Советск. археология, т. III, 1937, стр. 8 и сл.).

⁴ Сообщение А. Я. Брюсова об открытии им бронзово-литейной мастерской на р. Томице близ Петрозаводска (см. Проблемы Истории материальной культуры, 1933, № 5—6, стр. 80) вызывает сомнения; анализ собранных здесь шлаков показал, что это железные шлаки.

⁵ См., напр., A. M. Tallgren. Den östeuropeiska bronsalderkulturen. Finskt Museum, t. XXI, 1914, стр. 11 и сл. — Он же. The Arctic Bronze Age in Europe. ESA, т. XI, 1937 (здесь дана самая последняя сводка памятников эпохи бронзы на севере).

⁶ S. Pääsi, ук. соч. (SMYA, t. XXVIII, 1920, стр. 167).

занимаясь попрежнему охотой и рыбной ловлей, хотя оно и находилось в каких-то взаимоотношениях с более в это время культурными районами, развившими у себя как на западе, так и на востоке культуру бронзы и раннего железа.

Как долго продолжался здесь каменный век, мы еще не знаем. История территории Карело-Финской ССР в дальнейшем, до VIII—IX вв. н. э., пока окутана густым туманом. Для первой половины I тысячелетия н. э. в западном Приладожье известны лишь отдельные вещевые находки — почти исключительно овалы кварцевые пластины, трактующиеся как огнива, хотя они могли быть и точильными камнями.¹ Эти находки западными археологами рассматриваются как свидетельства эпизодических посещений охотниками из соседнего Тавастланда этой в данное время безлюдной будто бы местности.

Начиная с VIII—IX вв. н. э., археологические памятники на территории Карело-Финской ССР и в прилегающих к ней районах становятся вновь обильными и содержательными.

Для IX—XI вв. в южном и восточном Приладожье известно большое количество распространенных здесь курганов, содержащих трупосожжения и трупоположения.² Этого рода курганы зарегистрированы и в северном Прионежье.

Совершенно иной характер имеют памятники того же времени в западном и северном Приладожье, где они представляют, не говоря о кладах и находках отдельных вещей, могильники и городища. Могильники IX—XI вв. здесь содержат почти исключительно трупосожжения, находящиеся или в небольших грунтовых ямах или на поверхности земли под покрытием из слоя валунов, иногда носящих характер небольшой каменной насыпи неправильных очертаний, как, например, могильник на острове Эсаари близ Выборга.³ Подобные могильники известны в ряде пунктов данной территории (у Кроноборга, у Валкьярви, у Иля-Кууса, у Сакколы и т. д.).⁴ В них встречаются вещи⁵ западноевропейские, преимущественно скандинавских типов, — оружие, овалы фибулы и пр., а также западнофинляндские и прибалтийские вещи этого времени — круглые финляндские фибулы, подковообразные застёжки и пр. По обряду погребения да и по инвентарю эти могильники примыкают к аналогичным памятникам западной Финляндии. Повидимому, они генетически связаны с известными могильными сооружениями в виде каменных насыпей с сожжениями, распространенными в прибалтийских странах, в том числе в Финляндии, начиная с эпохи бронзы, главным же образом в течение первой половины I тысячелетия н. э.

Иной облик имеет культура, представленная в западной части Карело-Финской ССР памятниками XII—XIV вв. Это уже вполне карельская культура, и корни ее надо искать не на Западе, а на Востоке.

¹ A. Hackman. Die ältere Eisenzeit in Finland. Helsingfors, 1905, стр. 241 и сл.

² Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. Матер. археологии России, т. XVIII. — В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. Изв. ГАИМК, вып. 94, 1939. — Он же. Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии. Карелия. Ежегодн. Карельск. гос. музея за 1928 г., Петрозаводск, 1930. — Он же. О возникновении феодализма в Карелии. Карело-Мурманский край, 1931, № 3—4, стр. 17 и сл. — Он же. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930 (в последней работе приложена карта курганов Приладожья).

³ A. M. Tallgren. Muutamia uusia muinaslöytyjä ja Kaivauksia. Suomen Museo, t. XXV, 1918, стр. 21 и сл.

⁴ Перечисление этих памятников см.: С. М. Nordman. Karelska järnaldersstudier. SMYA, t. XXXIV, 1924, стр. 100.

⁵ См., напр., таблицы рисунков вещей из могильника у Кроноборга (H. Appelgren. Suomen Muinaislinnat. SMYA, t. XII, 1891, стр. 153—158).

Среди этих памятников особый интерес имеют могильники Кексгольмского типа, они распространены не только в районе Кексгольма, но и по всему западному Приладожью: нижнее течение Вуоксы, районы Ряйсаля и Каукола, Кроноборг, окрестности Сердоболя и т. д.¹ Наиболее полный материал по кексгольмским могильникам собрал Т. Швиндт² еще в конце восьмидесятых годов XIX в. В них встречаются почти исключительно трупоположения. Скелеты лежат в неглубоких могиль-

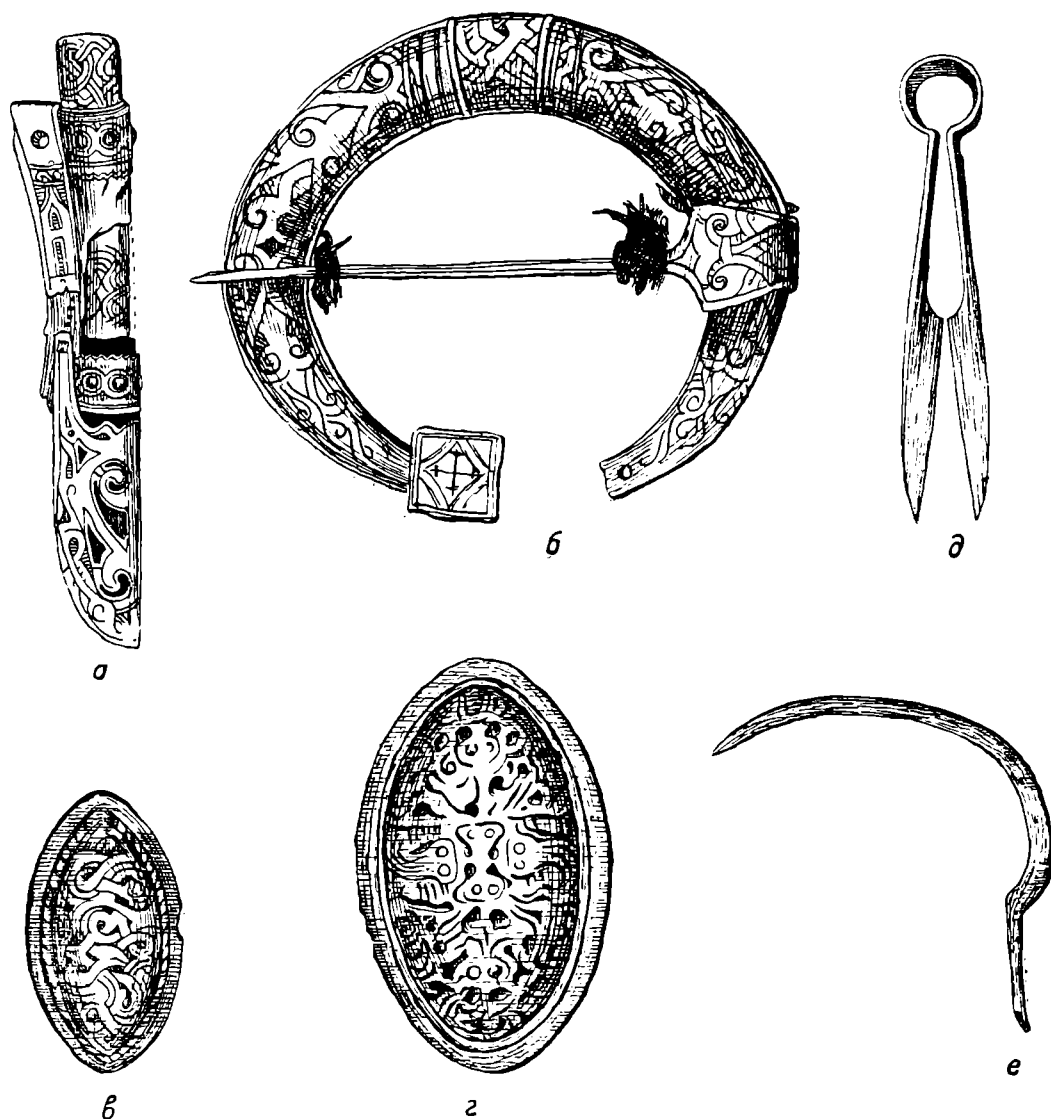

Рис. 2. Из инвентаря кексгольмских могильников XII—XIV вв.

а — орнаментированные ножи; б — подковообразная фибула; в—г — овалыные фибулы карельского типа; д — железные ножницы для стрижки овец; е — железный серп.

ных ямах, головой обычно к северу; на дне ямы по контуру ее основания обычно устраивался деревянный сруб. Встречаются двойные и тройные захоронения. В подобных могилах содержится обычно богатый инвентарь; представление о нем можно составить по таблицам, приложенным к указанному выше труду Т. Швиндта.

¹ С. А. Nordman, ук. соч. (на стр. 152 и сл. дано перечисление соответствующих местонахождений; здесь же библиография).

² T. Schvindt. Tietoja karjalan Rautakaudesta. SMYA, t. XIII, 1893. — С. А. Nordman. Karelska järnaldersstudier. SMYA, t. XXXIV, 1924, стр. 100.

Даже беглый обзор этого инвентаря показывает, что он принадлежал оседлому земледельческому населению [находки железных серпов (рис. 2е), кос и мотыг], жившему в условиях леса (многочисленные находки топоров), занимавшемуся и скотоводством [находки удила, ножниц для стрижки овец (рис. 2д), шерстяных тканей; находки костей домашних животных — лошадей, коров, овец, свиней, собак], владевшему техникой металлургии (местные изделия из железа, меди и бронзы) и других ремесленных производств (гончарство, текстильное производство и пр.), находившемуся в оживленных сношениях как с Западом, так и с Востоком (находки импортных вещей) и развившему собственный стиль¹ в прикладном искусстве (своеобразная карельская орнаментация металлических изделий, в частности — фибул, узоры кольчужных тканей) (рис. 2а — г).

Многие характерные для этой западнокарельской культуры вещи встречаются в южном и восточном Приладожье, а также в Ингерманландии — земле родственных карелам ингров или ижорцев. Таковы карельские овальные или заостренно-овальные фибулы,² находки которых были сделаны близ Шлиссельбурга, близ Пупышева у ст. Волховстрой, в Старой Ладоге,³ подковообразные застёжки и другие медно-бронзовые изделия с карельской орнаментацией, встречающиеся и в курганах к западу от Ленинграда.⁴

Вместе с тем среди находок в могильниках кексгольмского типа много вещей русского происхождения. Керамика из этих могильников совершенно тождественна с керамикой из слоев XII—XV вв. Староладожского городища. В западном Приладожье имели распространение в это время местные подражания киевским энколпионам,⁵ бляхи с растительной орнаментацией, частые в русских памятниках, перстни с печатками, русские медные кресты и т. д.⁶

Эти факты нельзя рассматривать иначе, как свидетельства глубокой культурной связи карельского народа с великим русским народом, благотворно влиявшим на сложение самобытной карельской культуры. Многочисленные летописные известия, начиная с 1193 г., свидетельствуют,⁷ что карелы и русские были объединены узами тесной дружбы и единством борьбы против общих врагов — еми (тавастов) и шведов. Лишь к XIV в. западные карелы были насильственно втянуты в орбиту шведского влияния, и господство шведов в западном Приладожье ослабило давнюю связь местного населения с русским народом. Роковой датой в этом отношении являлся 1293 год — год сооружения шведского замка-крепости в Выборге.

Чрезвычайно важен вопрос о генезисе западнокарельской культуры XII—XIV вв. Ее нельзя вывести из культуры западноприладожских могильников IX—XI вв. с сожжениями, принадлежащими скорее всего тавастам. Большинство находок из кексгольмских могильников имеет в качестве прототипов вещи из курганов IX—XI вв. южного и восточного Приладожья. Переход от курганной формы погребения к грунтовыми могильникам с трупоположениями можно, повидимому, проследить также на территории восточного Приладожья.

¹ Характеристику этого стиля см.: С. Nordman ук. соч.

² Специальное исследование об этих фибулах см.: J. Ailio. Karjalaiset soikeat kupurasoljet. SMYA, t. XXXII, 1922.

³ ОАК за 1904 г., стр. 109. — W. I. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, стр. 27—28.

⁴ Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. Матер. археологии России, т. XX.

⁵ T. Schwindt, ук. соч., табл. 24.

⁶ Там же, табл. 34.

⁷ В. Егоров. Русская летопись о карелах. Карелия. Ежегодн. Карельск. Гос. музея за 1928 г., Петрозаводск, 1930, стр. 70 и сл.

В 1929 г. на нижнем течении рек Тулоксы и Видлицы нами были раскопаны в ряде пунктов курганообразные невысокие насыпи неправильных очертаний в плане, содержащие трупоположения в срубках, совершенно аналогичных срубам кексгольмских могильников.¹ Расплывчатость насыпей и утрата ими правильной округлой формы указывают, повидимому, на вырождение курганного обряда. Инвентарь относится к XI—XII вв. На Видлице тогда же был обнаружен и грунтовый могильник с вещами кексгольмских типов, на котором, однако, развернутые исследования произвести не удалось.²

В свете изложенных, пока еще немногих, данных можно высказать положение, что карелы до конца XI в. жили в восточном Приладожье и далее к северу и северо-востоку от него. Здесь они развили собственную, по тому времени высокую культуру, важнейшим памятником которой является Калевала; обогатили ее благодаря влиянию русского народа и, как можно судить из более поздних летописных известий, при его поддержке заселили в конце XI—начале XII в. и западное Приладожье, вытеснив оттуда емь (тавастов), а частью, может быть, и смешавшись с ними. В своей дальнейшей борьбе с емью и со шведами карелы находились в тесном союзе с помогавшим им русским народом. Порабощение западных карелов шведами направило их историю на ряд столетий в другое русло.

Из других памятников этого же времени упомяну о распространенных в западном и северном Приладожье городищах, почти еще не исследованных.³ Примером их может служить городище у Тиун-Линасари в районе Ряйсаля, расположенное на берегу Вуоксы. Оно окружено стеной до 4 м высоты, сложенной из камней, и занимает площадь $225 \times 40 \times 60$ м. Судя по находкам, городище возникло не позже X в. Преобладающее большинство городищ здесь относится ко времени ранее, чем к XI в. Их распространение в это время вполне понятно, принимая во внимание непрерывную и напряженную борьбу карелов с емью и шведами.

Таковы в самых общих чертах важнейшие группы археологических памятников Карело-Финской ССР, поскольку мы знаем о них в настоящее время. К сожалению, эти памятники изучены еще в незначительной степени, причем основные исследования производились здесь финляндскими учеными еще тогда, когда Финляндия была частью царской России. К этому времени относятся все основные фундаментальные сводки по памятникам Финляндии, упоминавшиеся в предыдущих ссылках.

Казалось бы, самостоятельность Финляндии, предоставленная ей в 1918 г. советским правительством, должна была бы дать мощные стимулы для плодотворного продолжения этой исключительной работы по изучению своей собственной страны. Но странным образом в Финляндии в это время случилось как раз наоборот. Работы по археологическому изучению территории Финляндии после 1918 г. ослабели или, как это произошло с западным Приладожьем, почти совсем замерли, поскольку об этом можно судить на основании опубликованных данных.

Почему это так случилось? Мы, конечно, не можем обвинить финляндскую науку в недостатке внимания к археологии. Вовсе нет! В Финляндии издавна существует весьма почтенная археологическая традиция, и среди финляндских ученых насчитывается, особенно в прошлом, не малое число действительно крупных археологов (Аспелин, Айлио,

¹ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. Изв. ГАИМК, вып. 94, 1939, стр. 11 и сл.

² Там же, стр. 18.

³ H. Appelgren. Suomen muinaislinnat. SMYA, t. XII, 1891.

Аппельгрэн-Кивало, Грено, Хакман, Хейкель, Европеус, Пэльси, Швиндт, Талльгрэн и др.), которым археологическая наука всегда будет благодарна за их ценные труды.

Но современные археологи Финляндии в их руководящей части, к сожалению, ослабили изучение своей собственной страны и свое главное внимание устремили на территорию СССР, пытаясь взять на себя менее подходящую для них роль. Примером тому может служить многотомная, пышная по оформлению *Eurasia Septentrionalis Antiqua*,¹ основное содержание которой посвящено не памятникам Финляндии, как это, казалось, было бы наиболее естественно, но памятникам СССР. В организации этого издания могли играть роль разные причины субъективного порядка, но объективно здесь, вероятно, сказалось влияние нелепой идеи о том, что якобы возможна „великая Финляндия от Балтийского моря до Урала“, идеи, согласно которой руководящими политическими кругами Финляндии по крайней мере лесная полоса восточно-европейской части СССР рассматривалась как потенциально, в будущем, финляндская территория. С другой стороны, видимо, надо было вольно или невольно поддержать фальшивую версию о том, что научная работа якобы замирает в СССР и что в области археологии якобы именно Финляндия берет на себя задачу быть руководящим центром и по отношению к территории СССР.

Историческая действительность до основания рассеяла нелепые иллюзии насчет возможности „великой Финляндии от Балтийского моря до Урала“.

После Великой Октябрьской революции финляндские археологи, как было показано выше, почти ничего не сделали по археологическому изучению Карельского перешейка, западного и северного Приладожья — территории находившейся в их полном распоряжении. Что же за это время сделано в том же направлении советскими учеными по отношению к смежной северо-западной территории СССР (Карелия, Ленинградская область и прилегающие к ним районы)?

В течение советского периода были прежде всего достигнуты значительные успехи по геологическому изучению северо-запада СССР, что крайне важно для выяснения картины первичного заселения и древнейшей истории этого края.² Исследованиями Б. Ф. Землякова были открыты и изучены древнейшие памятники стоянки „арктического палеолита“ на крайнем севере и связанные с ними докерамические стоянки внутренней Карелии.³ Систематическими исследованиями по неолиту, произведенными А. Я. Брюсовым, Б. Ф. Земляковым, М. Е. Фосс, Г. П. Сосновским и др., установлено на этой территории множество неолитических местонахождений, часть которых была раскрыта раскопками (стоянки окрестностей Ленинграда, стоянки Негежма и Вознесенье на Свири, стоянки на Суне, у Медвежьегорска, на Бесовом Носу и др., в Прионежье, стоянки на озере Лач, стоянки на побережье Белого моря).⁴ Имеется

¹ *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, t. I—XII. Helsinki, 1927—1939.

² Б. Ф. Земляков. Четвертичная геология Карелии. Петрозаводск, 1936. — К. К. Марков. Геохронологические исследования в Карельской АССР. Природа, № 1931. — Он же. Развитие рельефа с.-з. части Ленобласти. Тр. Гл. геол.-географ. разв. упр., вып. 117, 1931. — К. Марков, В. Порецкий и Е. Шляпина. О колебаниях уровня Ладожского и Онежского озер в послеледниковое время. Тр. К. Ч. при Акад. Наук СССР, вып. IV, 1934, и мн. др.

³ Б. Ф. Земляков. Арктический палеолит на севере СССР. Советская археология т. V, 1940.

⁴ Б. Ф. Земляков. О следах каменного века на северном побережье Невской губы. Экскурсионн. дело, 1922, № 2. — Он же. Доисторический человек северо-западной области. Доклады Академии Наук СССР, 1926. — Он же. Негежемская неолитическая стоянка. Тр. Ком. по изуч. четвертич. периода, вып. II, 1932. — Он же. Работы

подробная карта неолитических местонахождений Карелии. Далее были изучены и опубликованы знаменитые наскальные изображения Онежского озера и Белого моря.¹ Был открыт и широко исследован единственный в своем роде поздненеолитический могильник на Южном Оленьем острове (Онежское озеро), содержащий более 150 погребений с богатейшими находками.² В течение ряда лет производились систематические исследования курганов Приладожья, открывшие много новых памятников на восточном побережье Ладоги.³ Составлена карта распространения этих курганов. Открыты курганы в Прионежье. Создан и растет музей в Петрозаводске. Выпущено в свет значительное количество археологических публикаций.

То, что не хотели или не могли сделать современные финляндские археологи, должно быть выполнено советскими исследователями теперь, когда западное и северное Приладожье стало советской землей.

Успешно развивающиеся на севере и западе СССР археологические исследования должны быть теперь распространены также на западное и северное Приладожье, богатое замечательными памятниками, которые заговорят по-настоящему, когда к их изучению будет применена полноценная советская методика исследований, разработавшая приемы раскрытия и изучения археологических памятников в качестве исторических источников.

Организация дальнейших археологических работ в Карело-Финской ССР должна иметь плановый и систематический характер. Необходимо произвести развернутые обследования в особенности в неисследованных районах и в первую очередь в западной части территории республики. В результате таких обследований должна быть составлена учетная картотека археологических памятников республики с различными иллюстративными материалами (фотографии, рисунки, планы, чертежи) и на основе такой картотеки археологическая карта. Сохранность учетных памятников должна быть обеспечена организацией надлежащей охраны с помощью местных учреждений. Археологические раскопки на территории республики в дальнейшем должны производиться по плану при обязательном согласовании работ местных и центральных научных и музейных учреждений с отчетными конференциями по всем таким работам за каждый год, при участии на них всех исследователей, занимающихся археологией Карело-Финской ССР. Необходимо обеспечить регулярную публи-

на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Археолог. работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I, стр. 11 и сл. — Он же. Неолитические стоянки восточного берега Онежского озера [прилож. к публикации наскальных изображений Онежского озера (Тр. Инст. археологии, антропологии и этнографии Акад. Наук, т. IX)]. — А. Я. Брюсов. Древние поселения по рр. Суне и Черной. Советск. Карелия, 1930, № 9—10. — Он же. Приемы выработки каменных орудий на северо-западе СССР. Сборн. секции археологии РАНИОН, Техника обработки камня и металла, М., 1930. — Он же. К вопросу об археологических изысканиях по доистории северо-запада СССР. Советск. Карелия, 1930, № 2/3. — М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. Советск. археология, т. V, 1940. — Она же. Стоянка доисторического человека на торфяном болоте. Торфян. дело, 1934, № 6. — В. И. Равдоникас, Б. Ф. Земляков, Н. Н. Гурина. Статьи о Вознесенской стоянке. Советск. археология, т. V, 1940. — Г. П. Сосновский. Разведки на Сестрорецком разливе. Археолог. работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I, стр. 23 и сл.

¹ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера. Изд. Акад. Наук СССР, 1936 (здесь указана и вся предшествующая литература). — Он же. Наскальные изображения Белого моря. Изд. Акад. Наук СССР, 1938. — А. М. Линевский. Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1939.

² В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Оленьем острове. Советск. археология, т. VI.

³ В. И. Равдоникас, ук. соч. — Г. П. Гроздилов. Курганы в Чолмужах. (Печатаются.)

кацию археологических материалов. Археологический отдел Петро-заводского музея должен гораздо шире развернуть свою работу; в нем должны быть представлены основные археологические материалы по всем категориям памятников территории республики.

Руководящую роль по организации намеченных мероприятий должны взять на себя научные и музейные учреждения Карело-Финской ССР при активной поддержке центральных археологических учреждений СССР — в первую очередь Института истории материальной культуры.

Нет сомнения, что археологическому изучению территории Карело-Финской ССР предстоит в советских условиях блестящее будущее.

В. И. Равдоникас

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ЧЕТВЕРТИЧНОЕ ВРЕМЯ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ЗАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ СЕВЕРА ЕВРОПЫ

Археологические исследования последних лет, обнаружившие многочисленные мезолитические памятники на крайнем севере Европы, внесли существенные изменения в наши представления о времени заселения этой территории человеком.

Совсем недавно древнейшими памятниками Карело-Финской республики и Кольского полуострова считались стоянки так наз. арктического каменного века (неолита А. Брёггера) и синхроничные им поздние стоянки озерного неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, датировка которых не превосходит суббореального периода (по схеме Блитт-Сернандера), что при переводе на абсолютную хронологическую сетку дает ок. 2500 л. до н. э. Приведенные хронологические рамки оказываются теперь значительно расширенными. Теперь мы можем говорить об археологических памятниках, датируемых еще субарктическим периодом и связываемых с веками Portlandia и Pholas, т. е. насчитывающих от 9000 до 11 000 л. до н. э.

Совершенно очевидно, что открытие столь древних памятников под 70° с. ш. (Финнмаркен, Мурман) заставило нас предпринять поиски аналогичных находок в более южных широтах, в частности — в пределах Карело-Финской республики. Эти исследования могли дать благоприятные результаты только в теснейшем контакте с изучением геологической истории четвертичного периода интересующей нас территории, поэтому изложению современного состояния вопроса о древнейшем человеке на севере Европы, о времени и путях его проникновения следует предпослать краткий обзор геологического развития восточной части Фенноскандии, занятой Карело-Финской республикой.

При беглом взгляде на топографическую карту Карело-Финской республики бросается в глаза обилие озер, обладающих часто правильными очертаниями. По широко распространенному, но ошибочному взгляду эти озера рассматриваются как результат выпаивающей работы древних ледников, между тем как в действительности мы имеем здесь дело с многочисленными тектоническими разломами древних докембрийских пород, составляющих основание Фенноскандинавского кристаллического щита. Еще в третичный период, когда земная кора была охвачена мощными горообразовательными процессами и происходило формирование основных депрессий севера Европы, в частности — северной Атлантики, Баренцова, Белого и Балтийского морей, древний горст Фенноскандии также подвергся деформациям, повлекшим за собой появление многочисленных разломов и трещин, превративших кристаллический щит в сложную мозаику из раздробленных и частично смещенных глыб. Много-

численные озера Карело-Финской республики, число которых превышает 15 000, являются в основном местами осевших глыб, лишь несколько углубленных и оглаженных последующей работой льда.

Следы оглаживающей и выпаживающей работы льда выступают на площади Карело-Финской республики повсеместно, сообщая чрезвычайно характерные черты всему облику страны. Как высокие скалистые „вары“, так и небольшие выходы скал получили под действием двигавшихся ледниковых масс однотипную форму так наз. „бараньих лбов“. Кроме следов механической работы льда здесь, почти на всем протяжении республики, сохранились следы ледниковой аккумуляции в виде покрова основной морены, состоящей из продуктов механического измельчения пород, слагавших ледниковое ложе, беспорядочно перемешанных с бесчисленными валунами. На площади большей части республики основная морена лежит в виде маломощного покрова, переходя на линиях продолжительных остановок ледникового края в высокие валы конечных морен. Другой аккумулятивной формой, связанной с деятельностью льда и его талых вод, являются озы — узкие, но высокие гряды с острым гребнем, протягивающиеся по направлению движения льда и сложенные грубо сортированным гравийным и валунно-галечным материалом. Образование озов связывают с деятельностью флювио-гляциальных потоков, отлагавших грубо сортированный материал в подледниковых и внутриледниковых туннелях, а также в долинах, заложенных на поверхности льда. Не исключена возможность образования некоторых озов в результате слияния древних дельт подледниковых потоков по мере отступления ледникового края.

Развитие мощного ледникового центра в Фенноскандии, достигавшего толщины нескольких километров, повлекло за собой некоторое нарушение равновесия данного участка земной коры и вызвало в результате прогиба опускание местности. Этим опусканием была захвачена и территория Карело-Финской республики. Когда ледник начал сокращаться и отступать к центральным частям Фенноскандии, прогнутые участки земной коры начали испытывать компенсационное поднятие. В периферических частях последнего оледенения, где мощность льда была не очень велика и где освобождение от ледникового покрова произошло раньше, вековое поднятие к настоящему времени уже закончилось. Территории же, расположенные ближе к центру оледенения, где мощность льда была гораздо большей, а освобождение ото льда последовало позже, испытали большее поднятие, которое на значительной площади Карело-Финской республики продолжается и в настоящее время. Одновременное повсеместное таяние ледников было связано с возвращением в океан громадных масс воды, что вызвало переполнение мирового океана. Подсчеты Антевса показывают, что поднятие уровня океана, после стаивания льдов последнего оледенения, должно было достигнуть по крайней мере 85 м. В результате сложения этих двух процессов — поднятия суши и поднятия океана — и происходило развитие Фенноскандии в поздне- и послеледниковое время. Там, где поднятие уровня океана превышало поднятие суши, наблюдалась морская трансгрессия, при обратном соотношении имела место регрессия моря. Как показали В. Рамсей, Райт и др., вся сложная геологическая история Балтики может быть выведена из различных соотношений этих двух факторов, на протяжении отдельных этапов поздне- и послеледникового времени. К сказанному следует добавить, что при изучении геологических разрезов Карело-Финской республики было установлено наличие двух морен с зажатými между ними слоями озерного и морского происхождения, свидетельствующими по крайней мере о двукратном надвигании льдов. Однако, поскольку эти отложения не могут быть непосредственно связаны с извест-

ными в настоящее время даже древнейшими археологическими памятниками Карело-Финской республики, мы оставим их без рассмотрения. Быстрое отступление льдов последнего оледенения с территории Карело-Финской республики повлекло за собой образование громадного количества талых вод, скопившихся у ледникового края и затоплявших места, едва успевавшие освободиться ото льда.

Таким образом, в южных и восточных частях Фенноскандии, в частности на площади Карело-Финской республики и в бассейне Белого моря, образовалось громадное позднеледниковое озеро, на дне которого отлагались ленточные глины с отчетливой годовой слоистостью, позволившие де-Гееру разработать свой, получивший широкое применение в археологии, геохронологический метод. Подобное же ледниковое озеро заполняло депрессию Балтики, Пейпуса и Ильменя, далеко протягиваясь к югу по долинам Шелони и Ловати. Освобождение ото льда горла Белого моря должно было вызвать спуск озерных вод в океан и проникновение последнего в наиболее пониженные части Карело-Финской республики, охватывающие Онего-Беломорский водораздел с Сегозером и Выгозером, депрессию Онежского озера, Онежско-Ладожский перешеек через долину р. Шуи и р. Видлицы, Ладогу, а также южную часть Карельского перешейка у Ленинграда. Этот древнейший позднеледниковый морской бассейн, вероятно совершенно отчленявший Скандинавию от материка, получил название I Иольдиевого, или Готигляциального, моря. Значительные площади севера и запада Карело-Финской республики в этот момент еще были покрыты льдом, но на южных берегах описываемого бассейна мог уже появиться продвигавшийся с юга человек, постепенно осваивавший освобождающуюся ото льда, озерных и морских вод территорию. На площади севера СССР мы еще не знаем вполне достоверных следов человека, датируемых этим временем; однако появление весьма многочисленных стоянок в несколько более позднее время, сопоставляемое с трансгрессией *Portlandia* на берегах Арктического океана, на самом севере Скандинавии, от западных частей Финнмаркена до восточного Мурмана, заставляет думать, что первые следы проникновения человека на север Фенноскандии нужно относить ко времени, близко совпадающему с Готигляциальным морем. Последующая трансгрессия Арктического океана, получившая название моря *Portlandia*, синхроничная II Иольдиевому морю Балтики, заканчивавшемуся на западе Ладогой, уже сравнительно недалеко проникала в пределы интересующей нас территории со стороны Белого моря. С этого момента Онежское озеро отшнуровывается от океана, постепенно опресняется и начинает существовать в качестве самостоятельного озерного бассейна. Древние береговые линии этого времени, хорошо представленные в районе Медвежьегорска, имеют уже отчетливые следы пребывания человека.

Встреченные стоянки располагаются на отметках от 65 до 80 м над ур. м., в то время как найденные здесь же отложения, с фауной морских моллюсков Готигляциального моря, находятся на отметках 90—100 м над ур. м. (рис. 3а). Эти древнейшие в Карело-Финской республике следы человека представлены исключительно каменными поделками, приготовленными из кварца, кварцита или роговика, залегающими в верхнем слое террасовых отложений в виде узких полос, идущих вдоль древних волноприбойных линий. Архаический облик орудий, характеризующийся наличием крупных тяжелых поделок из кварцита, типа ручных рубил и транше, сопровождающихся мелкими кварцевыми поделками, часто микролитовидного облика, дает полное основание для сопоставления указанных находок с мезолитической культурой Финнмаркена и Мурмана. Аналогичные находки были сделаны Г. Горецким в районе р. Кеми, причем здесь они залегают всегда выше максима

трансгрессии Тарес II, которая может служить, как и на побережье Арктического океана, нижней границей находок указанного типа.

Сравнительная малочисленность подобных находок в пределах Карело-Финской республики объясняется тем, что никто из археологов или геологов не допускал возможности нахождения следов человека на столь древних и высоко приподнятых вековым поднятием уровнях и не обращал на них должного внимания. Дальнейшее обследование древних береговых линий, синхроничных уровням Portlandia, Pholas, вероятно, значительно увеличит число древних памятников описываемого типа.

Последующее сокращение льдов, протекавшее одновременно со все возрастающими темпами поднятия страны, привело к отчленению балтийской депрессии от океана и образованию громадного пресноводного бассейна, получившего название Анцилового озера. Анцилово озеро простиралось в восточном направлении до Ладоги и, очевидно, совпадало с той стадией развития Онежского озерного бассейна, которая

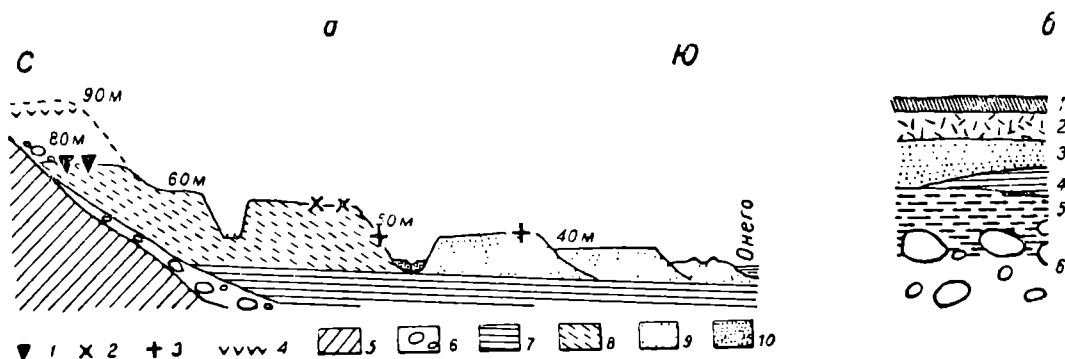

Рис. 3. Схематический геологический разрез.

а — разрез района г. Медвежегорска: 1 — мезолит; 2 — неолит развитый; 3 — неолит поздний; 4 — фауна морских моллюсков; 5 — скала; 6 — морена; 7 — ленточные глины; 8 — флювио-гляциальные пески; 9 — озерные пески (онежские); 10 — аллювиальные пески.

б — разрез стоянки у с. Вознесенье: 1 — гумусовый слой; 2 — щепа; 3 — песок; 4 — намывной торф; 5 — культурный слой; 6 — морена.

оставила волноприбойные знаки у Медвежегорска, на отметках, близких к 65—70 м, связываемых с археологическими находками, также близкими к так наз. „арктическому палеолиту“, о которых говорилось выше (рис. 3а). Весьма интересная находка древней рыболовной сети и нескольких орудий, относящихся, очевидно, к этому времени, была сделана С. Пяльзи в районе Корпилахти у Антреа, в северо-западной части Карельского перешейка.

Находки залегали в верхнем слое глины, прикрытой сверху пластом гиттии и торфа. На основании изучения диатомовой флоры и пыльцы древесных пород, заключенных в прикрывающих и подстилающих слоях, Линдберг, Хиппе, Кларк и др. склоняются к мысли о бореальном, т. е. анциловом возрасте указанной находки, в то время как некоторые археологи (Айлио, Равдоникас), базируясь на типах найденных орудий, считают находку более поздней.

Постепенное смягчение климата, закончившееся климатическим оптимумом атлантического периода, повлекло за собой усиленное таяние льдов и общее повышение уровня мирового океана, получившее в Балтике название трансгрессии Литторины (Littorina), а в Атлантике и Арктическом океане и Белом море — трансгрессии Тарес (Tapes). Волноприбойная линия этой трансгрессии является нижним пределом распространения культуры „арктического палеолита“ на севере и востоке Фенноскандии. В юго-западной части Балтийского бассейна этой поре отвечает эртебёлльская культура (кьеккенмёддинги), представленная очень много-

численными и богатыми находками, в то время как восточная Прибалтика дала лишь редкие единичные находки этого рода. Единственной находкой этого времени на Карельском перешейке является стоянка у ст. Разлив (Приморской линии Октябрьской ж. д.), давшая исключительно каменные поделки, содержащие орудия макролитического облика. Единичные находки подобных орудий, известные из юго-восточной части Карело-Финской республики, совершенно лишены каких-либо материалов по освещению условий залегания и потому не могут быть с уверенностью датированы. Дальнейшие поиски несомненно обнаружат памятники этого времени и в других частях Карело-Финской республики.

Наступление суббореального периода, когда границы морей и озер начинают близко подходить к современным, а климат испытывать некоторое ухудшение, дает весьма многочисленные в Карело-Финской республике стоянки озерного неолита с ямочно-гребенчатой керамикой. Хронологическое расчленение этих памятников, базирующееся на геологических

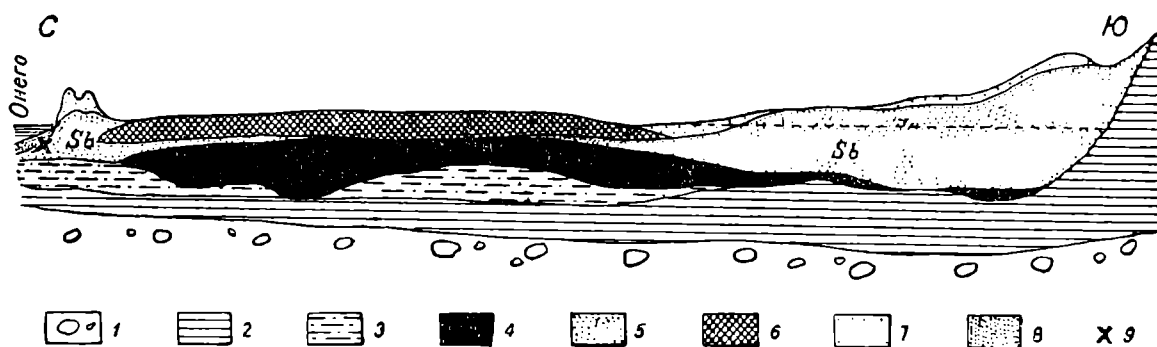

Рис. 4. Схематический разрез южного берега Онежского озера у р. Ошты.

1 — морена; 2 — ленточные глины; 3 — озерные пески (позднеледниковые); 4 — торф (атлантический); 5 — пески (суббореальные); 6 — торф (субатлантический); 7 — пески донные; 8 — пески онежские (современные); 9 — поздненеолитическая стоянка.

данных, особенно легко может быть проведено в прибрежной зоне Белого и Балтийского морей, а также таких крупных озер, как Ладожское и Онежское, история геологического развития которых, в послеледниковое время, установлена достаточно детально.

Располагаясь на территории, испытывающей вековое поднятие, продолжающееся до настоящего времени, эти озера, вытянутые на несколько сотен километров, должны иметь в своих крайних, по отношению к линии поднятия, точках значительную разность поднятий берегов, что должно привести к перекашиванию озерной ванны и сливу вод из области наибольшего поднятия в сторону наименьшего подъема.

В зависимости от положения порога стока эти местные озерные трансгрессии могли вызвать различный эффект. Поскольку Ладога и, вероятно, Онега имели первоначальный сток в своих северных частях, неравномерное вековое поднятие, обладающее более значительными темпами на севере, чем на юге, должно было рано прервать их сток и привести к общей трансгрессии по всему озерному бассейну, что мы и имеем в особенно яркой форме на примере Ладоги. Образование новых порогов стока через Неву у Ладоги и Свирь у Онеги вызвало спуск озерных вод до отметки нового порога стока. Следы подобных трансгрессий и последующей регрессии озерных вод прекрасно прослеживаются как в пределах Ладоги, так и Онеги. Наиболее ранние неолитические стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой предшествуют максимуму ладожской и онежской трансгрессии, совпадающему с первой половиной суббо-

реального периода [стоянки этого типа: Негежа, Вознесенье (рис. 3б), древние стоянки района Ряйсаля-Каукала и др.].

Наиболее часто встречающиеся неолитические стоянки Карело-Финской республики с ямочно-гребенчатой керамикой так наз. геометриче-

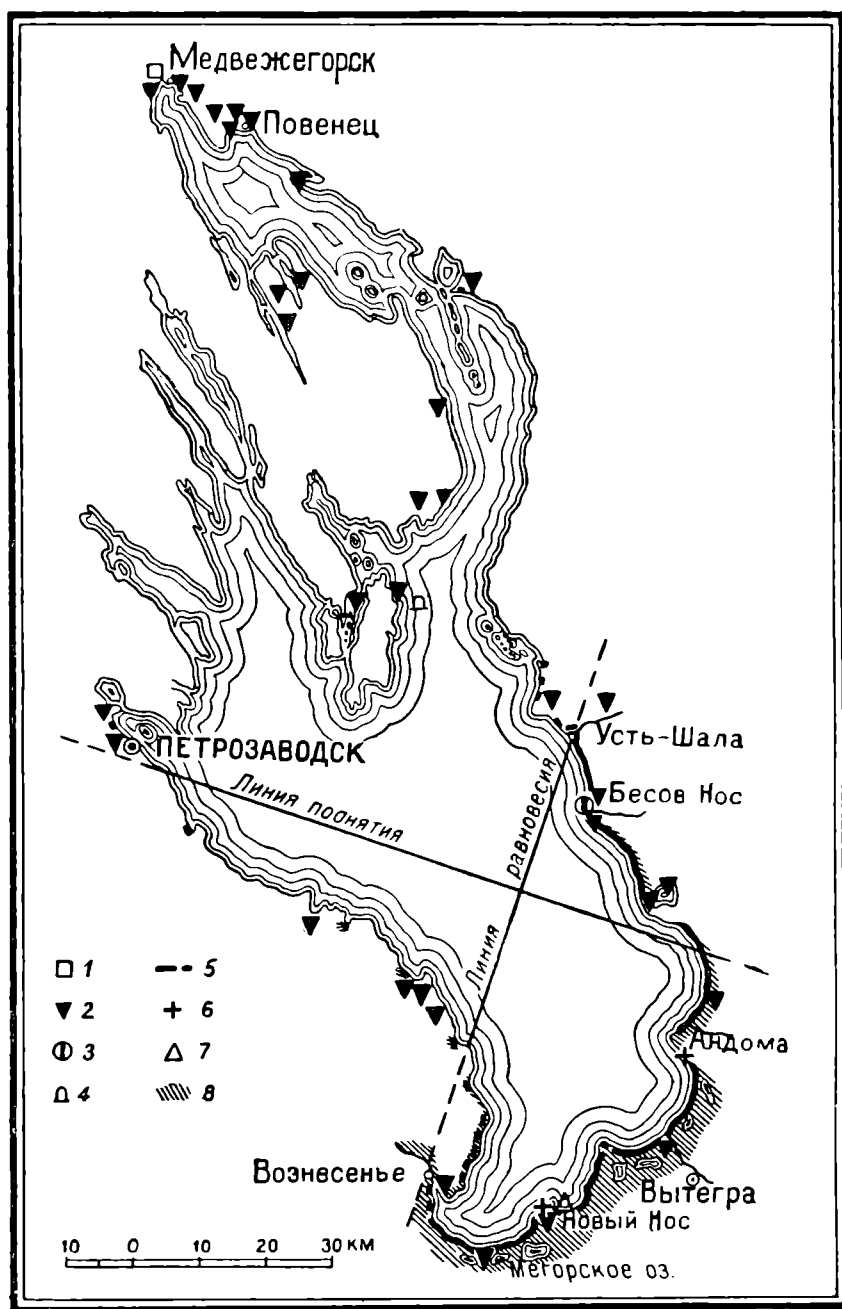

Рис. 5. Главнейшие мезолитические и неолитические памятники района Онежского озера.

1 — мезолитические стоянки; 2 — неолитические стоянки; 3 — петроглифы; 4 — могильник; 5 — дюны; 6 — затопленный лес; 7 — затопленный торфяник; 8 — суббореальная трансгрессия.

ского стиля совпадают с временем регрессии Ладожского и Онежского озер, связанной со спуском вод через долины р. Свири и р. Невы, и отвечают второй половине суббореального периода. Наиболее поздние неолитические стоянки, содержащие плоскодонные сосуды с вырождаю-

щейся гребенчатой орнаментикой и примесью асбеста в глиняной массе, относятся к переходной поре от суббореального к субатлантическому периоду. Стоянки последнего типа занимают позднейшие террасы и часто связаны с дюнами. В южных частях Онежского озера они размыты современной трансгрессией озера и залегают ниже его уровня, а в северных частях приподняты над последним на 4—5 м (рис. 4). Очевидно, с двумя последними категориями памятников связываются могильник Оленьего острова и петроглифы Онежского озера и Белого моря. В северных частях республики и на побережье Арктического океана этому моменту отвечают стоянки так наз. „арктического неолита“ Брёггера.

Таковы главнейшие из известных в настоящее время категорий древнейших археологических памятников Карело-Финской республики и их место в стратиграфической схеме страны (рис. 5).

Из приведенного перечня видно, что заселение крайнего севера Европы человеком произошло еще в сравнительно раннюю пору, когда в результате отступления льдов к центру Скандинавии, в периферической зоне страны, между океаном на западе и ледником освободилась узкая полоса суши, а общие физико-географические условия близко напоминали современную южную Гренландию. С востока покрытая льдом страна окаймлялась далеко вдающимся проливом древнего холодного Готигляциального моря. Несомненно, что человек передвигался к северу вслед за стадами северного оленя и морского зверя как по западной, так и восточной окраинам Фенноскандии, хотя норвежские исследователи и склонны считать восточный путь основным, поскольку древнейшие памятники „арктического палеолита“ не спускаются южнее западного Финнмаркена, а находки Ромсдаль-фиорда остаются спорными в отношении геологических условий залегания и датировки. Если предположения норвежцев подтвердятся, то именно на территории Карело-Финской республики должен быть найден ключ к разрешению поставленной перед нами проблемы. Первый шаг в этом направлении уже сделан; дальнейшие исследования археологов и геологов должны осветить во всех деталях этот интереснейший момент истории северо-запада СССР.

К сказанному следует лишь добавить, что поскольку во время моря Portlandia по всему крайнему северу Скандинавии сразу появляются многочисленные следы стоянок „арктического палеолита“, можно думать, что первое проникновение человека на берега Арктического океана произошло несколько ранее, напр. во время Готигляциального моря (Yoldia I). Скандинавские исследователи идут еще дальше, считая наиболее вероятным сопоставление этого момента с так наз. Аллерёдской стадией, когда значительное смягчение климата вызвало временное отступление ледников, за которым в Ра период (океана) последовал новый надвиг льдов, оставивший мощные гряды конечных морен — Сальпауссельке. Если это предположение верно, то древнейшие следы человека, отвечающие аллерёдской стадии, следует искать в южной и юго-восточной частях Карело-Финской республики и на севере Ленинградской области, где условия для их нахождения должны быть наиболее благоприятны.

Насколько оправдаются эти предположения, покажет ближайшее будущее.

Б. Ф. Земляков

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

На территории Карелии за последние годы был проведен ряд археологических исследований. Район же к северо-востоку от Онежского озера оставался совершенно не изученным.

Исследование северо-восточной части Карелии в геологическом и археологическом отношениях было начато лишь в 1933 г. Б. Ф. Земляковым и проводилось им в течение ряда лет.¹ В результате были подвергнуты частичным раскопкам несколько поселений, давших большой материал эпохи неолита.

Основываясь на данных геологии, с учетом археологических фактов, Б. Ф. Земляков построил схему датировки стоянок, исходя из высотных отметок их размещения над современным уровнем Онежского озера. Однако уже сейчас, располагая материалом более чем 10—12 стоянок, можно наметить их хронологическое взаимоотношение не только на основании геологических наблюдений, но также и по многочисленным вещественным остаткам, собранным на стоянках. Такую предварительную попытку мы и надеемся осуществить в настоящей работе.

Первая группа стоянок, небольшая по численности, располагается на вершинах оз, покрытых лесами, вдали от современного берега Онежского озера.

К этим стоянкам относится стоянка № 2 в Медвежьей Горе, раскопанная в 1933—1934 гг. Б. Ф. Земляковым, и стоянка у Пушного совхоза, в 5 км от пос. Повенец, раскопанная в 1938 г.

Стоянка у Пушного совхоза расположена в 3 км от современного берега Онежского озера на вершине озы, имеющей обычное для этого района юго-восточное направление. В юго-западной части оза обрывается к низкому заливному лугу. В северо-восточном направлении склон плавно спускается к болоту, близ которого были обнаружены еще две другие неолитические стоянки с типичной ямочно-гребенчатой керамикой.

Культурный слой стоянки у Пушного совхоза интенсивно окрашен в красный цвет, повидимому, вследствие обжига кострами; он залегал непосредственно под дерновым слоем и содержал значительное количество крупных и мелких камней, которые и слагают озу. Мощность слоя 20—40 см. Подстилающим слоем является желтый материковый песок с крупными и мелкими камнями. Стоянка располагалась вдоль озы.

В процессе раскопок стоянки были расчищены округлые в плане темнокрасные, со включением мелких угольков, пятна, углубленные в грунт на 10—15 см. Диаметр пятен достигает 1.5 м. Судя по размерам, окраске и углистым включениям, вероятнее всего считать их остатками очагов.

Инвентарь стоянки состоит из многочисленных шлифованных орудий из сланца в виде топоров, тесел, долот и мелких орудий из кварца, а также роговика.

Собрано большое количество керамики с орнаментом, резко отличающимся от всех известных стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой в Карелии (рис. 6 а—в).

Составными элементами орнамента являются: отпечатки перевитого шнура, располагающегося по сосуду в виде горизонтальных линий, мелкого штампа также в виде горизонтальных линий и штампа в виде римских цифр I, тесно поставленных друг к другу и покрывающих всю поверх-

¹ Б. Ф. Земляков. Отчет о работе на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I.

ность сосуда, наконец, особого штампа, слегка напоминающего мелкую косую клетку. Ямки на сосудах крайне редки и имеют неправильные очертания.

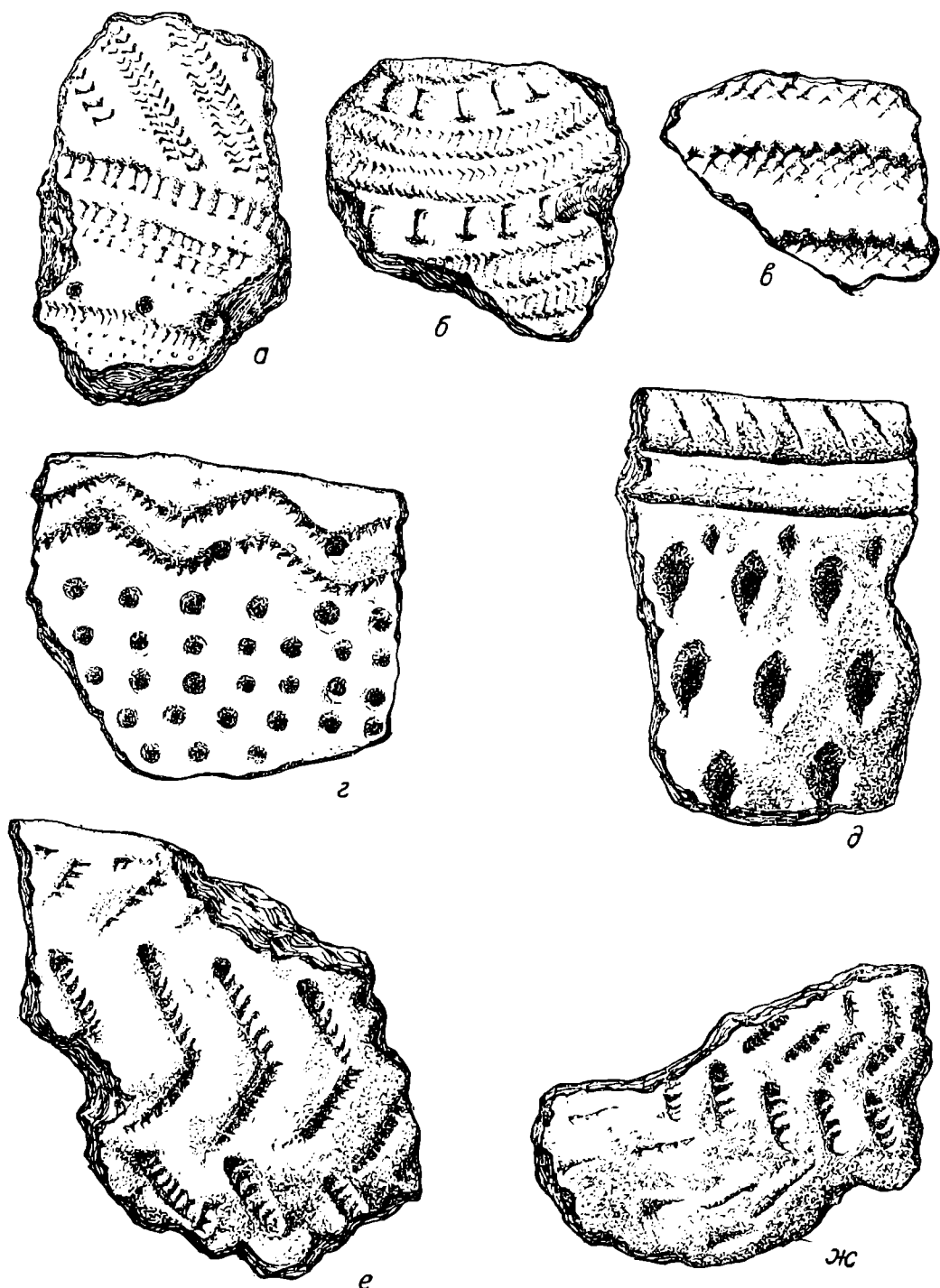

Рис. 6.

а—в — керамика первой группы стоянок; г—д — керамика второй группы стоянок; е—ж — керамика третьей группы стоянок.

Форма сосудов, судя по найденным днищам, остродонна. Размер в основном крупный, достигающий иногда 50 см в диаметре.

Весь комплекс инвентаря, как то: наличие крупных орудий, многочисленность керамики, указывают на то, что это поселение стационарного

типа, а не место, посещаемое лишь на сезон охоты или рыболовства. О занятии рыболовством говорит наличие большого количества грузил, обнаруженных на поселении. Найден также и якорь в виде плоской плиты, в форме усеченного треугольника, размером в 65 см, с пробитым отверстием в середине. Эта находка убеждает нас в том, что жителям этих мест были уже знакомы лодки, на которых они предпринимали путешествия на ближайшие пункты побережья Онежского озера прежде всего в поисках удобных мест для рыбной ловли. О таких посещениях свидетельствуют единичные находки керамики, типичной для стоянки у Пушного совхоза, сделанные на вершинах оз. Вой-Наволока и Воров-Наволока.

Вторая группа поселений, располагающихся на склонах оз., характеризуется керамикой, украшенной типичным ямочно-ребенчатым орнаментом (рис. 6 2—d). Последний располагается по сосуду строго зонально. К этой группе относится больше десятка поселений, которые в свою очередь несколько отличаются друг от друга.

К числу наиболее исследованных поселений, относящихся ко второй группе, принадлежит стоянка Вой-Наволока 9. Она находится на расстоянии 1 км от пос. Повенец, на мысу, значительно вдающемся в Онежское озеро.

Стоянка Вой-Наволока, как и многие другие, была обнаружена работниками Беломорско-Балтийского канала и частично раскопана Б. Ф. Земляковым в 1933—1934 гг. В 1938 и 1939 гг. раскопки были продолжены нами.

В свете этих раскопок поселение рисуется нам в следующем виде. Оно располагалось на покатом, песчаном склоне Онежского озера, ныне значительно отступившего, и было вытянуто с северо-запада на юго-восток. В юго-западной его части группировался ряд небольших зимних жилищ-полуземлянок, на ряду с которыми, можно предполагать, существовали и жилища летнего типа.

Раскопками 1938 г. было вскрыто одно жилище, размером 4×3 м, в плане удлинено-овальных очертаний, врезанное в грунт на глубину 80 см в северной части и на 1 м 30 см — в южной. Контур этого углубления отчетливо прослеживались в сильно сцементированном желтом песке типа оркштейна.

В северной части жилой ямы оказался очаг, сложенный из двух больших и нескольких мелких камней с интенсивным зольным пятном. В южной части углубление имело округлую форму и было заполнено наполовину белым мельчайшим песком, тогда как оставшаяся часть ямы была занята обычным красноватым культурным слоем. Находки встречались на всей глубине и состояли из очень большого количества керамики и отщепов.

Имеющиеся данные позволяют реконструировать это жилище в виде полуземлянки в плане удлинено-овальных очертаний. Вход в землянку находился в северной, менее покатой стороне ямы с очагом из камней, тогда как противоположная часть имела крутой, почти отвесный склон.

На краю землянки в северо-восточной ее части было обнаружено значительное количество керамики в крупных фрагментах, лежащих грудой, среди которых находился раздавленный и склеенный теперь сосуд значительных размеров. Черепки лежали на мелких камнях, служивших, вероятно, упором для округлых днщ сосудов.

Следов от упоров перекрытий не сохранилось. Пользуясь нашими наблюдениями над конструктивными особенностями самой ямы и характером залегания в ней культурного слоя, а также на основании этнографических материалов, можно реконструировать неолитическое жилище

на стоянке Вой-Наволоок. Североамериканские индейцы и эскимосы, живущие в аналогичных условиях, имеют землянки с шалашеобразным перекрытием, утепленным сверху шкурами и дерном. Наблюдавшаяся засыпь песка в верхнем горизонте жилой ямы на стоянке Вой-Наволоок 9 служила, вероятно, в качестве присыпки на крышу землянки для утепления последней, так как светлый песок заполнял половину площади ямы и по своей окраске и консистенции отличался от материкового песка.

Судя по разрезу землянки, очень вероятно предположить наличие в северной, менее углубленной ее части небольших сеней, что также часто можно наблюдать у северных народов.

В поисках прямых аналогий к нашей землянке укажем на близкие черты сходства ее с неолитическими землянками, известными в той же лесной полосе к юго-востоку от Онежского озера по исследованиям П. Н. Третьякова на р. Яне¹ и Б. С. Жукова у Балахны.²

Характер данного жилища указывает нам, кроме того, на то, что жители поселения вели в значительной мере оседлый образ жизни; это находится в тесной связи с формой их хозяйства — рыболовством, о котором можно судить с достаточной полнотой на основании найденного инвентаря.

На ряду с жилищами зимнего типа, к которым мы причисляем только что описанное, на летнее время года на неолитических поселениях сооружались и летние жилища, повидимому, в форме легких шалашей, требующих для своего устройства очень незначительной затраты времени.

Остатки, напоминающие такой тип жилищ на нашем поселении, были обнаружены нами при раскопках в 1939 г. Они представляли в плане два неправильно-овальных зольных пятна, размер одного из которых равнялся 5×1.80 м, другого 4.20×2 м.

Вблизи одного из пятен был расчищен открытый очаг менее 1 м в диаметре, состоящий из нескольких камней.

Кроме вышеописанных жилищ, на поселении вблизи землянки были вскрыты две ямы, в плане имеющие округлые очертания (диаметр их до 90 см). Эти ямы заполнены красным культурным слоем, содержащим значительное количество керамики. Вероятнее всего, что они имели хозяйственное назначение. Подобные ямы были встречены на неолитическом поселении у Питкюарви, где они располагались, как и у нас, по бокам жилища и были также заполнены многочисленными остатками керамики. На площади раскопа вблизи землянки было расчищено темное пятно неправильно овальных очертаний. Размер его 2 м по длинной оси.

В пределах пятна найдены три опрокинутых вверх днищами сосуда и значительное количество мелких камней, которые служили, повидимому, для упора днищ. Здесь мы, вероятно, видим следы хозяйственного хранилища, в котором находились глиняные сосуды с пищей.

Инвентарь, добытый в результате раскопок стоянки Вой-Наволоок 9, очень велик и достаточно разнообразен. На ряду с крупными шлифованными орудиями, среди которых встречаются толстообушные топоры так наз. русско-карельского типа, тесла и долота, имеется большое количество шлифованных камней (кварца и песчаника), пилы, грузил и много обломков глиняных сосудов очень крупных размеров, позволяющих проследить технику их изготовления.

Керамический материал в основном однороден. Это в большинстве своем обломки больших толстостенных сосудов с коническим дном.

¹ Неопубликованные материалы.

² Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ г. Балахны. Русск. антрополог. журнал, т. XII, вып. 1—2.

Преобладающим элементом орнамента на сосудах являются овальные, реже ромбообразные ямки, располагающиеся зонально и чередующиеся с горизонтальными линиями из косо поставленной гребенки. Лишь в исключительных случаях последняя образует узор в виде елочки или клетки. На всей орнаментированной поверхности ямки явно преобладают.

Примесь к глине служил крупнозернистый песок и мелкотолченый кварц. Обжиг очень хороший. В одной части раскопа встречены единичные находки керамики с примесью асбеста.

Совершенно особый орнамент имеет один фрагмент сосуда на стоянке Вой-Наволоч 9 из раскопок Б. Ф. Землякова (рис. 7 а). Имеющиеся фрагменты сосуда позволяют восстановить его следующим образом: край сосуда орнаментирован коническими ямками, ниже которых располагаются крупные зигзагообразные линии, написанные округлым, с маленькой пяткой, штампом, оттиснутым по 4 в ряд. Между зигзагами находится наиболее важная часть орнамента, выполненная тем же чеканом — изображение водоплавающей птицы (рис. 7 б). Сравнивая это изображение с изображением лебедя на петроглифах, а также на фрагменте сосуда, найденного близ Архангельска, мы видим, что туловище лебедя трактуется в виде полукруга, тогда как на нашем изображении туловище птицы приближается к четырехугольнику и напоминает изображения утки на петроглифах. Следовательно и в птице на нашем сосуде мы должны видеть утку (рис. 7 в—д). Зигзагообразный орнамент сосуда может быть определен как схематическое изображение воды.

Одним из моментов, резко выделяющим стоянку Вой-Наволоч 9 из большинства известных неолитических стоянок Карелии, является прежде всего материал, из которого сделаны мелкие орудия. Так, из 70 орудий и 375 штук отщепов из раскопок 1939 г. имеется лишь 4 кремневых орудия и 3 отщепа кремня. Все мелкие орудия (скребки и пр.) сделаны исключительно из кварца и роговика. Это обстоятельство является характерной чертой для всего района северо-восточного побережья Онежского озера и вызвано отсутствием месторождения кремня в ближайших районах.

Второй характерной особенностью стоянки можно считать почти полное отсутствие таких широко распространенных в неолитических стоянках предметов, как наконечники стрел и копий. На весь большой материал, собранный в 1939 г., приходится лишь по одному экземпляру наконечника стрелы и копья. Оба они изготовлены из роговика.

Многочисленными являются грузила, главным образом в виде плоских галек с просверленным или пробитым отверстием, а иногда просто с выемками по краям.

Такое обилие грузил должно указывать на широко применявшееся рыболовство и, может быть, его главенствующее значение при сопровождающей его, однако, охоте.

Наличие большого количества грузил указывает на развитые способы рыболовства — ловлю рыбы сетями, что подтверждается ясными отпечатками рыболовных сетей на внутренней стороне некоторых фрагментов сосудов.

Из найденных вещей особый интерес представляют сверла из роговика и кварца с сильно выраженными следами употребления.¹

Кроме грузил, на стоянке обнаружены плоские сланцевые орудия ромбической формы с заостренными концами и с высверленным отвер-

¹ Подробное описание и способ их употребления см. в моей заметке в „Кратких сообщениях о докладах и полевых исследованиях ИИМК“ (вып. V).

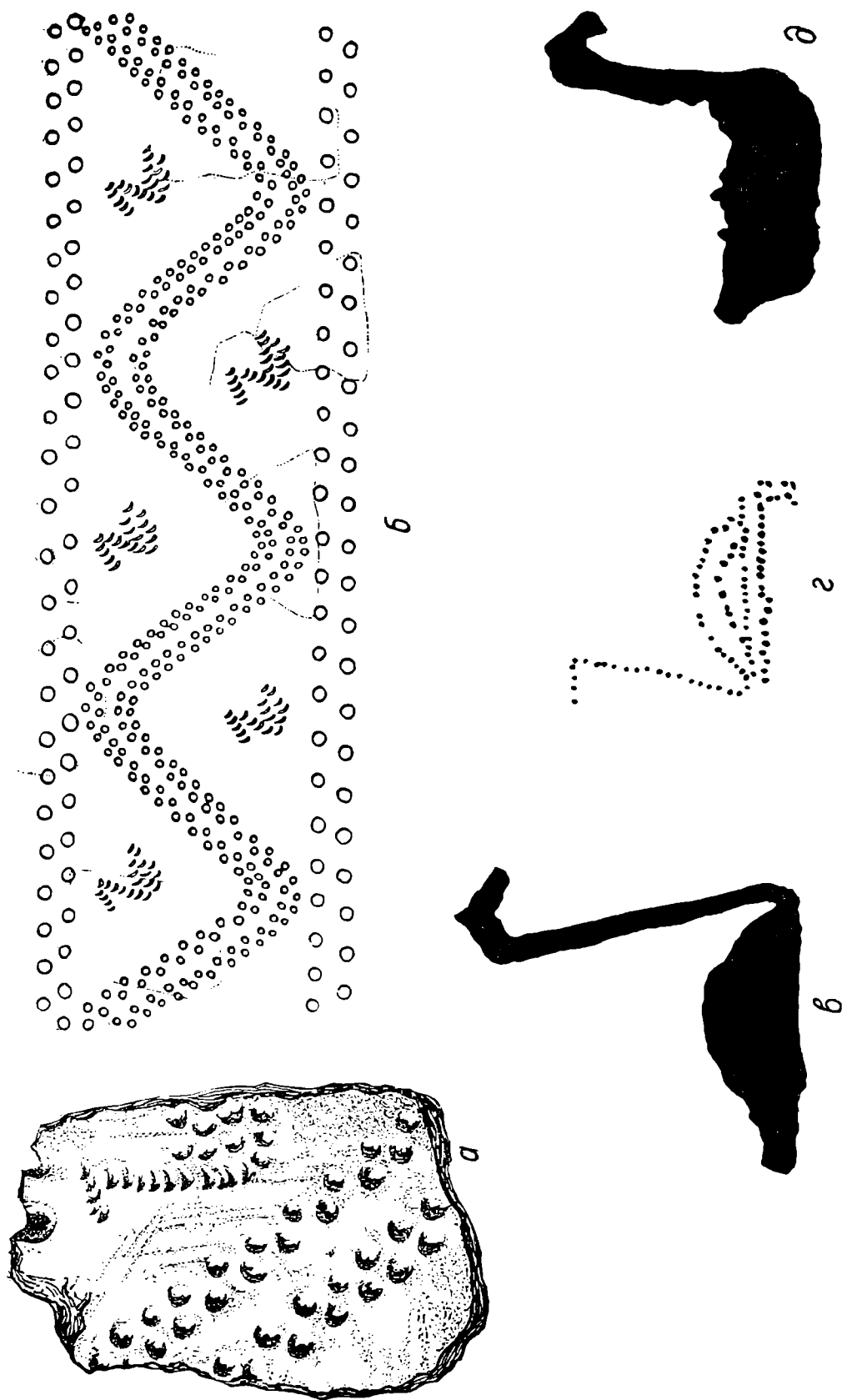

Рис. 7.

а — фрагмент сосуда из стоянки Вай-Наволоок 9 (раскопки Б. Ф. Зсмлякова); б — реконструкция орнамента на сосудах из стоянки Вай-Наволоок 9; в — изображение лебедя на наскальных рисунках на побережье Онежского озера; г — изображение лебедя на сосудах, найденном близ г. Архангельска; д — изображение утки на петроглифах Онежского озера.

стием в середине. Подобные орудия встречаются в большом количестве в стоянках Финляндии и, как редкое исключение, в Карелии. Во всех случаях эти предметы встречались или в поздненеолитических стоянках или в стоянках, содержащих медь.

Разведка, проведенная на одном из ближайших мысов берега Онежского озера, обнаружила еще одну стоянку с керамикой типа Вой-Наволоок. Она возвышается на 12 м над современным берегом Онежского озера и расположена на отчетливо выступающей 4-й террасе. Находки, сделанные здесь, состоят из большого количества фрагментов керамики, встречающейся скоплениями. Особое значение стоянки заключается, однако, в том, что среди обнаруженных там вещей были встречены два обломка металлических предметов. Произведенный анализ показал, что сделаны они из меди без примеси олова. Следует подчеркнуть, что обломки медных предметов были найдены под скоплением керамики, что исключает возможность проникновения их с поверхности.

Третья группа стоянок располагается на более низких высотных отметках, ближе к современному уровню Онежского озера, и характеризуется наличием керамики со значительной примесью асбеста. Наиболее характерным поселением этого типа в рассматриваемом нами районе является стоянка № 7 на том же мысу Вой-Наволоок. Она раскапывалась Б. Ф. Земляковым и дала интересный материал. Все крупные орудия здесь сделаны из сланца, а мелкие из кварца и роговика. Среди кварцевых орудий должны быть отмечены скребки с выемкой и сработанностью по одному краю. Сланцевые орудия не отличаются тщательностью обработки.

Количество керамики очень велико, а характер ее орнаментации и способ изготовления сильно отличаются от керамики первой и второй групп. Глина здесь с очень сильной примесью асбеста, вдоль волокон которого легко расслаивается черепок. Размер сосудов разнообразен. На ряду с очень крупными сосудами до 60 см в диаметре мы имеем значительное количество мелких до 8—10 см в диаметре. Форму крупных сосудов установить трудно. Все мелкие сосуды совершенно плоскодонны. На крупных сосудах часто можно встретить очень сильно нависающий над внутренней частью сосуда край.

Орнамент очень однороден, — это всегда мелкий, гребенчатый штамп, образующий в большинстве случаев зигзагообразный, иногда елочный узор. Изредка гребенка заменяется неглубокими линейными вдавлениями, образующими те же композиции (рис. 6е, ж).

Поверхность сосуда никогда не орнаментируется ямками, что стоит в тесной связи с характером примеси к глине, не позволяющей вследствие своей волокнистости применять глубокие вдавления.

Стоянка подобного типа обнаружена также у с. Челмужи, но не раскопана.

Керамика с асбестом и орнаментацией гребенкой, как известно, не является характерной только для данного района, а наблюдается в неолитических поселениях других частей Карелии, в северной части Ленинградской области и Финляндии. Однако этими районами она и ограничивается, не распространяясь на восток и юг лесной полосы.

На стоянке Вой-Наволоок 7 в раскопках 1934 г. были обнаружены остатки жилища, представляющие легкое углубление в песке, контуры которого приближались к вытянутому прямоугольнику.

В свете имеющегося сейчас далеко неполного и еще слабо изученного археологического материала вопросы датировок неолитических стоянок Прионежья представляют большие затруднения, но в качестве предварительных наблюдений нам рисуется хронологическая последовательность известных стоянок Прионежья в следующем виде.

Если на самых вершинах высоких террас этого района располагаются наиболее ранние стоянки бескерамического неолита, характеризующиеся наличием мелких отщепов кварца и очень редко кремня при полном отсутствии какой-либо керамики, то наиболее ранней группой поселений, имеющих керамику, является первая рассмотренная нами группа с орнаментом, нанесенным особой формы мелким чеканом (рис. 6 а — в). Стоянки этой группы занимают наиболее высокие места озы, возвышаясь над стоянками с ямочно-гребенчатой керамикой. Ни в одном случае находки этой группы не были сделаны на низких террасах. Необходимо также заметить, что если данная керамика и встречается с ямочно-гребенчатой, то последняя бывает в очень незначительном количестве и имеет явно подчиненное значение. Основываясь на схеме Б. Ф. Землякова, считающего, что наиболее ранние стоянки занимают наибольшие высотные отметки, эту группу стоянок мы должны будем считать по времени предшествующей появлению стоянок с типичным ямочно-гребенчатым орнаментом. Повидимому, ямочно-гребенчатая керамика развилась из керамики со специфическим мелким штампом, которая впоследствии была вытеснена совершенно. Связано ли это явление лишь со строго ограниченной территорией северо-восточного побережья Онежского озера или имеет более широкое распространение, пока сказать трудно.

О раннем возрасте первой группы стоянок свидетельствуют, кроме геологических данных, также характер инвентаря и, в частности, крупные, слегка изогнутые кирки из сланца, специфичные для ранних неолитических стоянок Карелии.

Подобное утверждение, что орнамент на керамике первой группы принадлежит к наиболее раннему типу для неолитических стоянок северо-восточного побережья Онежского озера, а может быть и Карелии в целом, идет в разрез с общепризнанной схемой развития неолитической керамики, из числа которой ямочная считается древнейшей.

Однако сумма упомянутых выше фактов подтверждает правильность нашего вывода. Кроме того, мы можем напомнить здесь и ряд других случаев, когда материал из неолитических стоянок более южной полосы также не вполне укладывается в эту схему. Укажем здесь на многослойные стоянки — Языковскую 1¹ и стоянку Никола-перевоз,² давшие в нижних слоях под ямочно-гребенчатой керамикой керамику со специфически прочерченным орнаментом. Наконец, напомним, что нижний слой Бологовской стоянки также не имел керамики ямочного типа.

Следующей хронологической группой являются стоянки, имеющие керамику, орнаментированную ямками с различным сочетанием гребенки (рис. 6 г, д). Внутри этой группы также можно наметить более раннюю, где орнамент состоит из круглых конических ямок, лишь изредка перемежающихся с горизонтальной полосой гребенчатого штампа.

Более поздними в этой группе являются стоянки с керамикой типа Вой-Наволоок 9, которую мы считаем правильнее отнести не к середине, как полагают исследователи, а к самому концу неолита. Об этом свидетельствуют следующие факты.

На поселении Вой-Наволоок 9 были встречены специфические орудия со сверлением, которые имеются лишь на поздних неолитических стоянках Финляндии и чаще всего на стоянках, содержащих медь. Эти орудия настолько характерны, что могут являться прекрасным датированным

¹ Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. Этнография, т. I, 1929.

² Неопубликованный материал.

материалом. На позднюю же дату стоянки Вой-Наволок 9 с несомненностью указывают и найденные на ней остатки бронзы. Напомним, что остатки меди были обнаружены и на стоянке Воров-Наволок, давшей точно такую же керамику.

Третий тип стоянок содержит керамику с примесью асбеста. Характер орнамента сосудов и форма сосудов (совершенно плоскодонная) указывают на принадлежность ее к эпохе бронзы. Факт же отсутствия изделий из металла на поселениях данной группы не является еще доказательством принадлежности ее к неолиту. Известно, что все ранние поселения эпохи бронзы, как правило, не имеют остатков бронзовых предметов.

Любопытными находками, подтверждающими нашу мысль, являются раскопки Брюсова близ Петрозаводска на урочище Томице, где была обнаружена древняя бронзово-литейная мастерская. На ряду с обломками льячек, тиглей и бронзовых слитков там была найдена керамика с примесью асбеста. По типу она имеет значительное сходство с нашей керамикой третьей группы.

Резюмируя все сказанное выше, мы приходим к следующему выводу: поселения, керамика которых относилась к первой группе, могут быть датированы неолитической культурой; поселения второй группы, вероятнее всего, должны быть отнесены к концу неолита и, наконец, поселения третьей группы могут быть отнесены к эпохе бронзы.

Чем же объяснить, что весь облик археологических материалов со стоянок второй и третьей групп носит на себе необычайно яркий отпечаток предшествующей неолитической культуры? Почему неолитические элементы в них выражены несоизмеримо ярче, чем элементы бронзы?

На наш взгляд, объяснение можно найти в хозяйственной обстановке, сложившейся на территории северо-западной части Онежского озера. На протяжении весьма длительного периода, начиная от неолитической эпохи и вплоть до эпохи бронзы, хозяйство древнего человека не претерпевало существенных перемен.

Рыболовство занимало в хозяйстве ведущее положение, охота имела соподчиненное значение. Процесс развития технических приемов лова рыбы, так же как и, вероятно, охоты, безусловно развивался; однако в целом хозяйство оставалось рыболовческим.

Поскольку основная хозяйственная база человеческих коллективов оставалась в главных чертах своих прежней, постольку не было достаточных факторов для коренного переоформления как самой организации общества, так и его хозяйства.

В этом запоздалом процессе исторического развития имела значение и некоторая изолированность территории от развитых в культурном отношении областей Восточной Европы.

Н. Н. Гурина

III. ДОКЛАДЫ НА УЧЕНОМ СОВЕТЕ ИНСТИТУТА И В СЕКТОРАХ

НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РАСТИТЕЛЬНЫХ ОСТАТКОВ С МЕСТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК

(Содержание доклада на Ученом совете ИИМК 1 июня 1940 г.)

В последние годы нам пришлось присутствовать при ряде археологических раскопок, производившихся в различных районах Азербайджана. Ознакомление с характером сохранения растительных остатков, отборка их и предварительное изучение непосредственно на месте сбора показали, что исходный материал позволяет извлечь из него подчас несравненно больше, чем те незначительные и часто почти совершенно разрушившиеся образцы, которые поступают исследователю-ботанику из витрин и фондов музеев. При этом наметились новые приемы исследования, в свою очередь предъявляющие новые требования как к сбору с мест раскопок материалов растительного происхождения, так и к сохранению последних до момента обработки их в лаборатории. Предметом настоящего сообщения является краткая информация о том, в каком направлении нами ведутся исследования.

Наиболее часто собираемым типом растительных остатков оказываются образцы древесин. Способы определения, если не видовой, то родовой принадлежности их к отдельным древесным породам могут считаться разработанными достаточно хорошо. Самое определение, хотя и бывает иногда связано с рядом технических трудностей, в настоящее время уже не представляет чего-либо принципиально нового. Недостаточно освещенным остается вопрос о применимости результатов исследования древесин для определения, во-первых, относительных, а затем и абсолютных (в годах) возрастов синхроничных им археологических находок.

Как показывают наблюдения, первым во времени разрушается межклетное вещество, и лишь затем наступает физико-химическое изменение непосредственно клеточных стенок. Однако скорость процесса биохимического разрушения межклетного вещества зависит не только от видовой принадлежности данной древесной породы, но и от совокупности столь разнообразных причин, что принять ее за критерий возраста находки нельзя. Нередко оказывается, что древесина, которая датируется сопровождающими ее памятниками материальной культуры, напр. эпохой ранней бронзы (II тысячелетие до н. э.), сохранилась несравненно лучше, нежели древесина, определенно датируемая XV—XVI вв. н. э., даже, когда речь идет об одном климатическом районе (раскопки в окрестностях г. Хан-лара и в Старой Гандже, АзССР). Такие же неотчетливые результаты дает и исследование степени насыщения дубильных веществ, встречающихся в древесине многих пород (напр. дуба или благородного каштана), железными солями, всегда присутствующими в грунтовых водах. Образующиеся при этом темноокрашенные соединения передают свой цвет и самой древесине; примером закончившегося процесса может служить

черно-зеленый „мореный дуб“. Рассчитывать на получение результатов для сравнения можно лишь в отношении остатков „мореных“ древесин, консервировавшихся в одинаковых условиях среды (напр. в речных наносах или в отложениях низовых болот) и в пределах районов, для которых допустимо принять устойчивое сохранение содержания солей железа в течение очень долгих периодов времени. Вряд ли этот способ найдет широкое применение, хотя в отдельных случаях и допустимо его использование.

В тех случаях, когда археологическая находка связана с наличием бревен или крупных кусков древесины, гораздо более ценные результаты дает наблюдение ритма прироста стволов, что изучается на поперечных (торцовых) разрезах.

Возраст дерева определяется числом годовых колец прироста древесины, которые легко пересчитать. Размер ежегодного прироста, при прочих равных условиях, определяется режимом погоды данного года. Поэтому на поперечном разрезе легко заметить, что ширина отдельных колец несколько различна: одни кольца шире, другие более узки. Наблюдаемое неравенство прироста подчинено определенной климатологической закономерности, по которой ритм изменений имеет одиннадцатилетний период в соответствии с так наз. „малыми периодами“ Брюкнера, в свою очередь связанными с ритмичностью электромагнитных явлений, наблюдаемых на солнце. Каждый из одиннадцатилетних периодов имеет свои индивидуальные особенности в размещении годов с различными погодными условиями внутри периода, а это в свою очередь находит себе отражение в чередовании на поперечном разрезе ширины непосредственно прилегающих друг к другу колец. Другими словами, можно сказать, что ствол дерева, развивавшегося в условиях резкого чередования времен года, — как то имеет место повсюду во внетропических странах, — является документом, в котором записаны в удобной для прочтения форме особенности погоды за весь период жизни данного ствола. Если мы будем сравнивать различные стволы той же породы, жившие в одно время и в близких условиях существования, то записи эти будут тождественны между собой и не совпадут с записями, которые будут нести стволы, жившие в другое время. Эти предпосылки, хорошо доказанные в лесоводстве, и кладутся нами в основу хронологизации находок.

Нет никаких оснований предполагать, что стволы, использовавшиеся для тех или иных сооружений (построек, мостовых, могильных камер), были заготавливаемы задолго до того года, когда они пошли в дело. Лишь в редких случаях разрыв между временем заготовки и использованием будет достигать нескольких лет; гораздо чаще год заготовки будет предшествовать году использования, если, разумеется, в дело не были пущены евна от разобранных более древних сооружений. Последнего приходится опасаться в районах, бедных лесом. Таким образом, в результате сравнения торцовых разрезов бревен, происходящих из сооружений, близких между собой по времени, можно определить, были ли сделаны отдельные сооружения одновременно или разновременно.

Выше уже было указано, что вполне убедительные результаты получаются при сравнении стволов одной и той же древесной породы. Оговорка эта необходима потому, что отдельные виды каждый по-своему реагируют на условия внешней среды, и совпадений в размерах прироста у них может не оказаться. По счастью, многовековой народный опыт использования древесины в долговечных сооружениях уже давно отобрал среди всего видового многообразия древесных пород лишь немногие. Для северных районов СССР — на западе это, в первую очередь, сосна, на востоке лиственница; для центральных — в Европейской части та же сосна и дуб, на Дальнем Востоке — корейская кедровая сосна и мон-

гольский дуб; для южных — дуб и древовидный можжевельник (арча), причем последний, помимо Средней Азии и Закавказья, находил себе постоянное применение в сооружениях Передней Азии к северу от зоны субтропических полупустынь и пустынь. Поэтому располагать сравнительным материалом оказывается не так трудно, как это кажется с первого взгляда.

Возраст крупных стволов, сохранившихся в виде бревен или рубленых плах, нередко достигает (особенно у таких медленно растущих пород, как арча) 150—200 лет и на торцовых разрезах может быть установлено до 15—18 периодов, каждый со своими индивидуальными особенностями.

Для выведения графика прироста не приходится, разумеется, ограничиваться одним торцовым разрезом; лишь сличением возможно большего числа их можно рассчитывать устранить всегда вероятные индивидуальные ошибки, происходящие из-за того, что не может быть двух стволов, которые развивались бы в совершенно тождественных условиях. Но уже в настоящее время удастся путем симметрического анализа графиков прироста стволов двух близких между собой по возрасту сооружений определить (в годах), насколько одно из них старше или моложе другого, при условии, что время возникновения одного из сооружений отделено от времени возникновения другого не свыше чем на полтора столетия.

Исследователи Соединенных штатов Америки располагают графиками прироста, простирающимися в прошлое свыше чем на два тысячелетия. Для получения их были использованы торцовые разрезы пней гигантских секвой („мамонтовых деревьев“) Калифорнии. Имея в своем распоряжении графики, американцы получили возможность определить в годах абсолютного летоисчисления время постройки сооружений Пуэбло южной Калифорнии. Сравнение оказалось возможным лишь потому, что оба объекта происходили из пределов одной климатической области. Сделанные недавно попытки применить график прироста секвой для определения возраста находок древесины на Скандинавском полуострове не увенчались успехом.

На территории СССР мы не располагаем ни одной древесной породой, которая по долговечности могла бы быть сравнена с секвоей. Однако намечаются два обходных пути для того, чтобы построить настолько большие графики прироста, которые были бы достаточны для определения в абсолютном летоисчислении возраста находок даже отдаленных от нас эпох.

Первый путь, применимый только для северных районов СССР, состоит в том, чтобы использовать для подсчетов крупные серии торцовых разрезов через пни болотной сосны. На определенных типах верховых торфяников развиваются своеобразные сосняки по болоту. Растущая здесь сосна остается маломерной и редко когда достигает возраста лет. Нарастающий вверх торфяной мох быстро затягивает коневую шейку, лишает корни дерева притока воздуха, в результате чего стволы засыхают, сухостой падает и истлевает, а пни остаются погребенными в слое выросшего торфа и могут быть извлечены из стенок карьеров на торфоразработках. Поскольку процесс гибели и возобновления сосны на торфяниках многократно повторяется, иногда удастся подобрать серию пней, достаточную для того, чтобы на основании их построить график прироста за несколько столетий. Болотная сосна не находит применения в строительном деле; полученный по ее пням график прироста не может быть непосредственно сравниваем с графиком прироста стволов деловой сосны, выросшей на суходоле. Нередко ритмика прироста болотной сосны оказывается полной противоположностью ритмике прироста суходольной. Засушливый год, а особенно ряд засушливых лет тормозят рост сосны, развивающейся в условиях нормального водо-

снабжения, что отражается на разрезе ствола появлением чрезвычайно узких колец. Те же засушливые годы у болотной сосны могут вызвать появление наиболее широких колец, потому что при засухе снижается уровень грунтовых вод, задерживается рост торфяного мха, а тем самым корневая система дерева попадает в более благоприятные условия снабжения воздухом. Если достаточно внимательно учитывать все эти особенности, график прироста болотной сосны, вероятно, все же может быть использован для определения абсолютного возраста в годах отдельных находок древесины. Основное же значение многовековых графиков прироста по болотной сосне заключается в том, что они позволяют установить, в пределах каких географических районов летопись стволов сравнима между собой. Непосредственно эти графики могут быть использованы для синхронизации древних гатей через болота, вроде обнаруженных на Среднем Урале, для которых использовалась та же сосна.

Другой путь может быть применен в тех единичных по климату районах, где древесные стволы представлены многочисленными остатками разновозрастных сооружений, захватывающих обширный промежуток времени и отделенных друг от друга периодами меньшими, нежели предельный возраст использованных в дело стволов. Конкретным примером могут служить деревянные настилы древних новгородских мостовых. Раскопки последнего времени показали, что свыше десятка их лежат друг над другом, разделенные нетолстыми слоями наносной земли, содержащей памятники материальной культуры. Время постройки верхних мостовых датируется историческими документами; самая нижняя, судя по находкам, может быть отнесена к X в. Срок существования каждой мостовой измеряется периодом меньше столетия. Для настила использованы плахи, вырубленные из вековых сосен. Нужно думать, что построенные послойно (и не по одному стволу) графики удастся наложить друг на друга концевыми частями по крайней мере на несколько периодов в каждом случае и тем самым получить связный график приблизительно за тысячелетие. Если учесть, что в пределах той же физико-географической области мы располагаем многослойными деревянными сооружениями в Старой Ладогe (возраст их охватывает отрезок времени между VII—VIII и X—XI столетиями), а в Торопце лежащие друг над другом деревянные срубы датируются по находкам временем от конца неолита до VII—VIII в., то перспектива дать связный график для Ленинградской области за долгий период времени делается чрезвычайно реальной. Не стоит останавливаться на том, как важно для работающих здесь археологов иметь ключ для определения возраста изучаемых ими сооружений с остатками древесины в абсолютном летоисчислении.

Не менее перспективным этот метод может оказаться и для лежащего в совершенно иных климатических условиях Закавказья, где имеется масса разновозрастных сооружений, включающих деревянные бревна, на протяжении от эпохи бронзы и до современности. Остатки деревянных лесов, современных времени постройки, сохранили многочисленные мечети Средней Азии. Судя по описаниям, немало их обнаружено в древнейших сооружениях Ирана и Малой Азии.

Как правило, сбор материала по крупным кускам древесины не входит в задачи археолога, производящего раскопки или ведущего исследование надземных сооружений. Нам известны лишь два планомерных сбора крупных бревен, которые хранятся сейчас в коллекциях Государственного Эрмитажа — М. П. Грязнова с южного Алтая и А. Н. Бернштама из Казахстана. Несколько цельных бревен из раскопок могильников эпохи бронзы близ Ханлара выставлено Я. И. Гуммелем в районном музее г. Ханлара. Повидимому, или вовсе не собранными или недоступными для исследования остались бревна свайных сооружений долины р. Риона.

Не удалось разыскать места хранения бревен из гати, датируемой неолитом, которая была обнаружена на Среднем Урале.

Обычно приходится сталкиваться со ссылкой на трудность транспорта. Но для исследования достаточно располагать вырезанным из наиболее толстой (комлевой) части бревна или плахи торцовым разрезом около 5—7 см толщины. А подобные образцы во всяком случае не тяжелее той керамики, которую считается необходимым брать во всех случаях.

Однако не только остатки самой древесины крупных или мелких размеров, но и самая зола с мест кострищ, сожжений и т. п. представляет большой научный интерес. Такого рода материал позволяет иногда судить о подчас крупных ландшафтных изменениях, которые претерпела местность в связи с деятельностью человека.

Так, в отрезке времени между эпохой развитой бронзы (начало I тысячелетия до н. э.) и периодом кувшинных погребений (ориентировочно грань первых годов н. э.) в пределах того же среднего высотного пояса Нагорного Карабаха в юго-восточном Закавказье можно констатировать на местах кострищ смену дубовой золы золой граба или грабинника. Биологическое значение дуба и граба как лесообразующих пород весьма велико. В то время как дуб в местных лесонахождениях является заключительной породой, граб играет роль сменной породы подобно тому, как у нас на севере сменной породой по отношению хвойного леса являются береза и осина. В юго-восточном Закавказье грабовые леса замещают дубовые в результате полного лесоуничтожения. Стало быть, трудно расценить смену золы, одну другой, иначе, чем документ, говорящий о том, что бывшие некогда сплошные дубовые леса оказались замещенными грабовыми. Это в свою очередь указывает, что дубовый лес оказался уничтоженным, вероятнее всего, в результате того, что площади, когда-то бывшие под лесом, отошли под сельскохозяйственные культуры. Вторым свидетельством развития сельскохозяйственных культур является сделанная нами здесь же и относимая еще к эпохе бронзы находка кремневого вкладыша в серп.

Еще более характерна смена золы древесных пород на золу тростника, которую мы можем констатировать между эпохами средней и поздней бронзы в могильниках с сожжениями, расположенными между г. Кировабадом и Ханларом. Единственной обоснованной причиной описываемой смены, относящейся к району, расположенному в пределах нижнего лесного пояса, можно считать лесоуничтожение. Но столь глубокое изменение характера ландшафта в равной степени важно и для понимания размеров изменения природы деятельностью человека и для понимания новых природных условий, воздействовавших на деятельность человека. Полное сведение лесов на-нет связано с совершенным изменением условий влажности. В условиях же Закавказья влажность — фактор, ограничивающий возможность сельскохозяйственных культур без применения искусственного орошения.

Как ни важны все эти вопросы при марксистском подходе к пониманию преемственности исторических процессов, ни в одном из музейных фондов нам не пришлось встретиться с точно этикетированными и собранными в относительной хронологической последовательности образцами золы из какого-либо определенного района.

Следующим по количеству собираемых образцов объектом, после древесины и углей, можно считать плоды и семена растений. Как и в отношении древесины, методика видового, а в некоторых случаях и сортового определения разработана достаточно хорошо для того, чтобы на ней стоило останавливаться. Образцы плодов и семян обычно представлены в музеях. При работе с ними самое трудное — это иметь уверен-

ность, что они действительно синхроничны тому культурному слою, из которого собраны. Всякого рода подземные пустоты, в том числе и пустоты внутри погребенных кувшинов или в могильных камерах, охотно используются животными-землероями в качестве складочных помещений для делаемых ими запасов. Подобные запасы, в некоторых случаях даже при внимательном изучении на месте, нелегко отличить от результатов деятельности человека-собирателя, и часть материала всегда остается несколько сомнительной и должна использоваться лишь с большими оговорками. Зато совершенно бесспорными могут считаться те растительные остатки, которые сохранялись в виде отпечатков в остатках керамики или обмазки строительных сооружений.

Как показывает исследование черепков, в ряде случаев в керамическую глину, особенно если она была очень жирной и тяжелой, а песка под рукой, повидимому, не оказывалось, в качестве наполнителя примешивалась мякина, а то и соломенная сечка. При обжиге органическое вещество нацело выгорало, черепок же на изломе оказывался переполненным мелкими полостями, соответствовавшими пространству, первоначально занятому растительной тканью. Лишь в очень редких случаях на поверхности полости достаточно подробно отпечатываются детали строения растительного остатка, которые позволяют его безошибочно определить. Исследование легче вести не на подлинном образце, а на сделанной с него фотографии. Регулировкой бокового освещения можно вызвать впечатление выпуклого рельефа, что в дальнейшем значительно облегчает работу.

К группе подобных же следов от объектов органического происхождения следует причислить и отпечатки ткани, характерной для „мешечной керамики“ (по термину, предложенному Я. И. Гуммелем) Кавказа и Закавказья. До настоящего времени подобный тип керамики считался руководящим для энеолита или, быть может, ранней бронзы, а технология изготовления мешечной керамики давно утраченной. В прошлом году, во время экскурсий по долине Аракса в пределах Азербайджана близ сел. Шихляр (Джебраильского района), пришлось услышать, что технология изготовления мешечной керамики еще бытует среди местного населения, хотя используется очень редко, специально для изготовления кувшинов, служащих для приноса воды с родников. Изготовление ведется следующим способом: первоначально из какой-либо ткани (в настоящее время применяется хлопчатобумажная бязь) делается выкройка по форме будущего сосуда, которая сшивается в виде мешка (таким образом, термин Я. Н. Гуммеля надо признать исключительно удачным и передающим особенности технологического процесса). Затем мешок туго набивается песком и с поверхности обмазывается глиной. После того как глина подсохнет, песок из середины мешка вытряхивают прочь и при помощи деревянного помазка обмазывают глиной внутреннюю поверхность сосуда. Наконец, высохший сырцовый горшок поступает на обжиг, при котором органическое вещество в большинстве случаев нацело выгорает. Преимущество такой посуды, судя по рассказам, состоит в том, что она очень прочна. Даже резкий удар, нанесенный по поверхности, вызывает, самое большее, растрескивание наружного слоя черепка, причем трещины не распространяются глубже слоя, который первоначально занимала ткань мешка. Черепок сосуда типа „мешечной керамики“ мы можем рассматривать в качестве примитивного аналога столь распространенных сейчас в автомобильном и аэропланном производстве небьющихся трехслойных стекол „триплекс“.

Нам не известно почти ни одного образца кавказских тканей, которые было бы возможно датировать энеолитом или ранней бронзой. Образцы отпечатков тканей из черепков мешечной керамики, имеющие

иногда (например в дагестанских образцах) не только простое полотняное переплетение, но и более сложные раппорты, представляют чуть не единственное указание на то, что ткацкое искусство уже существовало и даже достигало сравнительно большого совершенства. Исключительно интересно выяснить, волокном какого растения или животного пользовались в то время для изготовления тканей. Поверхность глины не передает тех особенностей строения поверхности волокна, которые позволили бы произвести определение. Но в очень редких случаях, при недостаточном обжиге, в стенках горшка сохраняются ооксовавшиеся остатки волокон. Подобные остатки волокон слишком хрупки для того, чтобы из них можно было изготовить препараты. Наблюдение скульптуры поверхности при отраженном свете не разрешает тех деталей, по которым ведется определение. Единственный способ, пока давший сколько-нибудь приемлемые результаты, состоит в получении оттиска с ооксованного волокна на тончайшем слое гомогенного мыла, который нанесен на поверхности предметного стекла. Способ получения „мыльных негативов“, на которых малейшие выпуклости рельефа выглядят почти прозрачными, а вогнутости матовыми, был впервые применен в 1932 г. Эбергардом Вюрт фон Вюртенау для исследования строения поверхности непрозрачных чешуек, а в 1933 г. им же при исследовании волокна древних коптских тканей, вещество которых от возраста настолько переродилось, что не поддавалось исследованию никаким другим способом. Пока можно сказать, что ткань мешечной керамики Дагестана из сборов А. П. Круглова была сделана не из шерсти, а из растительного волокна, видовую принадлежность которого еще не удалось установить.

К той же группе отпечатков растительного происхождения необходимо причислить и отпечатки, нередко сохраняющиеся на известке или глиняном растворе, который использовался для строительных целей. Такого рода материалом археологи обычно пренебрегают, между тем некоторые образцы, особенно пострадавшие от пожара, а потому при обжиге, дают возможность прийти к любопытным заключениям. Так, переданные нам образцы обожженной глины от остатков стен строения эпохи бронзы, собранные в Дагестане А. П. Кругловым, показывают, что стенка была возведена из стеблей болотного рогоза, а к обмазке вместо мякины, примешивавшейся к гончарной глине, примешивались листья осок и других водно-болотных растений. В настоящее время место раскопок населенного пункта отстоит свыше чем в десяток километров от берега Каспийского моря и приурочено к плечу древней Каспийской террасы. Прорезающие террасу горные речки имеют слишком большое падение для того, чтобы вдоль них могла развиваться болотная растительность, в частности — представители водных видов рогоза, требующих вязкого илистого грунта. Большие заросли рогоза можно, однако, встретить в предустьевых заводях рек там, где современные береговые валы Каспия образуют пересыпи и подпиют русла впадающих в море потоков. Вряд ли в эпоху бронзы человек перетаскивал за десяток километров необходимый ему строительный материал, скорее всего он использовал то, что было под рукой. Не если за отсутствием другого подходящего материала он и вынужден был доставлять издалека стебли рогоза, то уж для замески он использовал любые росшие рядом с его жилищем травы. Поэтому надо помнить, что в эпоху ранней бронзы строения были воздвигнуты вблизи места впадения речек в море, — это хорошо согласуется и с приуроченностью их к плечу древней террасы. Вполне понятно, что подобное заключение для археолога является уже не безразличным. Напомним, что только находке отпечатка в строительной обмазке антич-

ной виллы мы обязаны документальным подтверждением того, что персик был действительно в начале нашей эры введен в Италию, как об этом сообщает Плиний.

В некоторых случаях уже не отпечатки, а псевдоморфозы металлических окислов по некогда бывшему органическому веществу позволяют установить как вид применявшегося растения, так и археологический прием технологии. Так, из насадок ножа эпохи меди („кубанская культура“) удалось извлечь небольшие куски патины, покрытые очень тонкой параллельной штриховатостью. Микроскопическое исследование в отраженном свете показало, что это псевдоморфоз медных солей, нацело растворяющихся в кислотах по листьям тростника, которыми было оплетено окончание древка перед насадкой на него наконечника. Пatina передала не только особенности строения поверхности листа, но позволила различить размещение устьичных клеток.

Последняя группа растительных объектов, способы обработки которой нами в настоящее время изучаются, охватывает пищевые остатки.

Несмотря на всю важность вопроса о пище людей той или иной эпохи, в наших музеях почти совершенно отсутствует материал, пригодный для анализа. Не только цельные сосуды, но и черепки днищ, на которых скорее всего можно рассчитывать встретить пищевые остатки, как правило, хранятся в прекрасно очищенном и вымытом состоянии. Лишь присутствие непосредственно на месте раскопок дало возможность получить для исследования черепки, еще не прошедшие очистки. Подобные черепки днищ и дали тот материал, который был нужен, чтобы ответить на вопрос: что же было в данном горшке?

Находки были сделаны в колодцах дворца ширван-шахов в Баку; сопровождавшая их керамика датировала возраст XIV в. После того как окружающая порода, заполнявшая весь сосуд, несколько подсохла и ее оказалось возможным удалить выдуванием, обнажился не толстый более светлый и плотный комок, прилипший к внутренней поверхности днища и к основанию стенок. Осторожными ударами он был отделен от поверхности и перенесен в слабый раствор соляной кислоты, растворившей цементировавшую и маскировавшую органические остатки известь. Более крупные части, в одних случаях оказавшиеся костями птицы, в других рыбьей чешуей, немедленно перекладывались для промывки в воду, лишь только их можно было, без риска разрушить, выделить из включавшего вещества. С более мелких кислота была удалена декантированием, после чего они были многократно промыты дистиллированной водой до полного устранения кислой реакции. Анализ остатков позволил определить пленки зерен риса; отдельные кремневые клетки из оболочек рисовых зерен; косточки двух сортов винограда, не отличимые от возделываемых и в настоящее время на Апшеронском полуострове местных весьма своеобразных сортов винограда „шааны“; обломки внутренней перегородки плодов грецкого ореха; зерновки злака *Echinochloa macrocarpa* — злостного сорняка, специфически связанного с рисовыми плантациями. Помощь бакинских этнографов, указавших рецептуру приготовления ряда блюд, принятых в народной кухне населения Апшерона, позволила прийти к выводу, что найденные остатки пищи представляют собой два сорта плова — один с птицей, другой с рыбой (кутумом). Зажиривание кушаний давленными грецкими орехами или ореховым маслом вообще было широко распространено и до настоящего времени полностью сохранилось в грузинской кухне. В ряде случаев в горшках, ставившихся в могильники, не удастся открыть никаких следов пищи, а наружная поверхность горшков не несет признаков закопчения. Пересмотр большого материала по содержанию горшков, сопровождающих кувшинные погребения в Нагорном Карабахе (ориентировочно возраст

находок Я. И. Гуммель датирует началом нашей эры), в качестве рабочей гипотезы позволяет высказать соображение, что в них ставилось молоко, кипятившееся нагретыми камнями тем же приемом, который нам пришлось наблюдать в Забайкалье. В пользу такого соображения говорят наличие примазок в нижней части засыпавшей горшок породы, особенно вдоль стенок, какого-то ближе не определимого жира и мельчайших угольков. Уместно будет напомнить, что в Скандинавии недавно было сделано определение содержимого одного сосуда эпохи галльштадской культуры (железный век). Оказалось, что он содержал ягодно-солодовое пиво-вино; об этом свидетельствует наличие мельчайших семян черники и чешуй ячменя на ряду с большим количеством клеток дрожжей, которые были охмелены не „шишками“ хмеля, как принято в настоящее время для пива, а листьями кустарника *Myrica gale*. Отсутствие хмеля и наличие *Myrica gale* определено по наличию характерных волосков, сохранившихся в тонкой пленке, покрывавшей дно сосуда. Для Закавказья в ряде случаев удастся на стенках больших „карасов“ — кувшинов, вкапывавшихся в землю, обнаружить налеты винного камня (кислой калиевой соли виннокаменной кислоты), что свидетельствует о виноделии. Как было уже отмечено, сбор пищевых остатков из содержимого сосудов вообще не ведется, так что развитие работы в этом направлении задерживается отсутствием материала для исследования.

Вопросам применения пылевого анализа, в первую очередь для того, чтобы приурочить возраст тех или иных археологических находок к определенным климатическим эпохам, посвящена обширная литература. Методика исследования, к сожалению весьма трудоемкого, может считаться разработанной достаточно хорошо, чтобы на ней следовало останавливаться. Остается лишь указать, что сравнительно близкий метод был применен нами для изучения остатков хлебных злаков в местах скопления отбросов. В результате полного разрушения органического вещества, заметных остатков форменных элементов обычно различить не удастся. Лишь в редких случаях сильно гумусированная земля позволяет выделить отдельные семена или косточки, как правило, очень плохой сохранности. Лишь после удаления солей извести соляной кислотой, тщательной промывки и сжигания органического вещества концентрированной серной кислотой с прибавкой кристалликов азотнокалиевой соли удастся получить материал, пригодный для дальнейших исследований. В результате центрифугирования выделяется фракция, почти не содержащая частиц песка и сравнительно свободная от глины, которая вбирает в себя отдельные мельчайшие кремневые пластинки с характерными контурами и иногда поверхностной скульптурой. Это все, что остается от пропитанных кремнеземом клеток чешуй зерновок злаков. Для отдельных видов, а в некоторых случаях, повидимому, и для некоторых сортов злаков, морфологические признаки кремневых пластинок оказываются весьма стойкими, а это, в свою очередь, позволяет говорить о наличии той или иной культуры злаков, от которых не сохранилось никаких иных вещественных остатков. Подобного рода материал вообще в коллекциях отсутствует, а работа тормозится тем, что для точного определения необходима большая предварительная работа по сравнению распространения данного признака у большого количества возделываемых пород. Между тем анализ по кремневым пластинкам — чуть ли не единственный путь к определению ассортимента видов злаков, использовавшихся человеком на очень ранних ступенях культуры. Нужно думать, что каменные терки, — объект в археологических находках уже не такой исключительно редкий, — в углублениях на своей поверхности могут сохранить достаточно микроскопически мелких кремневых остатков тех зерен, которые на них измельчались. Весь пересмотренный нами мате-

риал по теркам имел слишком гладкую поверхность, либо был слишком тщательно вымыт, и подтверждением нашего предположения мы пока не располагаем.

Этим настоящее информационное сообщение можно закончить. Выводы из него и просты и ясны. Растительные остатки, происходящие из мест археологических раскопок, могут дать много; в некоторых случаях они могут перевооружать историков материальной культуры. Необходимо, чтобы при сборе материалов им было уделено достаточное внимание.

Надо прибавить несколько слов относительно сбора и, главное, относительно способов подготовки образцов к отсылке на обработку. Нередко бывает, что тот или иной органический остаток, в момент своего вскрытия совершенно целый и полноценный с научной точки зрения, в течение нескольких часов рассыпается в прах и делается непригодным для дальнейшего изучения. До настоящего времени наилучшей считалась заливка в парафин. Но способ парафинирования при всей своей простоте имеет огромные недостатки: он не позволяет брать влажные образцы, а высыхание последних связано с их разрушением. В течение последних лет В. Н. Кононовым был экспериментально проверен способ намачивания образцов, сперва пульверизацией, а затем и просто увлажнением, от 10 до 40% раствором глицерина в спирту (а для неокрашенных объектов в денатурате). Этот способ дал прекрасные результаты и в 1939 г. был применен А. Н. Бернштамом во время раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа в Северном Казахстане. Двойное погребение на деревянном помосте систематически, изо дня в день, обрызгивалось глицерином в спирту, а затем, когда остатки достаточно закрепились без нарушения в расположении частей, все погребение было доставлено в Ленинград. Благодаря примененному способу фиксации материал поступил в прекрасном для дальнейшего исследования состоянии. По растительным остаткам удалось установить не только сезон года, когда было сделано погребение (ранняя весна: листья на ветвях таволожки, служащей нижней подстилкой для трупов, не достигли полного развития и сохранили еще гидатолы), но и выяснить любопытные детали ритуала погребения. В то время как под изголовьем женского трупа было подложено сено, под изголовьем мужского трупа сперва была сделана прослойка из молодых 5—6 см длины веточек вечнозеленой арчи (древовидного можжевельника), затем прослойки из плодоносящих цветочных корзинок одного из видов полынок и лишь затем шла сухая трава, веточки таволожки и безлистные стебли полынки, лежавшие вплоть до деревянного настила.

В. А. Петров

Лаборатория консервации
и реставрации документов Академии Наук СССР

ИТОГИ АНАТОМИЧЕСКОГО И РЕНТГЕНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СКЕЛЕТА ЯРОСЛАВА МУДРОГО

(Доклад на секторе дофеодальной и феодальной Восточной Европы 29 апреля 1940 г.)

При превращении Софийского собора в Киеве в архитектурно-исторический заповедник были обнаружены в склепе два скелета — мужчины и женщины. По преданию, в этом склепе должны были находиться останки великого князя Ярослава Мудрого. Второй скелет — женский, как нам указали историки, быть может, является скелетом жены Ярослава — Ингигерд.

Ярослав умер в 1054 г. С тех пор Киев и Софийский собор часто становились добычей завоевателей. Несомненно, что княжеская гробница представляла особую приманку для многочисленных грабителей. Ничего нет удивительного в том, что в 1939 г. при вскрытии склепа никаких ценностей не было обнаружено. Нужны, конечно, веские доказательства, подтверждающие, что мы имеем дело действительно со скелетом Ярослава Мудрого.

Путем сопоставления летописных данных с результатами анатомического и рентгенологического исследования можно было легко показать, что в склепе был действительно похоронен Ярослав. Однако изучение этого скелета дает также некоторые новые материалы для реконструкции физического облика Ярослава Мудрого — одного из крупнейших исторических деятелей древней Руси, которому приписывают создание первого свода законов — „Русской Правды“. Кроме того, эта своеобразная судебно-медицинская экспертиза почти через 900 лет после смерти Ярослава позволяет по-новому осветить некоторые противоречивые и неточные указания летописцев.

Летописные данные о древней Руси, ее возникновении, о происходивших в ней великих событиях и их героях представляют смесь точных записей с рассказами со слов очевидцев и художественной переработкой достоверного и непроверенного материала. К тому же все сохранившиеся летописи не являются первоисточниками. Это — летописные своды, не только переписанные, но исправленные и дополненные несколькими поколениями составителей.

Ошибки и противоречия, допущенные при составлении записей или при позднейшей переписке, могут быть вскрыты иногда путем сопоставления даже с данными, приводимыми в том же летописном своде или же при сравнении с другими историческими источниками и хронологическими датами (см. ниже — год рождения Ярослава).

В Тверской летописи отмечается, что Ярослав вследствие болезни долго не ходил и всегда был при матери своей — Рогнеде („сын же ее Ярослав сидяще у нея, бе бо естеством таков от рождения“).

Летописец указывает, что Ярослав вылезился внезапно („чудесно“). Это излечение якобы совпало с новыми тяжелыми переживаниями его матери, получившей известие от Владимира о разводе. По словам летописца, Владимир после крещения считал возможным иметь лишь одну жену — Анну Греческую. Гордая Рогнеда не пожелала очутиться в новом положении не царицы, а подданной. Она сообщила Владимиру, что уходит в монастырь: „быв царицею, не хоцю раба. быти земному царю, ни князю“.

В этот трагический момент, по словам летописца, произошло якобы внезапное излечение больного ребенка: „Ярослав вста на ногу своею, а прежде бо бе ни ходил“.

Если Ярослав, из-за какого-то заболевания в грудном возрасте, не мог ходить, то нельзя допустить с чисто врачебной точки зрения, что этот болезненный процесс длился 10 лет, с 978 до 988 г. (года крещения) и в течение всего этого времени не позволял ребенку ходить и что излечение (очевидно внезапно наступившее улучшение) произошло после столь продолжительного заболевания. Характер патологического процесса и его исход, как показывает состояние скелета, свидетельствуют о неточности летописного рассказа, что вполне понятно, ибо летописец не мог знать того, что известно лишь современному специалисту (рентгенологу и анатому).

Рассмотрим теперь, что может дать анатомическое и рентгенологическое исследование скелета, во-первых, для окончательного и бесспорного решения вопроса о том, кто был похоронен в древнем склепе

в Софийском соборе; во-вторых, для освещения вопроса о том, чем болел Ярослав в детстве, как долго его болезнь действительно не позволяла ему ходить. Точный ответ на последний вопрос позволит исправить ошибку летописца относительно года рождения Ярослава (и общей продолжительности его жизни). Кроме того, проанализировав состояние всего скелета, мы получим некоторые объективные данные, характеризующие физический облик Ярослава.

Нам был прислан для исследования довольно полный скелет старого человека.

Скелет отличался наличием множественных деформаций и значительными патологическими изменениями в костях правой нижней конечности. Асимметричное и непропорциональное развитие скелета конечностей и позвоночника затрудняло определение общего роста.

Как известно, существует ряд формул (процентных соотношений), позволяющих по одной или нескольким длинным трубчатым костям судить об общем росте человека. Однако в данном случае наличие деформаций и патологических процессов приводило к тому, что, хотя мы измеряли лишь нормальные кости, все же на основании одних трубчатых костей можно было думать о большем росте, на основании других — о меньшем общем росте этого человека. Это объясняется тем обстоятельством, что при наличии деформаций и патологических процессов в раннем детском возрасте, в дальнейшем наступают вторичные реактивные изменения в „нормальных“ костях.

Изучив размеры „нормальных“ костей верхней и нижней конечностей, пользуясь формулами Пирсона и Манувриэ, а также нашими (Д. Г. Рохлина и Е. И. Преловой), мы пришли к выводу, что в зрелом возрасте это был человек выше среднего роста (около 175 см).

В черепе привлекает внимание состояние швов. На ряду со сглаживанием и исчезновением их (что характерно для старческого возраста) наблюдается сохранение инфантильных швов, которые у подавляющего большинства людей исчезают в детском возрасте. На всем протяжении виден лобный шов; он сохраняется лишь у 5—10% взрослых. Виден боковой отдел поперечного шва; этот шов сохраняется лишь у одного из 200 взрослых.

На основании состояния черепных швов можно сказать, что череп принадлежит человеку старше 50 лет, у которого однако сохранились инфантильные особенности.

В челюстях сохранились луночки всех зубов; иначе говоря — этот человек умер, сохранив все зубы. В челюстях нет проявлений старческой атрофии; следовательно, функция жевательного аппарата не была ослаблена.

Турецкое седло (костное ложе одной из важнейших желез с внутренней секрецией — гипофиза) средних размеров. Как это видно на рентгенограмме, основная пазуха пневматизирована на всем протяжении; лобная пазуха умеренных размеров. Толщина черепного свода представлена средними размерами.

На основании указанных особенностей черепа можно считать, что данный человек в отношении своеобразия его эндокринной формулы (отображающей особенности работы желез с внутренней секрецией) характеризовался пониженной функцией передней доли гипофиза, пониженной функцией половых желез и несколько повышенной функцией щитовидной железы. Для этой конституции характерны легкая возбудимость, быстрая раздражимость.

Сосцевидный отросток правой височной кости перестроен по типу губчатой кости; слева же обнаруживается неравномерное и неправильное распределение воздуходержащих клеток с частичной перестройкой

по ранее указанному типу (губчатой кости). Эти изменения в структуре сосцевидных отростков можно интерпретировать следующим образом. В правом ухе в младенческом возрасте был воспалительный процесс, быстро ликвидировавшийся. В левом же в течение ряда лет неоднократно повторялись воспалительные изменения.

Значительные изменения были обнаружены в позвоночнике; они представляют, во-первых, старческие особенности, проявления дряхлости, последствия перегрузки; во-вторых, имеются некоторые анатомические отклонения, не связанные с своевременным и преждевременным старением, но также обуславливающие некоторые отклонения в осанке. Эти особенности позвоночника, следовательно, заслуживают внимания с точки зрения физического облика этого человека в последние годы жизни. Некоторые из этих особенностей были отчетливо выражены и в молодости.

В шейных позвонках имеются умеренно выраженные старческие изменения; только в четвертом шейном позвонке наблюдаются резкие старческие изменения.

Тела второго и третьего грудных позвонков, в силу врожденной аномалии развития, полностью срослись, причем межпозвоночное пространство между телами этих позвонков на всем протяжении окостенело; такому же окостенению подверглись и межпозвоночные суставы между этими позвонками.

В верхних грудных позвонках имеются умеренные проявления старения, в нижних — резкие проявления старения.

В телах некоторых грудных позвонков имеются следы прорыва ткани межпозвоночного диска в смежные тела позвонков, — это так наз. хрящевые узлы, в подавляющем большинстве случаев возникающие в результате перегрузки позвоночника (слишком большого физического напряжения мышц торса, падения и т. д.).

Имеющиеся костные спайки между телами поясничных позвонков в результате окостенения передней продольной связки также обычно являются следствием перегрузки, травматизации.

Позвоночник в целом s-образно искривлен во фронтальной плоскости. Наличие полной левосторонней сакрализации нижнего поясничного позвонка (т. е. костное соединение его с крестцом) позволяет считать, что указанное искривление позвоночника в той или иной мере могло быть выражено уже в молодом возрасте.

Грудина состоит из двух сегментов, что может наблюдаться даже в глубокой старости.

Резкие старческие изменения были обнаружены в области ребер на суставных фасетках, сочленяющихся с поперечными отростками позвонков; головки ребер отличаются умеренными проявлениями старения. Резкие краевые костные разрастания — проявления деформирующего артроза — в правом грудинно-ключичном суставе, менее выраженные изменения того же порядка слева. Это свидетельствует о том, что безусловно большая профессиональная нагрузка падала на правую верхнюю конечность. Имеются проявления перегрузки в области главного и добавочного правого плечевого сустава и правого грудинно-ключичного сочленения. Между тем на суставных поверхностях, участвующих в образовании локтевого и лучезапястного суставов, нет этих изменений.

В левой лопатке акромиальный отросток представлен двумя отделами. Сохранение неслившегося наружного отдела акромиального отростка свидетельствует о сохранении юношеских особенностей в этом отделе скелета. В области суставной впадины лопатки и на головке плечевой кости краевые костные разрастания (деформирующий артроз), но менее резко выраженные, чем справа. На суставных поверхностях

костей, участвующих в образовании локтевого и лучезапястного суставов, нет изменений. Левая верхняя конечность нагружалась значительно меньше, чем правая. Нагрузка и в этой конечности падала также на те суставные поверхности, которые участвуют в движениях, связанных с большим размахом (напр. когда рубят мечом).

На первой правой пястной кости (рис. 8а) обнаружен старый внутрисуставной перелом части основания этой кости с подвывихом кнаружи

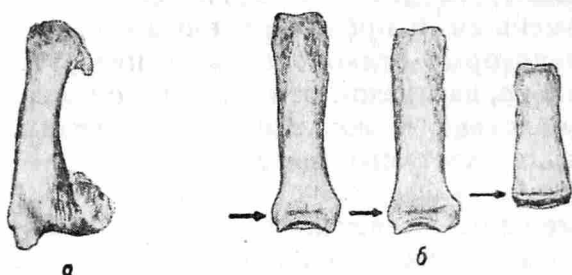

Рис. 8.

а — первая правая пястная кость Ярослава Мудрого. Старый сросшийся внутрисуставной перелом в области основания пястной ости. Мощные вторичные костные разрастания. Объем движений в этом суставе был ограничен. В области головки этой кости видны краевые костные разрастания, возникшие в результате хронической перегрузки; б — короткие трубчатые кости Ярослава (две основные и одна средняя фаланга). Отсутствие проявлений старения. Сохранение поперечной пластинки (поперечный "тяж" отмечен стрелкой) в области бывших зон роста как косвенное проявление некоторого субгени- тализма.

и кзади; в качестве его последствия и дальнейшей перегрузки резкие краевые разрастания — проявления деформирующего артроза на суставных поверхностях седловидного сустава. Умеренные изменения такого же характера в области седловидного сустава на левой кисти.

Почти полное отсутствие проявлений старения на суставных поверхностях остальных сохранившихся коротких трубчатых костей (фиг. 8б).

Таким образом, больше всего нагружались и перегружались правый плечевой сустав, правый грудинно-ключичный сустав и суставы первой пястной кости справа же. Это позволяет выяснить некото-

рые специфические особенности выполнявшейся работы, если при этом учесть, что локтевой и лучезапястный суставы справа и слева обнаруживают минимальные изменения.

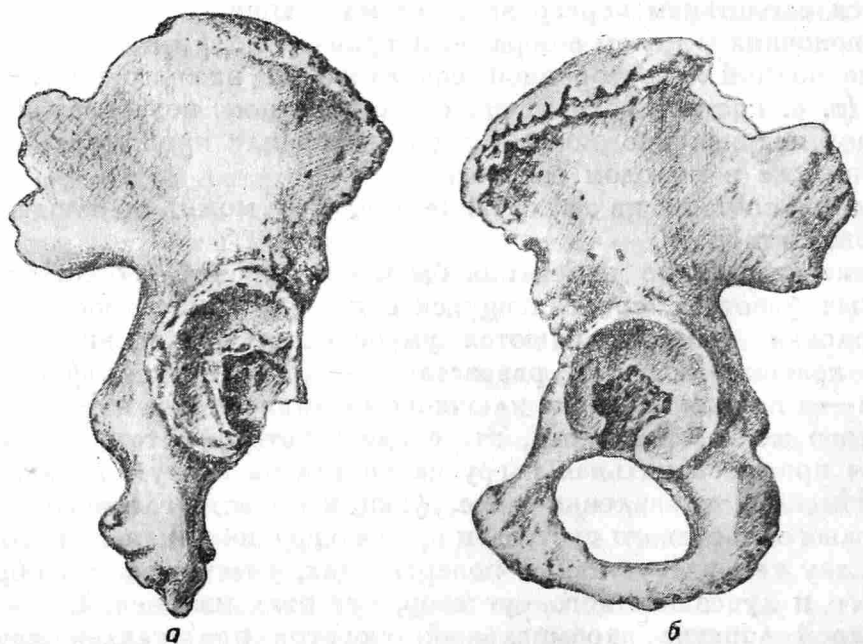

Рис. 9.

а — правая безымянная кость Ярослава Мудрого. Изменение формы и расположения вертлужной впадины на почве подвывиха бедренной кости вверх и кзади (сравнить с формой и расположением нормальной вертлужной впадины на рис. 9б). Суставная поверхность окаймлена костными разрастаниями; б — нормальная левая безымянная кость Ярослава.

Если орудие производства или оружие прижимается к ладони II, III, IV и V пальцами, а I палец или прижимает II и III пальцы или располагается

Рис. 10.

а — обе бедренные кости Ярослава. Правая бедренная кость тоньше, чем левая (атрофия правой бедренной кости). Угол между шейкой и остальной частью правой бедренной кости больше, чем в здоровой (левой) бедренной кости. Увеличение угла шейки в значительной мере компенсировало наличие подвывиха в правом тазобедренном суставе; б — верхние отделы обеих бедренных костей в рентгеновском изображении. В шейке правой, более тонкой (атрофированной) бедренной кости хорошо видны утолщенные вертикальные пластинки на всем протяжении шейки. Это — проявления приспособления к новым условиям нагрузки в правом тазобедренном суставе. Сустав этот функционировал в общем довольно удовлетворительно, но нагрузка падала на всю головку. В здоровой левой бедренной кости лишь часть вертикальных пластинок в шейке отличается значительной толщиной (что свидетельствует о нормальной нагрузке на этот сустав).

так, что не позволяет инструменту (или оружию) отклониться, то при ударе чаще всего перегружается I палец и в особенности его пястная кость.

В бывших зонах роста коротких трубчатых костей (рис. 8б), а также в длинных трубчатых костях верхних и нижних конечностей (на рентгенограммах) отчетливо прослеживаются поперечно расположенные пластинки („тяжи“), свидетельствующие о своеобразии эндокринной формулы, о некотором субгениализме.

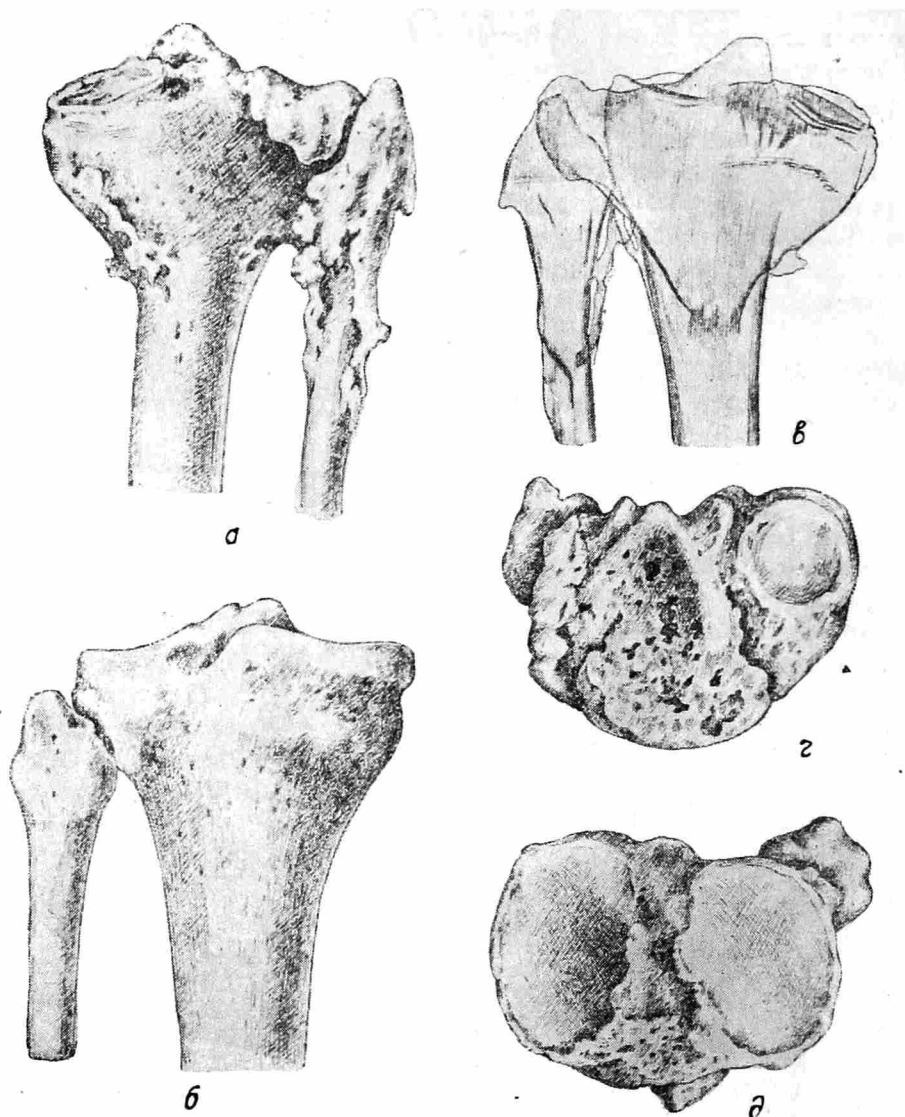

Рис. 11.

а — верхняя треть обеих правых берцовых костей (вид сзади). Резкая деформация и значительные костные разрастания в суставных и внесуставных участках обеих костей. Резкая атрофия большеберцовой кости (сравнить со здоровой стороной на рис. 11б); *б* — верхняя треть обеих берцовых костей здоровой левой нижней конечности; *в* — верхняя треть обеих правых берцовых костей в рентгеновском изображении. Хорошо виден старый сросшийся внесуставной перелом обеих берцовых костей. Большеберцовая кость пострадала в большей мере, чем малоберцовая кость; *г* — кости правой голени (вид сверху). Резкое изменение и почти полное исчезновение суставных поверхностей в большеберцовой кости (сравнить со здоровой стороной на рис. 11д). Лишь на внутреннем участке старой суставной поверхности видна круглая новообразовавшаяся суставная поверхность, допускавшая лишь минимальные движения в коленном суставе; *д* — вид сверху на обе кости здоровой левой голени. Хорошо видны нормальные суставные поверхности.

Значительные болезненные изменения были обнаружены в костях правой нижней конечности. Установленные изменения, при учете летописных данных, позволяют подтвердить, что мужской скелет, обнаруженный в гробнице, — это действительно скелет Ярослава Мудрого.

В правой безымянной кости видна патологически измененная перестройка вертлужной впадины. Ее суставная поверхность, окаймленная

краевыми костными разрастаниями, располагается несколько кверху и кзади (рис. 9а) по сравнению с нормальными соотношениями (рис. 9б). Перед нами анатомическая картина подвывиха в правом тазобедренном суставе.

Правое бедро тоньше левого (рис. 10а). Вообще все кости правой нижней конечности тоньше левой. Это истончение (атрофия), однако, зависит не только от подвывиха в тазобедренном суставе, но в большей мере от позже наступивших (см. ниже) патологических изменений в коленном суставе той же правой конечности (см. рис. 11а, в, 12, 13). Патологический процесс в тазобедренном суставе мог вызвать лишь незначительное прихрамывание, ибо подвывих кверху и кзади в значительной мере компенсировался удлинением шейки правой бедренной кости (рис. 10а и 10б). Однако прихрамывание сменилось в дальнейшем резкой хромотой и инвалидностью в результате нового патологического процесса, наступившего в зрелом возрасте в правом коленном суставе (см. стр. 55 и 56).

Под влиянием какого процесса и в каком возрасте произошел подвывих в правом тазобедренном суставе?

Летописец отметил, что Ярослав долго не ходил („бо естеством таков от рождения“). В дальнейшем, когда он стал, наконец, ходить, то хромал. Был ли у Ярослава врожденный вывих в тазобедренном суставе?

Врожденные вывихи бедра наблюдаются у мальчиков очень редко. По нашим данным, врожденный вывих бедра встречается у мальчиков в 50 раз реже, чем у девочек. Кроме того, односторонний врожденный вывих или подвывих бедра в подавляющем большинстве случаев наблюдается слева (в силу большего уплощения левой вертлужной впадины); между тем у Ярослава имелся подвывих справа.

Далее, быстрое (по мнению летописца, внезапное, „чудесное“) выздоровление никак не вяжется с представлением о врожденном вывихе или подвывихе и их клинической картине. Врожденный вывих (или подвывих) бедра не ведет к тому, что ребенок в течение нескольких лет не ходит. В соответствующих случаях ребенок начинает ходить или своевременно или с некоторым опозданием, но походка у него „утиная“, валкая.

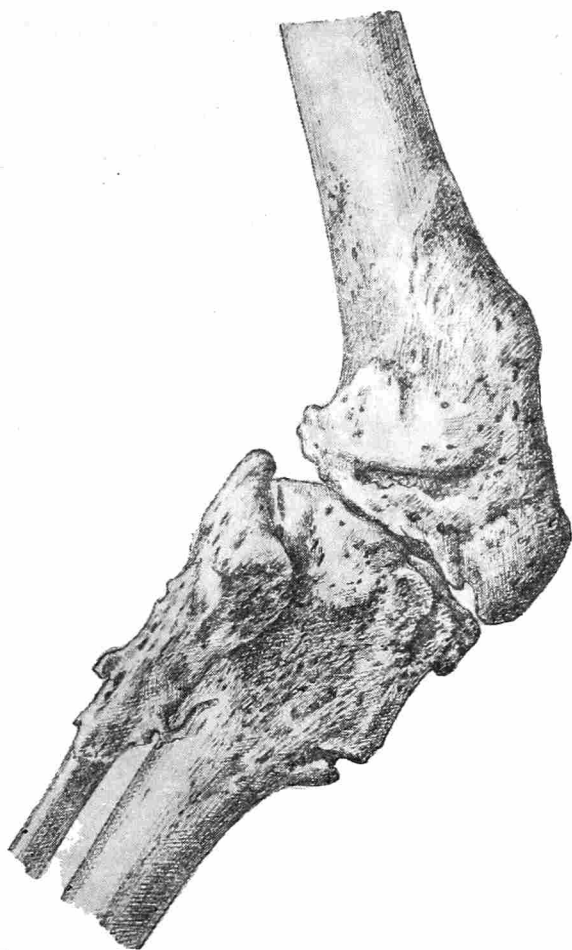

Рис. 12. Кости правого коленного сустава Ярослава Мудрого. Резкая деформация суставных поверхностей, обуславливающая порочное положение. Максимальное разгибание возможно было до 130—135°; следовательно, полностью разогнуть правый коленный сустав Ярослав не мог. Костное сращение бедренной кости с надколенником, а также обеих берцовых костей между собой. Значительные костные разрастания в области бывшего обширного кровоизлияния, возникшего в результате околоуставного перелома обеих берцовых костей.

Даже современные клиницисты нередко необоснованно ставят диагноз врожденного вывиха бедра. Под этим диагнозом фигурирует немало патологических вывихов, последствий инфекционных процессов в области тазобедренного сустава.

Гнойные поражения тазобедренного сустава в грудном возрасте нередко заканчиваются вывихом или подвывихом. Это заболевание в грудном возрасте часто протекает сравнительно быстро, не привлекая должного внимания, оставаясь нераспознанным. Между тем последствия

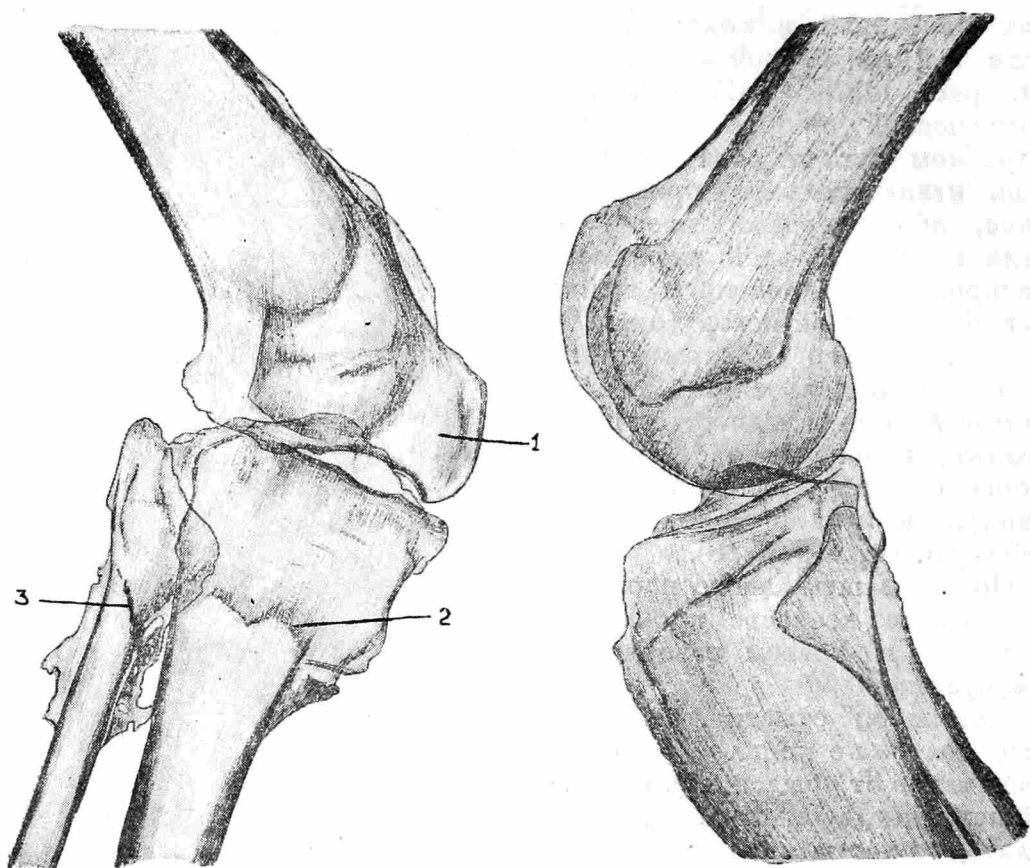

Рис. 13. Кости обоих коленных суставов в рентгеновском изображении. Хорошо видны следы старого сросшегося околоуставного перелома обеих костей правой голени (2, 3). Резкая атрофия костей, участвующих в образовании правого коленного сустава.

1 — надколенник, сросшийся с бедренной костью (костный анкилоз); 2 — след старого сросшегося перелома правой большеберцовой кости; 3 — след старого сросшегося перелома малоберцовой кости.

гнойного заболевания тазобедренного сустава — разрушение суставного хряща, вывих или подвывих — распознаются часто лишь тогда, когда ребенок начал ходить.

Хромота, обнаруженная через много месяцев, а иногда и несколько лет после плохо распознанного заболевания, возникшего в грудном возрасте, в дальнейшем часто рассматривается как проявление якобы врожденного вывиха. Таким образом, бурно протекающие гнойные заболевания тазобедренного сустава в грудном возрасте часто заканчиваются относительно весьма благополучно. Перенесшие это заболевание нередко прекрасно приспосабливаются к имеющимся у них анатомическим изменениям и нагружают конечности в общем почти так же, как здоровые люди.

Надо полагать, что именно так возник подвывих в правом тазобедренном суставе у Ярослава (у которого в детстве был источник гнойной инфекции в ухе). Этот подвывих мог действительно в молодости мало мешать ратным подвигам Ярослава. У него было незначительное укорочение конечности, ибо подвывих кверху в известной мере компенсировался увеличением угла между шейкой и диафизом бедренной кости (см. рис. 10а, 10б). Структура шейки правой бедренной кости свидетельствует о том, что этот тазобедренный сустав функционировал, хотя и своеобразно, но не плохо даже в старости. В шейке правой бедренной кости (рис. 10б) видна компенсаторная гипертрофия вертикальных пластинок на всем протяжении шейки. При обычной нагрузке (в норме) хорошо видны вертикальные пластинки лишь на внутреннем участке шейки (рис. 10б). При бездеятельности наступило бы противоположное явление, а именно — уменьшение количества этих пластинок и их истончение. Таким образом, правый тазобедренный сустав функционировал у Ярослава не плохо даже в старости и тем более в молодости.

Летописец пишет: „Он был хромоног, но ум у него был добрый, и на рати был храбр“. По отзыву летописца, Ярослав был на своем месте как князь, вождь дружины, во главе которой он в течение многих лет участвовал в многочисленных походах, приведших к завоеванию многих земель на севере, востоке, западе и юге.

Если в этом отношении летописец прав, отмечая, что хромота не мешала Ярославу быть вождем воинственной дружины, то безусловно неверно указание летописца о десятилетней продолжительности его заболевания. Болезнь, которая так благополучно закончилась в 988 г. или несколько позже, не могла обнаружиться в 978 г. Болезнь могла возникнуть за один, два, три года до 988 г., но не за десять лет; при этом острая фаза болезни в грудном возрасте могла длиться лишь несколько недель.

На основании современных медицинских данных необходимо внести корректив в указания относительно года рождения Ярослава и, следовательно, и общей продолжительности его жизни. Если летописец прав, указывая, что выздоровление Ярослава произошло около 988 г., то Ярослав родился позже 978 г. и жил меньше 76 лет. После принятия этой поправки становится понятным, что Ярослав не был старшим сыном Владимира. Между тем, очевидно, из-за позднейшей вставки в летопись относительно года рождения Ярослава, пришлось бы сделать неприемлемый вывод, что Ярослав старше своих старших братьев.

Однако, помимо подвывиха в правом тазобедренном суставе, анатомическое и рентгенологическое исследования позволили обнаружить более тяжелые изменения в правом же коленном суставе (рис. 11а, в, г, 12, 13). В результате старого околосуставного перелома обеих костей голени и кровоизлияния в коленный сустав наступили костное срастание бедренной кости с надколенником (анкилоз) и порочное положение в коленном суставе (рис. 11 и 12). Полное разгибание в этом суставе было невозможно. Кости в этом суставе находились под углом в 130—135°. Разгибание выше этих пределов было невозможно. Кроме того, имелось костное срастание между большеберцовой костью и головкой малоберцовой кости (анкилоз), как последствие той же травмы с обширным кровоизлиянием и его организацией. Левые бедро, обе кости голени и надколенник (рис. 11а—в, 12, 13) меньше по толщине, чем правые (атрофия вследствие меньшей нагрузки). Размеры надколенника свидетельствуют все же о том, что перелом костей произошел во взрослом состоянии. В то же время можно сказать, что процесс в коленном суставе закончился за много лет до смерти Ярослава.

Таким образом, если в детстве Ярослав Мудрый слегка прихрамывал (в результате подвывиха в правом тазобедренном суставе), то в зрелом возрасте, после перелома костей правой голени с осложнением со стороны коленного сустава, Ярослав должен был очень сильно хромотать.

Если подвывих в тазобедренном суставе мог не мешать ратным подвигам Ярослава, то изменения, наступившие, повидимому, уже в зрелом возрасте (или на пороге старости) в правом коленном суставе (рис. 11а—в, 12, 13), не могли не отразиться на поведении, а именно — на физической активности Ярослава. Лично участвовать в походах (верхом или пешком) и тем более в боях он, конечно, не мог с таким коленным суставом. Нemoщность его усугублялась состоянием позвоночника, слабостью торса.

Таким образом, изучение скелета, найденного в склепе Софийского собора, подтверждает, что это — скелет Ярослава Мудрого. Мы имели возможность также установить, что летописные указания относительно года рождения Ярослава неправильны. Ярослав родился позже и, следовательно, жил в общем меньше 76 лет (повидимому, лет на восемь меньше). Анатомическое и рентгенологическое исследования позволили, кроме того, выяснить некоторые особенности физического облика Ярослава Мудрого. В этом отношении, как было уже указано, необходимо иметь в виду следующее: хромота в юности и в период расцвета физического развития, в общем, была незначительной и не мешала Ярославу самому участвовать в боях. Он, повидимому, хорошо владел мечом. Косвенно об этом можно судить по изменениям, которые были у него обнаружены в тех суставах и в тех костях, которые больше всего нагружаются при ударе мечом. Только после тяжелой травмы костей правой голени и коленного сустава (быть может, также в одном из многочисленных сражений, в которых он принимал активное участие) Ярослав принужден был превратиться из князя-воина в князя-строителя.

В последние годы жизни его облик свидетельствовал о физической нemoщности, благодаря старческой дряблости позвоночника и сильной хромоте.

Много песен и рассказов посвятил русский народ отцу Ярослава — Владимиру, его пирам и удалству его богатырей. Народ многое прощал Владимиру. Летописец относится к Владимиру строже, он называет его ненасытным женолюбцем. Владимиру летописец приписывает выражение: „Руси есть веселье пить, не может быть без того“ (это якобы один из мотивов, почему Владимир отказался от магометанства, требовавшего отказа от вина). Владимир, очевидно, и в старости отличался в пирах необузданным весельем, привлекавшим к нему смелых и храбрых смельчаков, воспевавших одарявшего их гостеприимного князя.

Между тем в скандинавских сагах Ярослава называют скупым; надо полагать, Ярослав не любил пиров и показной стороны дела. Он вряд ли считал нужным, в особенности в старости, лишний раз демонстрировать перед большим количеством людей свою хромоту и другие физические недостатки.

Некоторые особенности скелета (сохранение некоторых детских и юношеских черт) позволяют считать, что он отличался живостью воображения, раздражимостью, склонностью к вспышкам и бурным реакциям, но в то же время малой половой возбудимостью (чем резко отличался от своего отца).

Несмотря на некоторые физические недостатки, с детства ослаблявшие его, он в течение многих лет был смелым и храбрым воином, мечом раздвинувшим пределы древней Руси и объединившим ее. Бесконечные походы могли сделать его инвалидом лишь в физическом отно-

шении. Его внутренняя энергия пошла по другому руслу — он налаживал порядок, строил города, распространял грамоту, поддерживал связи с Западом.

Д. Г. Рохлин

Лаборатория рентгеноантропологии,
рентгеноостеологии и патологии
костной системы Гос. Рентгенологи-
ческого, радиологического и ракового
института

ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ СКЕЛЕТОВ ЯРОСЛАВА МУДРОГО, АННЫ И ИНГИГЕРД

(Доклад на секторе дофеодалной и феодальной Восточной Европы 29 апреля 1940 г.)

В январе 1939 г. специальная комиссия вскрыла в б. Киевском Софийском соборе (ныне Софийском архитектурно-историческом заповеднике) мраморную гробницу, которая издавна приписывалась Ярославу Мудрому.

Эта гробница представляет массивный, прямоугольный ящик, высеченный из цельной глыбы белого мрамора, с цельной двускатной высокой крышкой, орнаментированной резьбой.¹ Судя по разноречивым указаниям летописей о месте ее нахождения в соборе, можно думать, что она неоднократно передвигалась с места на место. В настоящее время гробница находится в левом приделе алтаря и стоит в центре его, на современном полу. Однако еще до конца XIX в. она находилась в специальной неглубокой нише правой (северной) стены этого помещения, причем основание ее находилось ниже уровня современного пола.²

При вскрытии гробницы в ней были обнаружены два скелета взрослых людей и несколько отдельных косточек ребенка в возрасте около 3 лет.

Кости были разбросаны и перемешаны, однако общее направление скелетов было одно: черепами на запад, ногами к востоку.

Никаких предметов, кроме скелетов, в гробнице обнаружено не было. Не было и никаких остатков одежд и тканей, за исключением незначительного клочка какой-то выцветшей, возможно, шелковой ткани, оставленной для исследования в г. Киеве.

При разборе скелетов оказалось, что один из них принадлежит мужчине очень пожилого возраста (*Senilis*) около 60—70 лет, другой — женщине, менее пожилого хотя и зрелого возраста (*Maturus*), около 50—55 лет.

Изучение мужского скелета показало, что общая сохранность костей средняя. В черепе сломана левая скуловая и частью верхнечелюстная кость. Кроме черепа, сохранены все длинные кости верхних и нижних конечностей, кости плечевого и тазового пояса, крестцовая кость, 18 свободных позвонков и несколько костей кисти и стопы. Обращает на себя внимание большое количество остеофитов и костных наплывов, свидетельствующих о пожилом возрасте субъекта. Кроме того, на ряде костей имеются следы резких патологических изменений, а также изменений компенсаторного порядка.

Общая массивность костей средняя. Места прикрепления мышц на патологически измененных костях выражены слабо, но зато на здоровых — очень резко, очевидно, компенсаторно.

¹ См. рис. 22, помещенный в статье М. К. Каргера „К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны“ (стр. 78).

² Н. За к р е в с к и й. Описание Киева. М., 1868, стр. 820. (Подробнее описание надгробия Ярослава на стр. 818 и сл.)

На всех позвонках резко выраженные остеофиты и остеоартрозы. Второй и третий грудные позвонки полностью сращены между собой своими телами, дужками и суставами. Третий и четвертый поясничные позвонки сращены при помощи костных наплывов (остеофитов) тел. На телах многих позвонков следы шморлевских узелков. Тела поясничных позвонков сплюснены и показывают отсутствие нормальной кривизны этой области. Весь позвоночник носит следы ограниченной подвижности.

Ребра не массивные, за исключением первых, на которых довольно хорошо выражены места прикрепления мышц. Хрящи первых ребер окостенели. Грудная кость, с неприросшей рукояткой, имеет узкую форму. Места сочленения ключиц и ребер резко деформированы и как бы вдавлены.

Верхнее отверстие грудной клетки несколько асимметрично и слева более уплощено. На лопатках, имеющих резко вогнутый верхний край,

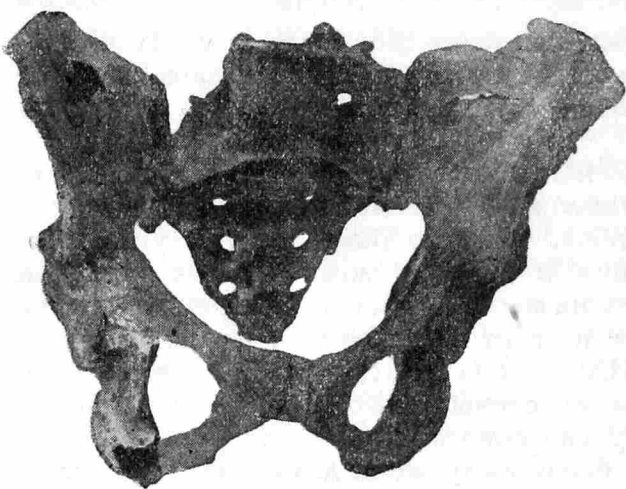

Рис. 14. Кости таза Ярослава.

обращают на себя внимание костные наплывы (следы резкого остеоартроза) вокруг суставной площадки для плечевой кости, а на левой лопатке — неприращение апофиза плечевого отростка.

В области плечевых суставов имеются следы остеоартроза, более резко выраженные справа.

В локтевых суставах и на костях предплечья заметных отклонений от нормы нет.

На первых пястных костях у суставных поверхностей также резкие костные разрастания, особенно

резко выраженные на правой кости, где даже образовалась дополнительная суставная поверхность, с пришлифованной костью, т. е. не имевшая суставного хряща.

Тазовые кости мужского типа асимметричны. На правой кости более короткое крыло, а полулунная поверхность вертлужной впадины уплощена и укорочена. Наружная губа гребня левой тазовой кости состоит из двух резко выраженных параллельных гребешков, оттянутых в латеральную сторону. Крестцовая кость несет на себе асимметрично сакрализированный пятый поясничный позвонок, который приращен главным образом с левой стороны. Ушковидная поверхность крестцовой кости расположена справа ниже чем слева, почти на 2 см.

Это связано с общей асимметрией таза, причем левая (нормальная) вертлужная впадина расположена несколько выше правой (рис. 14).

Длинные кости левой нижней конечности крупные, массивные (рис. 15).

Бедренная кость мужского типа, с крупной суставной головкой. Тело кости округлого сечения с довольно хорошо выраженным пилястром (шероховатая линия) и резко выраженным гребнем в области третьего вертела. У суставной поверхности коленного сустава нерезко выраженные костные наплывы (следы остеоартроза).

Большеберцовая кость довольно крупная, средней массивности, узко-треугольного сечения с гребнем S-образной формы.

На малоберцовой кости хорошо выраженные гребни.

На костях правой нижней конечности следы резко выраженной патологии.

Правая бедренная кость короче левой. Тело ее, особенно в нижней части, гораздо тоньше левой и имеет уплощенную форму, а места прикрепления мышц выражены слабее, хотя гребень на месте третьего вертела и резко выражен. Обращает на себя внимание большая скрученность кости по вертикальной оси.

Суставная головка правой бедренной кости небольшая, а шейка направлена почти вверх, под очень большим углом.

Нижний конец правой бедренной кости имеет резко выраженные следы хронического заболевания сустава с нарушением нормальной его функции. Суставные мышечки резко уменьшены, а сохранившиеся на них остатки суставных поверхностей направлены кзади. К наружному мышелку широко, всем своим основанием, приросла надколенная чашечка, задняя поверхность которой вместе с мышелком образует для сочленения с большеберцовой костью общую площадку, имеющую неопределенную форму.

Кости правой голени по сравнению с левыми резко уменьшены и истончены. Головка малоберцовой кости широко срослась с большеберцовой костью, а ниже головки на малоберцовой кости имеются резко выраженные, как бы наплывшие остеофиты.

Верхний конец большеберцовой кости также резко изменен. С мышелков также свисают остеофиты, а суставные площадки для бедренной кости расплющились и значительно разрушились, причем сохранилась только часть внутренней суставной площадки.

Обращает на себя внимание также довольно значительный угол вращения большеберцовой кости по вертикальной оси.

На нижних концах костей голени заметных отклонений от нормы нет.

Рис. 15. Кости нижних конечностей Ярослава.

Наверху — вид спереди; внизу — вид сзади.

Таблица 1

	Кости	
	правая	левая
Бедренная кость		
Полная длина .	46.4	47.7
Длина в естественном положении .	46.3	47.6
Окружность .	8.1	9.5
Ширина мышечков	7.6	8.7
Угол вращения	38°	22°
Большеберцовая кость		
Полная длина $\left\{ \begin{array}{l} 1. \\ 1a \end{array} \right.$	38.5	41.2
	39.2	42.1
Наименьшая окружность	5.8	7.7
Угол вращения	—	13°
Малоберцовая кость		
Длина	39.0	41.0
Плечевая кость		
Длина	34.9	33.9
Окружность	7.22	7.3
Ширина мышечков	6.7	6.4
Лучевая кость		
Длина	26.3	26.3
Наименьшая окружность	4.3	4.5
Локтевая кость		
Длина	28.7	28.4
Ключица		
Длина	16.1	16.7
Тазовые кости		
Длина	21.0	21.8
Измерения таза		
Межгребенный диаметр	26.3	
Межостный диаметр .	22.2	
Поперечный диаметр входа в малый таз	13.0	
Продольный диаметр входа в малый таз	11.5	

Сохранившаяся правая пяточная кость имеет небольшую величину, узкую форму и также повернута вокруг своей продольной оси, причем нижний конец вертикальной оси пяточного бугра резко отклоняется внутрь.

Сопоставление костей в правом коленном суставе показывает, что движения здесь были резко ограничены и разгибание было возможно только до $130-135^\circ$, т. е. нога не могла выпрямляться.

Отсюда становятся понятными компенсаторное и резкое вытяжение вверх шейки правой бедренной кости и более низкое положение соответствующей тазовой кости.

Вся тяжесть тела передавалась на левую конечность, в связи с чем кости ее, особенно бедренная, получили мощное развитие.

Для лучшего представления о физическом развитии субъекта привожу некоторые размеры костей (табл. 1).

Рост, вычисленный по Пирсону, равняется около 172—175 см, т. е. относится уже к высокому.

Череп, относящийся к описываемому скелету, средней величины и массивности, со средне выраженным общим рельефом (рис. 16).

Черепная коробка мезокефальная, сфероидной формы, а со стороны затылка прямоугольная с угловатым теменем. Высота черепной коробки средняя, темя уплощенное, причем точка брегмы благодаря значительной длине чешуи лобной кости лежит близко к его середине. Теменные бугры развиты хорошо, а между ними и сагиттальным швом отмечается легкая вдавленность, встречающаяся иногда на черепах пожилых людей. Затылок округлый, со слабо выступающей над общим уровнем чешуей. Рельеф затылочной кости выражен средне; затылочный бугор выступает слабо, но по бокам его имеется довольно хорошо выраженный валик. Сосцевидный отросток большой величины. В области птериона широкий сфенопариетальный шов. Облитерация венечного и сагиттального швов полная, ламбдовидного — почти полная, за исключением небольших участков по краям.

На черепе имеется метопический шов, значительно облитерированный.

Теменные отверстия имеются с обеих сторон, но справа более крупное. Сосцевидное отверстие хорошо выражено слева.

Лицевая часть черепа средней длины и ширины, овоидной формы.

Горизонтальное выступание лица среднее. Лоб средней высоты и ширины, средне наклонный, со средне развитыми буграми. Надпереносье развито слабо (2), надбровные дуги короткие, средне выступающие. Выступание скул слабое (1); собачья ямка мало углублена (1).

Нос сильно выступающий, с узким переносьем. Спинка носа округлая; профиль носовых костей выпуклый в нижней части. Грушевидное отверстие грушевидной формы, с заостренным нижним краем. Носовой шип развит слабо (1—2). Орбиты крупные, средней высоты, угловатой формы.

Нижнечелюстная кость средней величины, с углами несколько отклоненными внутрь, с резко выраженной подбородочной остью. Альвеолярный прогнатизм верхней челюсти слабый (1), нижней — очень значительный (3). Альвеолярная дуга верхней челюсти эллипсоидной, нижней — параболоидной формы. Стертость зубов средняя. Все зубы оставались до глубокой старости, и только незадолго до смерти, повидимому, некоторые из них выпали (в верхней челюсти — оба левые резцы и оба третьи моляры, в нижней челюсти — первый левый моляр).

В дополнение к описательной характеристике привожу некоторые размеры черепа (в миллиметрах):

Продольный диаметр	187	Биаурикулярная ширина	128
Поперечный диаметр . .	145	Наименьшая ширина лба . .	100
Высотный диаметр $V_a - V$	136	Наибольшая ширина лобной кости .	119
Высотный диаметр $P_o - V$	114	Длина основания черепа	105

Длина основания лица	96	Альвеолярный угол	80°
Высота лица полная	119	Угол спинки носа	ок. 60°
Высота лица верхняя	74	Угол спинки носа к линии про-	ок. 28°
Скуловый диаметр	132?	филя	
Ширина носа	28?	Указатели	
Высота носа	56	Черепной	77.5
Межорбитальная ширина	20?	Высотно-продольный	72.7
Высота носовых костей (по Woo) .	4.2	Высотно-поперечный	93.7
Высота переносья	8.6	Лобно-теменной	68.9
Ширина орбиты (правой)	45	Лобно-скуловой	75.7
Высота орбиты	36	Челюстно-скуловой	72.7
Бигонимальный диаметр	96	Верхней части лица	56
Высота подбородка	26	Носовой	50
Угол профиля лба	82°	Орбитный	80
Угол профиля лица	88°	Прогнатизма	91.5
Угол средней части лица	90°	Краниофациальный	54.4

Подводя итоги характеристики физического типа изучаемого субъекта, можно сказать, что это был мужчина пожилого возраста, высокого роста, среднего телосложения, причем естественно здоровая нога значительно компенсировала хромоту. Повидимому, хромота наступила еще в ранней молодости, так как имеется целый ряд моментов, компенсирующих ее: вытянутость шейки правой бедренной кости, асимметрия таза. Большое количество остеохондрозов и анкилозирующий частичный спондилоартроз, а также большое количество остеофитов на телах позвонков, повидимому, являются болезнями старческого возраста.

Изучаемого субъекта в последние годы его жизни можно представить хромым стариком, с мало подвижным позвоночником. Можно думать, что он ходил с палкой и избегал резких движений, особенно туловища.

Что касается расового типа изучаемого черепа, поскольку можно судить по одному объекту, то он ближе всего подходит по типу к черепам славян, суммированным В. В. Бунаком, к северянам, изученным Г. Ф. Дебецом, и к новгородским славянам XI—XII вв., изученным А. М. Юзефовичем. Однако обращают на себя внимание гораздо большая ширина изучаемого черепа, свойственная брахицефальным черепам, и значительно большая высота лица при очень мало углубленной собачьей ямке.

По целому ряду признаков изучаемый череп занимает промежуточное положение между длинноголовыми и короткоголовыми черепами из большого кургана левобережного Цимлянского городища на нижнем Дону (Саркел), изученными мною. Это дает возможность сделать предположение, что в происхождении изучаемого субъекта несомненную роль играли связи длинноголового населения с короткоголовым типом, представленным в I тысячелетии н. э. у основной массы населения юга и юго-востока Европейской части СССР, восходя еще к сарматам (Дебец). Об участии именно этого типа говорят и мало углубленная собачья ямка и, может быть, более высокое лицо. Что касается длинноголового элемента в данном черепе, то он не характерен для северного типа и скорее может быть славянского происхождения, хотя, конечно, нордические элементы не могут быть совершенно исключены.

Женский скелет, находившийся в гробнице Ярослава Мудрого, представлен хорошо сохранившимся черепом и длинными костями конечностей. Кости туловища в худшей сохранности, а некоторые мелкие косточки отсутствуют.

Кости конечностей тонкие, но длинные, показывающие высокий рост (около 162 см). Места прикрепления мышц выражены средне. Кость — женского типа и не гармонируют с очень массивным, тяжелым черепом, который, однако, несомненно принадлежит этому костяку.

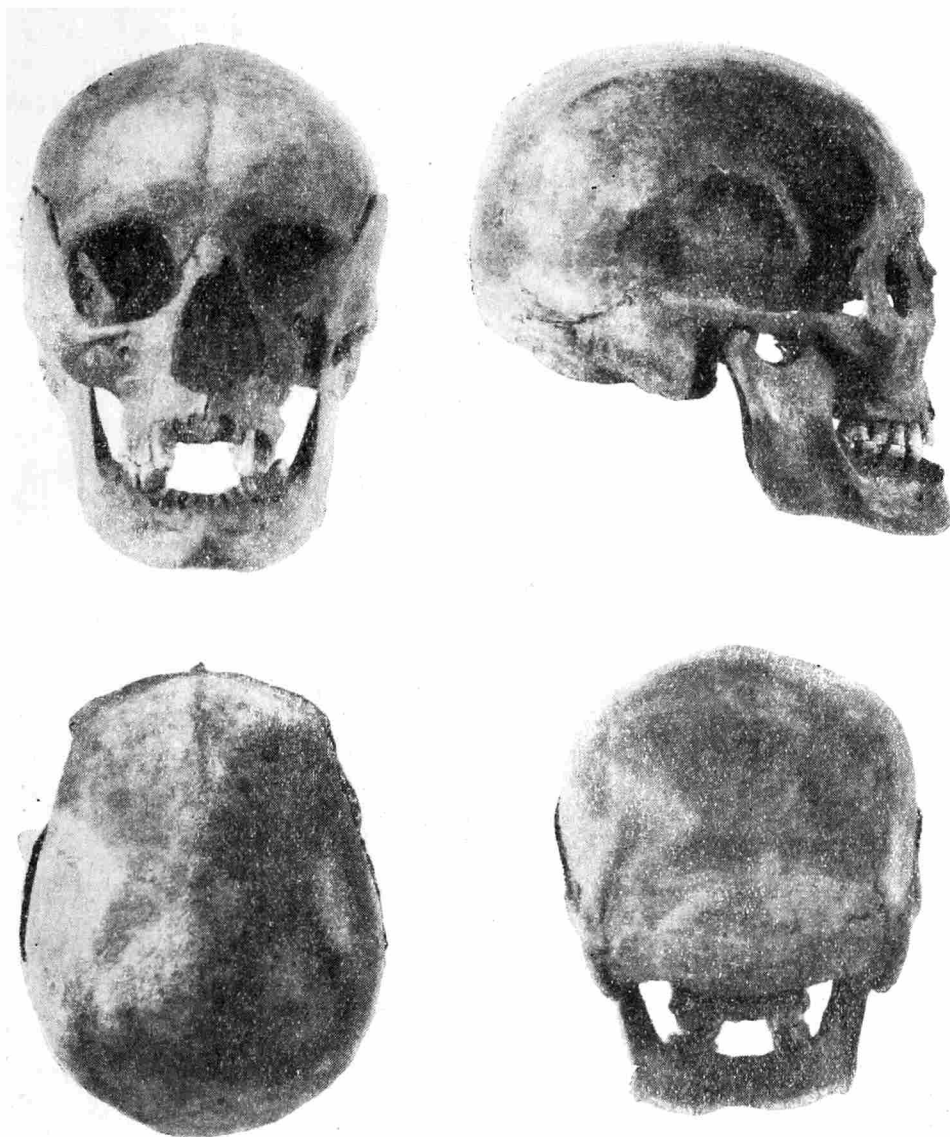

Рис. 16. Череп Ярослава Мудрого.

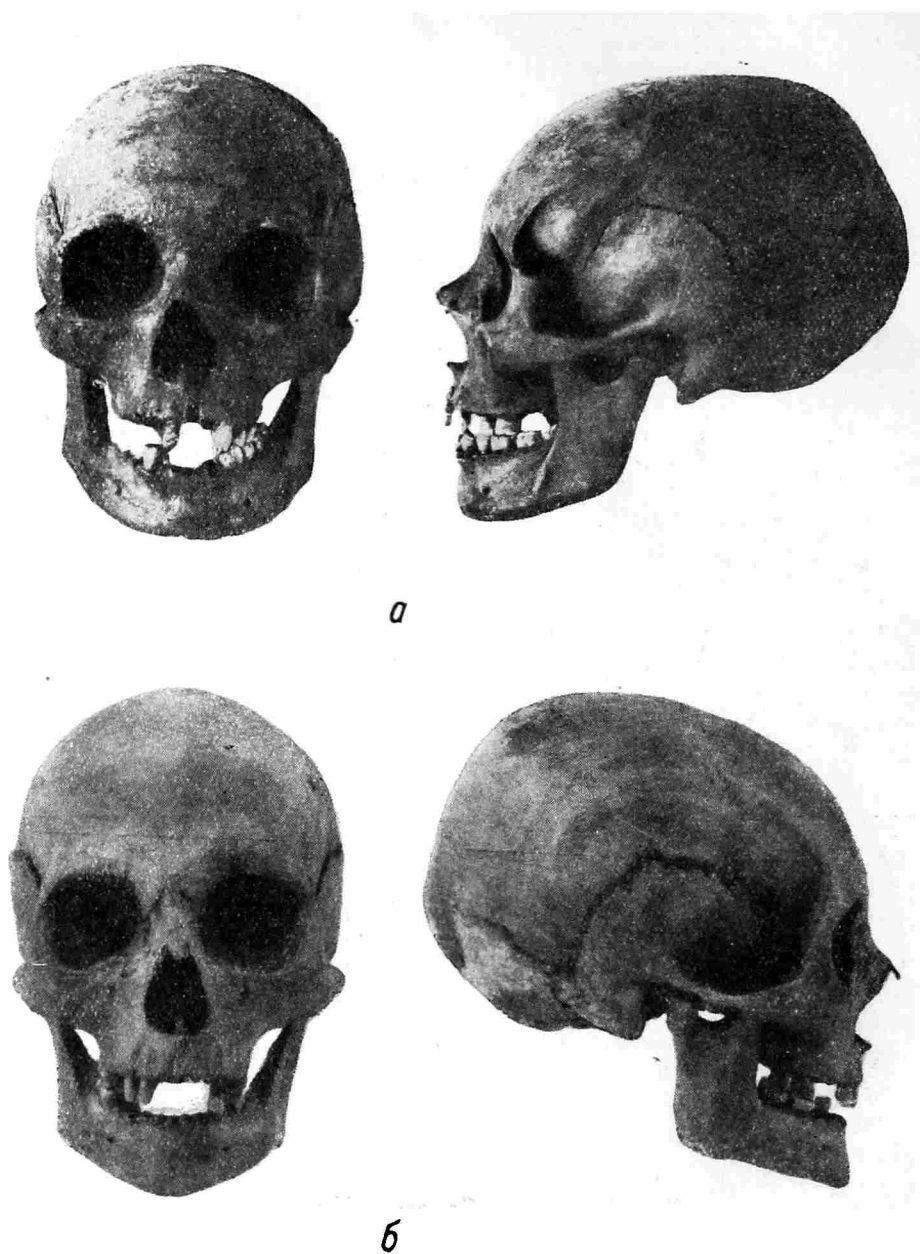

Рис. 17.

а — череп Анны — первой жены Ярослава; б — череп Ингигерд — второй жены Ярослава.

Состояние окостенения черепных швов, из которых сагиттальный зарос почти полностью, венечный в среднем и боковых отделах и ламбдовидный — также почти полностью (за исключением области астериона), остеофиты на телах нижних грудных и поясничных позвонков, резко выраженные артрозы коленных суставов, суставов стопы и между позвонками, — все это указывает на возраст обладательницы этого костяка в пределах около 50—60 лет, несмотря на довольно хорошо сохранившиеся зубы (рис. 176).

Череп эллипсоидной формы, на границе долихо- и мезокефалии (черепной указатель 75.1), невысокий, со средненаклонным лбом, слабо развитым надпереносьем (2) и надбровными дугами (1). Выступание скул среднее (2). Собачья ямка мало углублена (1). Нос сильно выступающий (3), с узким переносьем. Нижний край грушевидного отверстия заострен. Носовой шип выражен хорошо (4) и несколько наклонен вниз. Нижнечелюстная кость средней величины, с значительно выступающим подбородком. Альвеолярные дуги небольшие. Зубы стертые мало (1—2).

Привожу некоторые измерения черепа:

Продольный диаметр .	185	Высота орбиты	37
Поперечный диаметр	139	Межорбитальная ширина	20
Высотный диаметр $\{(Ba = B)\}$	129	Ширина носа	25
Высотный диаметр $\{(Po = B)\}$	117	Высота носа	55
Ширина лба $\left\{ \begin{array}{l} \text{наименьшая} \\ \text{наибольшая} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} 96 \\ 115 \end{array} \right.$	Высота $\left\{ \begin{array}{l} \text{переносья} \\ \text{носовых костей} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} 8.7 \\ 3.5 \end{array} \right.$
Биаурикулярная ширина .	127	Бигонимальный диаметр	95
Длина основания $\left\{ \begin{array}{l} \text{черепа .} \\ \text{лица .} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} 100 \\ 93 \end{array} \right.$	Высота подбородка	30
Полная высота лица .	114	Угол профиля $\left\{ \begin{array}{l} \text{лба .} \\ \text{лица} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} 73^\circ \\ 87^\circ \end{array} \right.$
Верхняя высота лица	72	Угол спинки $\left\{ \begin{array}{l} \text{носа} \\ \text{носа к линии} \\ \text{профиля .} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} 56^\circ \\ \\ 31^\circ \end{array} \right.$
Скуловой диаметр .	134		
Ширина орбиты .	41		

Расовый тип женского черепа ближе всего подходит к северному европейскому, хотя неглубокие собачьи ямки и направление нижнего края скуловых костей несколько сглаживают его.

Теперь встает вопрос, кому могли принадлежать костяки? Наибольший интерес представляет, конечно, мужской костяк — является ли он действительно скелетом Ярослава Мудрого? Ведь и принадлежность гробницы тоже оставалась у историков под сомнением.

Дата смерти Ярослава, как и его рождения, имеет некоторые неясности. По летописи, он умер в 1054 г., на 76-м году жизни. Соловьев по этому поводу пишет, что „счет лет всей жизни Ярославовой (76 лет) также неверен, ибо если бы он умер в 1054 году, 76 лет, то он должен был бы родиться в 978 году, но в таком случае он не мог бы быть сыном Рогнеды, а главное был бы старше Святополка...“¹

Во всяком случае несомненно, что Ярослав умер в старческом возрасте, и в этом отношении скелет соответствует этому возрасту.

Очень важный опознавательный признак скелета — это хромота его обладателя, и как раз по этому признаку также не имеется расхождения с летописными данными.²

Запись летописи указывает, что в возрасте около 40 лет, когда Ярослав воевал с Святополком, он уже был хромым. Однако в Тверской летописи имеется одно интересное и для нас важное сообщение, указывающее на то, что Ярослав был хромым с самого раннего детства.³

¹ С. Соловьев. История России, т. I. Изд. 5, 1874. (Прим. 297, стр. 341).

² Там же, стр. 200.

³ С. Соловьев, ук. соч. (Прим. 247, стр. 335).

Если доверять этой записи летописи, то Ярослав болел какой-то болезнью, препятствовавшей его ходьбе, и начал ходить только вскоре после крещения Владимира, т. е. после 988 г., следовательно, в возрасте меньше 10 лет, когда он и был посажен отцом на Новгородский стол, где просидел 28 лет. Хромота Ярослава, которой он страдал с детства, была значительно компенсирована, как это видно и по костяку.

Все сказанное дает возможность полагать, что мужской костяк действительно принадлежал Ярославу Мудрому.

Сохранение костяка Ярослава можно объяснить тем, что он не был причислен к „святым“, и поэтому церковь не превратила его останки в „мощи“ для поклонения.

Второй скелет, принадлежащий пожилой женщине, и остатки детского скелета, обнаруженные в гробнице Ярослава, вероятно, были помещены в гробницу при восстановлении собора митрополитом Кириллом III, прибывшим в Киев в 1250 г.

Встает вопрос, кому же мог принадлежать скелет этой женщины? Можно предположить, что скелет мог принадлежать его ближайшей родственнице, возможно, жене, умершей в 1051 г., за три года до его смерти, или одной из его дочерей, умершей, судя по пожилому возрасту костяка, уже после его смерти.

Северный тип черепа, а также соответствующий ему высокий рост заставляют вспомнить о жене Ярослава — Ингигерд, в крещении Ирине, дочери шведского короля Олафа Скеткокунга. Повидимому, Ярослав женился на Ингигерд уже в конце своего пребывания в Новгороде, ибо незадолго до своего похода на Святополка он поссорился с новгородцами из-за предпочтения, которое он оказывал наемной варяжской дружине, что не понравилось новгородцам. Однако новгородцы вскоре помирились с Ярославом и помогли ему в борьбе против Святополка за великокняжеский стол в Киеве, который Ярослав занял в 1016 г. Старший сын Ярослава — Владимир родился в 1020 г., когда Ярославу было около 40 лет. В это время Ингигерд должно было быть около 25 лет. Если она действительно умерла в 1051 г., то она дожила до 56 лет или около этого. Следовательно, возрастные данные женского скелета также соответствуют предположению, что это могла быть Ингигерд.

Однако тогда встает новый вопрос, в связи с тем, что в б. Софийском соборе в Новгороде хранятся „мощи“, приписываемые Анне, жене Ярослава Мудрого, которая была канонизирована в 1439 г. Эти „мощи“, специально изученные нами, представляют мумифицированный труп с довольно плохо сохранившимися мягкими тканями. Череп совсем обнажен от мягких тканей. Судя по обнаженной правой бедренной кости, можно предположить, что эта особа была довольно грацильная, о чем говорят и слабо выраженные на кости места прикрепления мышц. Однако рост ее, вычисленный по Пирсону, для женщины также довольно высок (около 161 см).

Возраст этой женщины, судя по состоянию черепных швов (рис. 17а) (которые снаружи открыты, а изнутри сагиттальный и венечный только начинают облитерироваться) и по хорошему состоянию зубов, не может быть пожилым и во всяком случае не выходит за пределы возмужалости (*Adulitas*), а находится, повидимому, в пределах 30—35 лет.

Привожу краткую характеристику черепа этой женщины.

Черепная коробка средней величины, довольно массивная, эллипсоидной формы, стоящая на границе долихо- и мезокефалии (черепной указатель 76.4). Высота черепной коробки небольшая, темя плоское, затылок округлый, с совершенно неразвитым затылочным бугром. Лицевая часть черепа небольшая, средне выступающая в горизонтальной плоскости. Лоб слабо наклоненный, с очень слабым развитием надпереносья (1) и над-

Привожу некоторые измерительные данные:

Продольный диаметр черепа	178	Ширина носа .	26
Поперечный диаметр черепа .	136	Высота носа	53
Высотный диаметр { (Ba = B)	123	Межорбитальная ширина . .	25
{ (Po = B)	109	Наименьшая ширина носовых	
Ширина лба { наименьшая	97	костей	8.1
{ наибольшая	116	Высота носовых костей	3.9
Длина основания { черепа	96	Бигониальный диаметр	101
{ лица	97	Угол профиля { лба .	79°
Скуловой диаметр	129	{ лица	78°
Полная высота лица	111	Альвеолярный угол	65°
Верхняя высота лица .	69	Угол спинки { носа . .	48°
Ширина орбиты .	41	{ носа к линии	
Высота орбиты .	35	{ профиля .	30°

Обращает на себя внимание то, что этот череп очень похож на женский череп из гробницы Ярослава, только он гораздо „женственнее“.

Известно, что у Ярослава было 9 детей и 8 из них: Владимир, Изяслав, Святослав, Всеволод, Игорь, Вячеслав, Анна и Елизавета, видимо, были от Ингигерд.¹ Старший сын Ярослава Илья, умерший в 1020 г., по Соловьеву,² был уже в 1019 г. в таком возрасте, что мог быть посажен на столе Новгородском. Немного выше, в том же примечании мы читаем, что „Владимир, старший сын Ярослава [от Ингигерд. — В. Г.] родился в 1020 году, но Ярославу было тогда около 40 лет; не может быть, чтобы он не был женат до Ингигерд, ясно, что Илья был от первого брака...“

У нас нет никаких данных против того, чтобы считать мумифицированный труп, приписываемый Анне, действительно принадлежащим первой жене Ярослава. Несомненно, что, судя по сохранившимся остаткам тканей, этот мумифицированный труп относится к XI—XII вв., т. е. действительно мог принадлежать современнице Ярослава, а по своему возрасту это могла бы быть и его первая жена, но это не могла быть Ингигерд. Конечно, этим не разрешается вопрос о том, что женский костяк, обна-

² С. Соловьёв, ук. соч. (Прим. 323, стр. 344).

руженный в гробнице Ярослава, действительно принадлежит Ингигерд, хотя этому предположению, высказанному выше, ничто не противоречит.

В заключение нужно сделать несколько замечаний об общем значении антропологического изучения костяка Ярослава Мудрого.

Карл Маркс высоко оценивает киевский период русской истории, проводя аналогию между Киевской Русью и империей Карла Великого. Отсюда проистекает интерес и к личности крупнейшего деятеля этого государства.

Костяк Ярослава является одним из источников изучения истории нашей родины, освещая такие важнейшие вопросы, как вопрос о местном или варяжском происхождении первых князей Киевского государства, вопрос о достоверности записи древнейшей летописи, т. е. о значимости для истории первых русских письменных источников.

Мы видели, что по расовому типу Ярослав должен был быть не пришельцем с севера, а местного происхождения. Мы видим, что отмеченная летописью вскользь хромота Ярослава является действительным фактом.

Мы убедились, что в гробнице, приписываемой Ярославу, действительно находились его останки.

Изучение женского скелета из гробницы Ярослава и сопоставление с ним „мощей“ Анны из Новгорода, может быть, дают возможность подтвердить действительно наличие у Ярослава двух жен: первой — Анны, рано умершей, и второй Ингигерд-Ирины, пришедшей с ним из Новгорода в Киев, с которой Ярослав прожил всю последующую жизнь.

В. В. Гинзбург

Музей антропологии и этнографии
Академии Наук СССР

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ В ДРЕВНЕ-СЕВЕРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(Доклад на секторе дофеодальной и феодальной Восточной Европы 3 июня 1940 г.)

В древне-северной литературе содержится немало известий о Ярославе, но они далеко недостаточно подробно и всесторонне освещают личность русского князя, являющегося столь выдающейся фигурой в истории древней Руси и несомненно хорошо известного и его скандинавским современникам. Приходится, к сожалению, отметить, что памятники северной литературы, во-первых, не оставили нам никаких указаний ни на возраст Ярослава во время описываемых ими событий, ни на его внешность; между тем, саги зачастую проявляют большую точность и тонкость в описаниях внешности человека, выражения лица и т. п.; во-вторых, черты характера Ярослава очень слабо отражены в сагах, за исключением только одной саги (точнее — повести) об Эймунде, о которой придется говорить несколько подробнее в дальнейшем. Но и эта сага остается в этом отношении односторонней и рассматривает Ярослава почти исключительно с точки зрения его отношений с его наемной норманской дружиной. Все вообще северные памятники, в которых о нем говорится (а они довольно разнообразны по своему составу и характеру), касаются его лишь постольку, поскольку он имел отношение к излагаемым в них событиям из истории скандинавских стран и к ближайшим участникам этих событий.

Тем не менее, в некоторых случаях даже на основании того, о чем эти памятники умалчивают, можно сделать не лишние интереса выводы. Во-первых, саги, отводя Ярославу, его отцу Владимиру и потомкам Ярослава определенное место в своих династических и генеалогических

схемах, имеющих большое значение в этих текстах, нигде ни одним словом не указывают на скандинавское происхождение династии Владимировичей, по нашему — Рюриковичей.¹ Между тем, в связи с разными сведениями о русско-скандинавских отношениях вообще, в том числе и о тесных династических связях XI и XII вв., засвидетельствованных генеалогическими данными, казалось бы, как нельзя более кстати было бы отметить, что русские князья не только роднились с шведскими, норвежскими и датскими, не только держали у себя наемных дружинников — норманнов, но и по этническому происхождению были им родственны. Саги знают, напр., о скандинавском происхождении нормандских герцогов. Полное отсутствие какого бы то ни было намека на то же самое на Руси указывает, что та доля скандинавского происхождения, какая несомненно была у так наз. Рюриковичей, не являлась характерной в глазах их северных соседей. Во-вторых, показателен и тот факт, что русских князей саги большей частью называют их славянскими именами, слегка переделывая их на свой лад: Володимер — Valdamarr, Ярослав — Jarizleifr (с некоторыми вариантами), Брячислав — Vartilafr, Всеволод — Vissivaldr. Исключением являются сын Ярослава Holti, по прозвищу Смелый, inn froekni, судя по некоторым данным — тот же Всеволод, и Мстислав, сын Владимира Мономаха, которого саги знают только под именем Харальда. Русских князей, носивших двойные имена (не считая третье христианское), казалось бы, проще было называть скандинавскими именами. В скандинавских странах не могли бы не знать такого имени для Ярослава, наиболее известного в северной литературе русского князя. Остается думать, что у него и не было такового, как и у его отца — Владимира. Происхождение Ярослава от Рогнеди, дочери Рогволода Полоцкого, также не является доводом в пользу той „больше обычной примеси скандинавской крови“, которую хочет на этом основании приписать Ярославу американский ученый S. H. Cross.² Имена 'Рогволод' и 'Рогнедь', действительно, хорошо объясняются как скандинавские, но есть целый ряд оснований рассматривать полоцкую династию как местную с некоторой, может быть, скандинавской примесью; следом ее и являются эти имена, но она отнюдь не определяет собой общий облик и деятельность князей — Рогволодичей.

Недостаточность северных известий о Ярославѣ, как и вообще о древней Руси и о других ее князьях, объясняется не только односторонним использованием этих сведений в сагах, но и отсутствием шведских саг при сравнительно слабом отражении истории Швеции в исландских сагах. Между тем, именно Швеция была теснее всего связана с Русью. Исландские саги получали сведения о Руси преимущественно из Норвегии, отчасти из Дании, т. е. из вторых рук. Непосредственное общение с Русью имели лишь сравнительно немногие исландцы; исландские скальды, входившие в дружину норвежских и шведских конунгов, в редких случаях сами бывали на Руси, но по крайней мере знали о русских событиях от лиц, которым все это было известно не только понаслышке.

Северные памятники говорят о Ярославе в связи со следующим.

1. Брак Ярослава с Ингигерд, дочерью шведского конунга Олафа (ок. 993—1022 или 1024 г.), состоявшийся в 1020 г. по хронологии, восстанавливаемой исследователями для одного из главных, повествующих об этом событии источников — „Heimskringla“ Снорри сына Стурлы.

¹ По сагам выходит, что эти князья — Владимировичи: в этих текстах русские генеалогические сведения не заходят в глубь времен дальше Владимира Старого, как они его называют; отца его, Святослава, они уже не помнят.

² „Yaroslav the Wise in Norse tradition“. Speculum, апрель, 1929, стр. 177.

Ингигерд была обручена с норвежским конунгом Олафом, по прозвищу „толстый“, а более официально — „святой“ (1015—1030 гг.). Но ее отец сильно не ладил с ним и, нарушив уже данное жениху обещание, устроил ее брак с Ярославом, посылавшим к нему послов с целью сватовства.

2. Приезд на Русь в 1029 г. Олафа Норвежского, бежавшего из Норвегии после неудач, испытанных им в борьбе с норвежскими областными вождями и поддерживавшим их датским конунгом Кнудом, который известен в истории как завоеватель Англии. Возвращаясь в 1030 г. на родину, Олаф оставил на попечении Ярослава и Ингигерд своего маленького сына Магнуса. Радушный прием, оказанный Олафу Ярославом и его женой, а в дальнейшем их (особенно Ингигерд) заботы о судьбе Магнуса, — это то, на чем сосредоточены внимание и интерес авторов соответствующих памятников.

3. Появление на Руси в 1031 г. брата Олафа Норвежского — Харальда. Олаф погиб в борьбе со своими противниками в 1030 г., а Харальд бежал на Русь к Ярославу, который поставил его во главе своей варяжской дружины. Пробыв после того около 10 лет в Византии на военной службе у императора, Харальд вернулся на Русь в 1042 г., женился на дочери Ярослава Елизавете и уехал с нею к себе на родину.

4. Приезд на Русь в 1034 г. норвежских вождей, которые, в силу изменившихся политических обстоятельств, решили поставить у себя конунгом сына Олафа Магнуса. Русские князь и княгиня отпустили его с ними, заручившись их клятвенным обещанием в верности сыну Олафа.

Памятники, в которых содержатся эти рассказы, а также и указанные мною выше генеалогические данные, можно подразделить на три группы.

1. Исторические сочинения на латинском языке, по своему содержанию и источникам, устным и письменным, связанные с содержанием исландских саг: „*Historia de antiquitate regum Norwagiensium*“ Теодориха-монаха, норвежца, писавшего в семидесятых или восьмидесятых годах XII в., и „*Historia Norwegiae*“, написанная также в Норвегии в конце XII или в начале XIII в. неизвестным автором. „*Historia Norwegiae*“ — важный и интересный исторический источник, но ее единственное сообщение о Ярославе (*rex Warerlafus de Ruscia, nobilissimus princeps*) и о его браке с шведской княжной является в ней весьма неисправным сбивчивым местом, лишенным исторического значения.

2. Несколько памятников церковного характера: „*Acta Sancti Olavi*“, составленные во второй половине XII в.; восходящий к ним же и дополняющий их норвежский гомилиарий, датируемый временем около 1200 г.; более поздние требники и сборники церковных легенд.

Если в весьма ценной, с исторической точки зрения, работе Теодориха-монаха ничего существенного для характеристики Ярослава все-таки нет, то в текстах специфически церковного характера *rex magnificus Rusciae Gerzeslavus* — уже только имя, связанное с житием Олафа и с воспоминанием о почетном приеме, оказанном ему русским князем, имя, дожившее, таким образом, в католическом обиходе до самой реформации.

3. Что касается саг, то Ярослава знают древнейшая сага об Олафе святом, восходящая к редакции ок. 1160 г., и более поздняя, но основанная на ней же, так наз. легендарная редакция, а затем — четыре свода саг о норвежских конунгах с легендарных времен и до последней четверти XII в., составленных, начиная с конца XII в. и кончая временем ок. 1230 г., когда был написан наиболее выдающийся из них — „*Heimskringla*“ исландского историка Снорри сына Стурлы.

Все эти саги и своды саг содержат отдельные интересные подробности, касающиеся отношений Ярослава к его скандинавским друзьям и к приходившим к нему из-за моря военным наемникам; во все своды входит в том или ином виде и объеме сага об Олафе святом со сведе-

ниями о его связях с Русью при Ярославле, но ни в одной из них, даже в таком прекрасном литературном произведении, как сага об Олафе, принадлежащая Снорри, мы не находим четкой индивидуальной характеристики Ярослава, хотя бы узкой и односторонней. В этом отношении выгодно отличается от них упомянутая мною выше сага об Эймунде, хотя в смысле литературного мастерства, языка, стиля и исторического изложения ее нельзя сравнить с творчеством такого классика северной саги, как Снорри, и со многими исландскими сагами эпохи расцвета.

Сага об Эймунде дошла до нас в единственном и очень позднем списке конца XIV в. в составе „*Flateyjarbók*“, большого компилятивного исландского свода, где она вставлена в пространную редакцию той же саги об Олафе святом. Ее источники, ее первоначальный вид и состав, ее литературная судьба до сих пор совершенно не исследованы ни у нас, ни за границей. В работе А. И. Лященко „*Eymundar Saga* и русские летописи“, ¹ при всех ее недостатках, общая оценка значения саги об Эймунде для русской истории дана довольно верно. Эта сага повествует об участии норвежца Эймунда с дружиной, состоявшей из норвежцев и исландцев, в борьбе Ярослава-Ярислейфа с Святополком-Бурислафом и Брячиславом-Вартилафом. Последовательность событий в ее изложении довольно близка к тому, что дает наша „Повесть временных лет“; в этом смысле сага об Эймунде — наиболее интересное явление среди всей северной „*Rossica*“, хотя во многом она сбивчива, неточна, противоречива и местами носит явные следы путаницы и вымысла — результат того, что она прошла через много рук на своем пути от устного предания до того вида, в каком мы ее теперь знаем.

Об Ярославе она отзывается как об очень умном человеке, *ráðagerðar maðr*, и как о властном энергичном князе, *stjórnsmárr konungr ok ríklundaðr*, но в его отношениях с наемной норманской дружиной рисует его лишенным тех положительных свойств, которые эта дружина более всего ценила: он скуповат и, начав с весьма приветливого приема, в дальнейшем старается уклониться от выплаты своим норманским воинам жалованья, полагающегося им по уговору, особенно в такое время, когда нет надвигающейся военной опасности. Недоразумения и разлад на этой почве очерчены в саге очень живо и реально. В своих действиях в отношении своего брата и противника, Святополка-Бурислафа, Ярослав несколько нерешителен; когда дело доходит до открытой борьбы, он следует советам более воинственного Эймунда. Ко второму, если можно так выразиться, акту борьбы Ярослава с братом, соответствующему известиям „Повести временных лет“ под 1018 г., относится сообщение саги о том, что Ярослав был в бою тяжело ранен в ногу. Но по „Повести временных лет“ он оказывается „хромцом“ еще в 1016 г., независимо от какого бы то ни было ранения, а Тверская летопись, как известно, упоминает об его хромоте от рождения. Интересно, что, по мнению Д. Г. Рохлина, образовавшийся у Ярослава в детстве вывих правой бедренной кости (не травматического происхождения) мог давать лишь незначительную хромоту, в молодые годы мало заметную для окружающих; следовательно, то лицо, которое, по летописи, называет его хромым в 1016 г., когда он еще не был стар, вероятно, знало об этом недостатке. Если известие саги о ранении в ногу и является позднейшим домыслом, объясняющим хромоту, то сведение о самом этом явлении идет во всяком случае из ближайшей к Ярославу среды и восходит к устному преданию. Второе, травматическое, повреждение правой ноги у Ярослава произошло, по исследованиям Д. Г. Рохлина, позже того времени, о котором повествуют летопись и сага.

¹ Изв. Акад. Наук СССР, 1926, стр. 1061—1086.

По саге, Святополк-Бурислаф погибает от руки Эймунда и его дружины, а не так, как в „Повести временных лет“ под 1019 г. Еще до того Эймунд спрашивает Ярослава, как быть, если Бурислаф попадетсЯ им в руки. Ярослав дает уклончивый ответ: он не намерен побуждать людей биться с Бурислафом, но и винить их не станет, если они его убьют. Когда Эймунд приносит ему отрубленную голову Бурислафа, вид ее вызывает у него сильное волнение: кровь бросается ему в лицо. После некоторого молчания он говорит, что Эймунд и его дружинники быстро сделали дело, близко касающееся его, Ярослава. Эти слова можно понимать двояко — как одобрение быстрого и решительного действия или как порицание чересчур поспешного. Интересно, что по саге выходит, что гибель Бурислафа от руки дружинников Ярослава бросает тень на него самого, как на братоубийцу, и является к тому же фактом, показательным для чрезмерного усиления норманнов в окружении Ярослава; под теми „некоторыми мужами“, которые высказывались в таком смысле, подразумеваются, очевидно, не норманские, а местные, прежде всего — русские, дружинники князя.

Когда возникает очередное недоразумение из-за уплаты жалования норманским наемникам и Эймунд выражает свое недовольство, Ярослав отзывается на это неопределенным замечанием: „много чего произошло от того, что вы сюда пришли“. Эймунд парирует эти слова, вскрывая оба значения, которые им можно придать; он согласен с Ярославом — без него, Эймунда, и его дружины Ярославу пришлось бы плохо; а что касается гибели Ярославова брата, то с нею дело обстоит так же, как и тогда, когда Ярослав не возражал против этого, т. е. в сущности санкционировал действия Эймунда.

Таковы наиболее живые и характерные черты, которыми обрисован в этой саге Ярослав. Если в отношениях с Бурислафом и в смысле военных действий он проявляет некоторую нерешительность, то в приведенных мною здесь разговорах с Эймундом уже сказывается другое — более тонкая и сложная работа мысли, большее расстояние между мыслью или эмоцией и словом, большая дипломатичность, чем у его собеседника. Этот последний рисуется нам по сравнению с Ярославом непосредственно и примитивно практичным, даже в тех случаях, когда он прибегает к хитрости; он ставит вопросы ребром, называет вещи их собственными именами, а в конечном счете преследует наиболее существенную для себя и своей дружины цель — получить свое, выражаясь языком наших былин, „зарабочее“. Поскольку и сага об Эймунде дает нам Ярослава не самого по себе, а в его отношениях к герою саги, т. е. Эймунду, то и психологию Ярослава можно здесь уловить из сопоставления с тем, как мыслит и действует Эймунд.

Эта сага не относится к числу тех, в которых широко развернут диалог, как прием повествования, достигающий в иных сагах замечательного мастерства. Но указанные здесь образцы сравнительно краткого и сжатого диалога принадлежат в ней к числу наиболее удачных и психологически показательных.

Недовольный Ярославом Эймунд круто и решительно порывает с ним, уходит к Брячиславу-Вартилафу Полоцкому, по саге — брату, а не племяннику Ярослава, и участвует в борьбе между ними, которая начинается сразу же, а не через два года после гибели Святополка, как по летописи. Ярославу здесь уже не уделено сколько-нибудь характерной для него и активной роли. В этой части саги больше выдвинута его жена Ингигерд, личность которой вообще хорошо и подробно обрисована в сагах, касающихся ее обручения с Олафом Норвежским и брака с Ярославом. Это объясняется тем, что в далекой Исландии о Швеции и шведских исторических лицах знали — если и не непосредственно, то

через связи с Норвегией — все таки больше, чем о русских, и даже о таком выдающемся князе, как Ярослав. Умная, энергичная и самостоятельная Ингигерд была подходящей женой для нашего Ярослава Мудрого. Не останавливаясь здесь более подробно на ее характеристике и ограничиваясь лишь указанием на некоторую неясность относительно ее этнического происхождения. Со стороны отца она — шведка, из старого рода упсальских конунгов, внучка знаменитой Сигрид stórráða, в преданиях о которой есть некоторые черты, сближающие ее с нашей летописной Ольгой. Мать Ингигерд, по Адаму Бременскому, была вендкой (из племени Оботритов); это известие перешло и в легендарную редакцию саги об Олафе святом, между тем как все остальные саги, касающиеся происхождения Ингигерд, говорят о ней как о дочери Олафа Шведского не от упоминаемой так же в них пленницы из знатного вендского рода, а от другой, законной его жены, так и оставшейся нам неизвестной по имени и происхождению, но скорее всего — шведки. Этот неясный вопрос интересен для нас в смысле возможной славянской примеси в этническом облике той предполагаемой жены Ярослава, чей скелет был найден в его гробнице в Киеве и обследован В. В. Гинзбургом. Возраст, устанавливаемый для этого женского скелета В. В. Гинзбургом, вполне подходит к тому, какой можно предполагать по сагам. В отношении хронологии наблюдается расхождение на несколько лет между сагами и нашей летописью: по „Heimskringla“ выходит, что Ярослав женился на Ингигерд в 1020 г., а по саге об Эймунде, этот последний, явившись к Ярославу со своей дружиной к самому началу борьбы его с Святополком (по „Повести временных лет“ — 1015 г.), уже застаёт его женатым на Ингигерд. Для возраста Ингигерд это хронологическое расхождение большого значения не имеет.

Из детей Ярослава и Ингигерд саги знают сыновей: Владимира, Всеволода и Holti (повидимому, тот же Всеволод — см. выше, стр. 67). Почти все генеалогии путают Владимира Ярославича с Владимиром Мономахом, который оказывается, таким образом, сыном, а не внуком Ярослава. Из дочерей в сагах известна только одна Елизавета, Ellisif, жена Харальда Норвежского.

Извлекая из древне-северной литературы те немногие фрагменты, которые могут что-то дать нам для характеристики Ярослава, я оставляю без подробного рассмотрения один из исландских сводов саг о норвежских конунгах, составленный в первой половине XIII в., так. наз. „Morkinskinna“. Он начинается с довольно пространного повествования о Ярославе и Ингигерд, опять-таки с точки зрения их отношений с Олафом святым. Это — явно неисторическая часть „Morkinskinna“, резко противоречащая тем сведениям в других текстах, историческая верность которых не вызывает сомнений. Она интересна скорее с чисто литературной стороны как разработка русской темы в духе чего-то вроде исторического романа. В настоящей статье, основная задача которой — по возможности дать некоторые дополнения из области древне-северных письменных источников к изучению облика Ярослава по антропологическим и рентгенологическим данным, — упомянуть об этой явно вымышленной части „Morkinskinna“ стоит лишь по следующему поводу. Мы уже видели, что тот психический облик Ярослава, который очерчен в саге об Эймунде, — и, надо сказать, очерчен хотя и бегло, но очень живо и убедительно, — не сходится с выводами Д. Г. Рохлина и М. М. Герасимова. Согласно этим выводам, Ярослав был человеком импульсивным, экспансивным, натурой, сильно эмоциональной, быстро и легко поддающейся раздражению. „Morkinskinna“ рисует нам Ярослава как человека самолюбивого, раздражительного, крутого и сурового в минуты гнева, но не лишённого отходчивости и способного поддаваться разум-

ным уговорам и доводам. Можно было бы, пожалуй, отнести за счет сочинительства „Morkinskinna“ этого другого, по сравнению с сагой об Эймунде, Ярослава. Но на трафаретный образ, каких особенно много в неисторических сагах более поздних, чем „Morkinskinna“, он во всяком случае не похож. Не отразились ли в этом рассказе, при всей его неисторичности, какие-то подлинные старые воспоминания о Ярославе, использованные составителем „Morkinskinna“, а вернее еще до него тем источником, на котором он основывался? Если это так, то эмоциональные черты Ярослава в этом рассказе пришлось очень кстати; что же касается совершенно иных, по существу несомненно конкретных и реальных условий, в которых Ярослав действует в саге об Эймунде, то они довольно сложны (междоусобная борьба, отношения с наемной и местной дружиной в обстановке этой борьбы), и представляется вполне правдоподобным то, что он проявляет себя в этих условиях с другой стороны, задерживающий элемент берет верх, мысль преобладает над эмоцией, и картина получается иная. Поскольку в сагах данных для характеристики Ярослава, как мы уже видели, очень немного, а отмеченный мною эпизод „Morkinskinna“ не имеет в этом смысле предшественников в дошедших до нас памятниках древне-северной литературы, то все сказанное здесь по этому поводу является лишь предположением, лишь попыткой найти согласование между неодинаковыми показаниями саг, а также и выводами наших исследователей.

Е. А. Рыдзевская

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ФИЗИЧЕСКОГО ОБЛИКА ЯРОСЛАВА МУДРОГО

(Доклад на секторе дофеодальной и феодальной Восточной Европы 29 апреля 1940 г.)

По поручению Института истории материальной культуры и Института этнографии Академии Наук СССР мною была произведена реконструкция физического облика Ярослава Мудрого. Ряд экспериментальных работ, если и не дал еще полного разрешения вопроса о возможности создания по черепу портретного сходства, во всяком случае наметил некоторые пути к его решению.

Прежде чем перейти к реконструкции мягких покровов лица Ярослава, необходимо было дополнить недостающие части черепа со сломанной верхнечелюстной и скуловой костями. Это было сравнительно просто: я спроектировал зеркальное изображение, точно передавая весь рисунок рельефа сохранившихся частей черепа на левую сторону. Сложнее было восстановление несколько обломанных носовых костей, но и здесь благодаря сохранившимся костям лицевого скелета (корень носа, верхняя часть носовых костей, правая верхнечелюстная) оказалось возможным целиком восстановить носовые кости. Зубы, как это показал осмотр, были утрачены из челюстей после смерти, причем альвеолы их прекрасно сохранились. Это позволило с точностью воспроизвести оба ряда зубов, придав им характерный прикус, при котором нижняя челюсть несколько выступала вперед по отношению к верхней.

Восстановленные части черепа сделаны из очень плотного воска, не боящегося деформации при дальнейшей работе.

Перед тем как перейти к описанию методов восстановления лица Ярослава, мне бы хотелось дать суммарное описание черепа, которое, хотя и строится целиком на антропологических основах, все же имеет некоторую специфику в отдельных деталях, важных при реконструкции лица.

Черепная коробка занимает промежуточное положение между эллипсоидной и овоидной формами. Уплощенность свода подчеркивается спокойно убегающим покатым лбом. Надбровные дуги развиты очень слабо, выступая над переносьем, по шкале Мартине, до 3 баллов. Спинка носа высокая, крышевидная. Грушевидное отверстие слегка асимметрично в правую сторону. Глазницы средних размеров и по своим очертаниям имеют сглаженную четырехугольную форму. Общая форма лица овоидная с тонко очерченными, относительно неширокими скулами. Нёбная дуга узкая, ипсилоидная, т. е. зубы в заднем отделе параллельны. Отмечается слабая альвеолярная прогнатность, причем зубы нижней челюсти выступают вперед. Нижняя челюсть имеет тенденцию выступать вперед, доходя до 2 баллов. При общем взгляде на череп создается впечатление о тонко очерченном лице, и это впечатление не сглаживается сравнительно низким сводом черепа и пологим лбом.

Предварительная препарировка трупов и многочисленные измерения рентгенограмм профилей лица показывают наличие определенной корреляции между костной основой и мягкими покровами.

Исследования рентгенограмм дали возможность найти определенные показатели толщин мягких покровов по линии профиля. Оставалось найти только такие точки измерения, которые бы одинаково легко фиксировались на лице и черепе для того, чтобы можно было говорить об их взаимосвязи. Нами приняты одиннадцать таких точно фиксированных мест измерений на профиле лица. Измеряется толщина мягких тканей на середине лобной кости — это соответствует в большинстве случаев корням волос у живого человека. Наивысшая точка надбровья по черепу соответствует середине между бровями; носолобный шов — корню носа, середина носовых костей — середине прощупываемого костного носа, конец носовых частей — концу костного носа или началу мягких частей его. Следующее измерение непосредственно под носовым шипом соответствует основанию носа. Альвеолярный край у резцов верхней челюсти соответствует в большинстве случаев верхнему краю губы, верхний край нижних резцов — верхнему краю нижней губы. Далее измерялись середина подбородка, вершины его и точка непосредственно под подбородком, что соответствует этим же точкам на нижней челюсти.

Установив такую корреляцию мускульного покрова по сагиттальному разрезу лица, а также некоторую взаимосвязь мягкого покрова с черепом, в процессе дальнейшей работы нужно было найти какие-то элементы, которые дали бы возможность с большей долей вероятности реконструировать части лица, не имеющие основы на черепе. Очень тяжелая задача — восстановление хрящевой части носа. Корреляция между костным и хрящевым носом еще достаточно хорошо не определена. Мною получены некоторые добавочные сведения, позволяющие реконструировать нос достаточно точно. Для прямых носов, носов с тонкой высокой спинкой, хорошо моделированных, носов с горбинкой, с узким грушевидным отверстием сравнительно легко может быть найден профиль мягких частей. Таким образом оказывается, что если продолжить основное направление подносового шипа и спроецировать по этой линии линию, проходящую по касательной через последнюю треть носовых костей, то в этом углу и будет кончик носа. Это мне удалось проследить на достаточно большом количестве случаев примерно в 80—90% рентгенограмм. Но бывают носы с сравнительно высокой формы спинкой, широко развитой нижней частью и плоским широким концом. Такой нос проецировать по рентгенограмме мне сначала совершенно не удавалось, но, оказывается, и здесь можно найти некоторые данные, позволяющие восстановить его форму. Дело в том, что грушевидное отверстие, соответствующее таким носам, имеет всегда некоторую загнутость

внутри носовых косточек. Особенно сильно это замечается при сагиттальном разрезе носа. Нос идет параллельно всему построению лица и основание разрастения нижней части носа характеризуется только сравнительно сильно развитым широким подносовым шипом. Этот подносовой шип, как правило, в таких случаях в отличие от шипов при

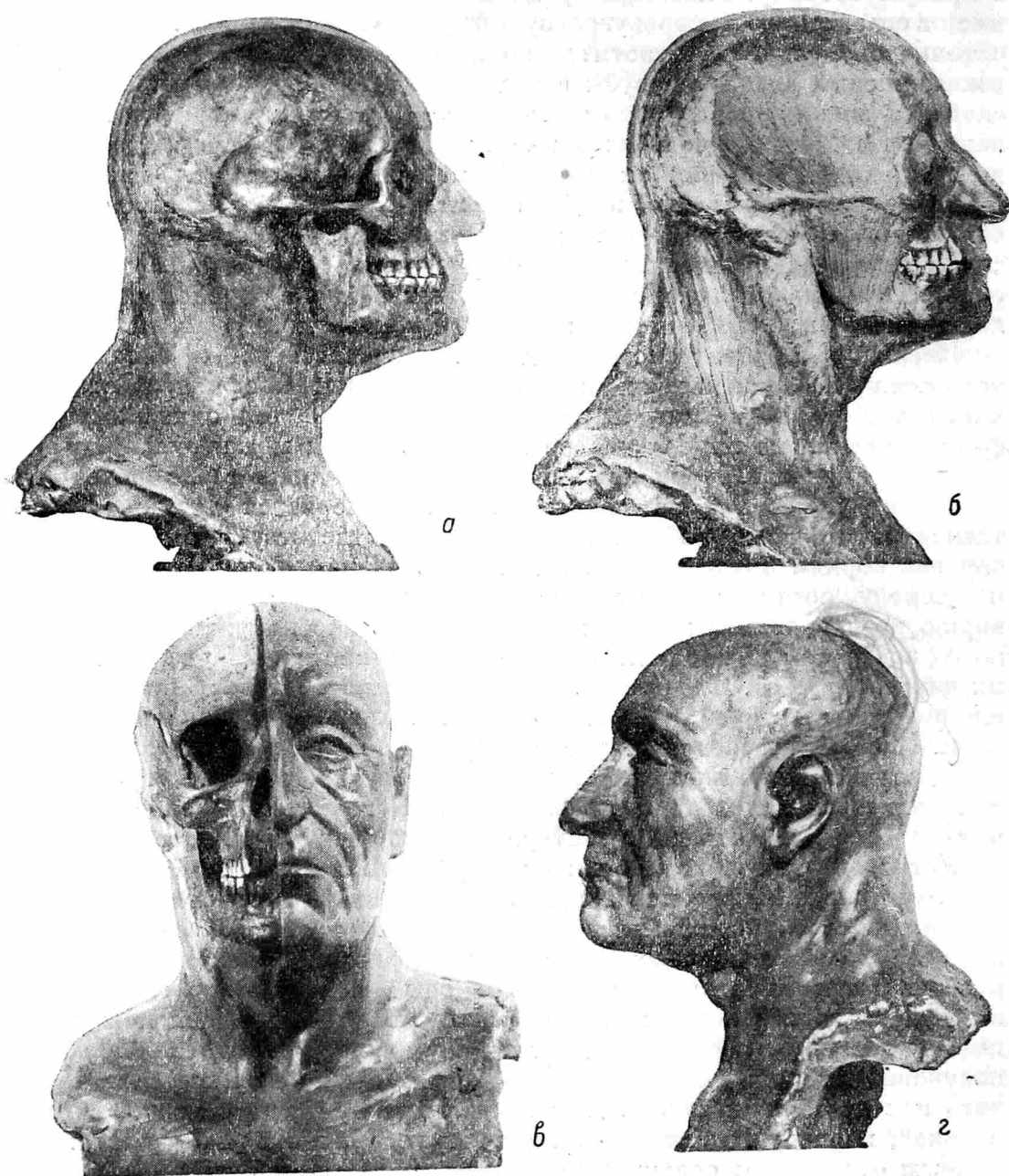

Рис. 18. Процесс реконструкции облика Ярослава Мудрого.

горбатым носе, будет менее выраженным в своем характере. Направление его, которое нужно проследивать по всему протяжении, и дает возможность спроецировать нижнюю часть носа, т. е. основание его.

После этого данные о ширине и характере грушевидного отверстия дают возможность восстановить крылья носа. Сначала приходится восстанавливать добавочные хрящи в крыльях носа, а потом к ним проецировать основные хрящи.

Рис. 19. Ярослав Мудрый (реконструкция).

Очень трудно было вначале найти какие-либо данные к строению глаза. Одно положение глаза в орбите дает чрезвычайно мало, нужно было найти такой материал, как разрез глаза, его направление, найти данные о контуре век, характер складки и т. д. Здесь также можно наметить некоторую закономерность. Оказывается, что низкое переносье, связанное с широкими скулами, высоким лбом, хорошо очерченными глазницами, всегда предоставляет право дать монголоидный разрез. Кроме того, если все данные соответствуют тому, что мною утверждается, т. е. если есть наличие закругленных глазниц, широкое переносье с очень массивным грушевидным отверстием, слабо развитым подносовым шипом, широкое основание носа, невысокое переносье и т. д., то все это дает право не только делать косой разрез глаз, но на ряду с ним и хорошо выраженный эпикантус.

Если какие-нибудь данные отсутствуют, нужно найти корректирующие возможности для определения, в какой мере может быть развито монгольское веко.

Для строения рта чрезвычайно много дают прикус, форма самой дуги зубного ряда, высота подносового шипа до нижнего края резцов. Вот основные элементы, позволяющие в какой-то мере реконструировать рот. По этим данным можно дать в большей мере вероятную щель рта.

При правильной дуге верхней челюсти, правильном смыкании зубов, правильном прикусе всегда будет спокойно, красиво моделированный рот. Соответственно изменению дуги будет меняться и форма рта. Очень широкая спокойная дуга зубного ряда, как правило, дает большую ротовую щель. Сильно выраженные собачьи ямки определяют направление и характер носо-ротовой складки. Форма рельефа скуловой дуги после нанесения основных жевательных мускулов дает возможность восстановить овал, т. е. основной характер рисунка лица.

Учитывая все вышеприведенные данные, я пытался добиться портретности изображения Ярослава Мудрого, пользуясь его черепом. Это было тем более трудно, что нам не известно сколько-нибудь достоверных иконографических материалов.

Перехожу к описанию техники реконструкции (рис. 18а—г).

Череп ставится на штатив, причем сразу же оформляется шея. По сагиттальному разрезу черепа наносится валик из пластилина, который должен передать толщину всего мягкого покрова черепа по линии его профиля. После этого оформляются основные жевательные мышцы, причем, не ставится, конечно, задача разрешения их детально, — они разрешаются единой массой.

Далее, восстанавливаются хрящи носа. Мимические мышцы наносятся условно в общей массе покровов. Лицо восстанавливается не одновременно, а по половине, и почти до полной реконструкции одной из сторон все время имеется возможность проверки соотношений костных и мягких частей. Чрезвычайно существенно для выражения лица определить форму угла рта. У одних угол рта приспущен, у других приподнят. Характер расположения основных жевательных мышц по восходящей ветви челюсти и место примыкания к ним двух мышц-трубачей — вот основные компоненты для реконструкции угла рта.

После того как выяснены характер верхней губы и величина ротовой щели, нужно спроецировать нижнюю губу. Нижняя губа очень легко рисуется в профиль характером нижней челюсти.

Для решения формы подбородка имеет значение не выступание нижней челюсти, а угол ветви. Характер подбородка диктуется постановкой челюсти по отношению к черепу.

Все это дает возможность восстановить постепенно отдельные детали, а потом и общий характер лица (рис. 19).

После того как разрешается таким образом одна из сторон лица, начинается процесс в том же порядке, но в другой половине его. Другая половина не лепится зеркально, ибо каждая сторона, так же как и лицо, асимметрична и имеет свои особенности. Для того чтобы сохранить живость лица, необходимо процесс восстановления и другой половины лица производить постепенно.

Череп дает возможность разрешить только очень суммарную маску лица. Нельзя говорить о тонких морщинах, о характере их расположения. Это делается уже по другим данным. О характере индивидуальных особенностей волосяного покрова тоже ничего нельзя сказать, кроме расовых и возрастных отличий. У ярко выраженного монголоида можно сделать свойственную монголоидам бороду, но, скажем, у русских, которые представляют в антропологическом отношении конгломерат, решить по черепу вопрос о характере волосяного покрова бывает чрезвычайно трудно. И если нет соответственного материала — иконографического или, как в данном случае, летописного, относящегося к Ярославу или к его эпохе, — то могут возникнуть большие затруднения.

Характер бороды, более сильный или слабый волосяной покров по черепу до некоторой степени можно предположить. Что же касается характера бровей и их расположения, то развитие надбровий почти всегда соответствует внутренней части бровей. Дальше кнаружи бровь ложится либо по краю орбиты, либо у людей с очень слабым волосяным покровом, как у ярко выраженных монголоидов, она выклинивается вверх.

При отсутствии соответствующего иконографического или летописного материала можно дать лишь совершенно оголенного человека, что ничего общего с законченной работой не имеет, ибо форма бороды, усов, характер прически — все это чрезвычайно сильно меняет портретный облик. Однако, используя исторические, этнические и другие источники, можно все же добиться реконструкций, близких к портретному сходству.

М. М. Герасимов

К ВОПРОСУ О САРКОФАГАХ КН. ВЛАДИМИРА И АННЫ

(Доклад на секторе дофеодальной и феодальной Восточной Европы 3 июня 1940 г.)

В юго-западной части развалин Десятинной церкви раскопками, произведенными Киевской экспедицией Института археологии Академии Наук СССР в 1939 г., был открыт загадочный тайник, представлявший прямоугольное в плане, подземное помещение, вырытое в материковом лёссе. На глубине 1.25 м два узких хода вели из этого помещения в две разобщенные камеры, глубина которых достигала 4 м ниже уровня древнего пола Десятинной церкви. Вопрос о времени сооружения этого тайника и о его первоначальном назначении для основной темы настоящей статьи не имеет значения. Все помещения тайника были заполнены рыхлым лёссом, в котором найдено несколько тысяч фрагментов разнообразной глиняной и стеклянной посуды XVII в.

На ряду с этими фрагментами в тайнике было обнаружено свыше двухсот обломков мрамора различной величины и формы. Обнаруженные в тайнике обломки мрамора представляют собой по большей части фрагменты плоских плит, покрытых с одной стороны барельефной резной орнаментацией. Обломки эти несомненно являются остатками древних резных парапетов хор и, может быть, частями алтарной преграды.

Фрагменты эти имеют исключительное значение для реконструкции внутренней декорировки здания и заслуживают специальной публикации и исследования.

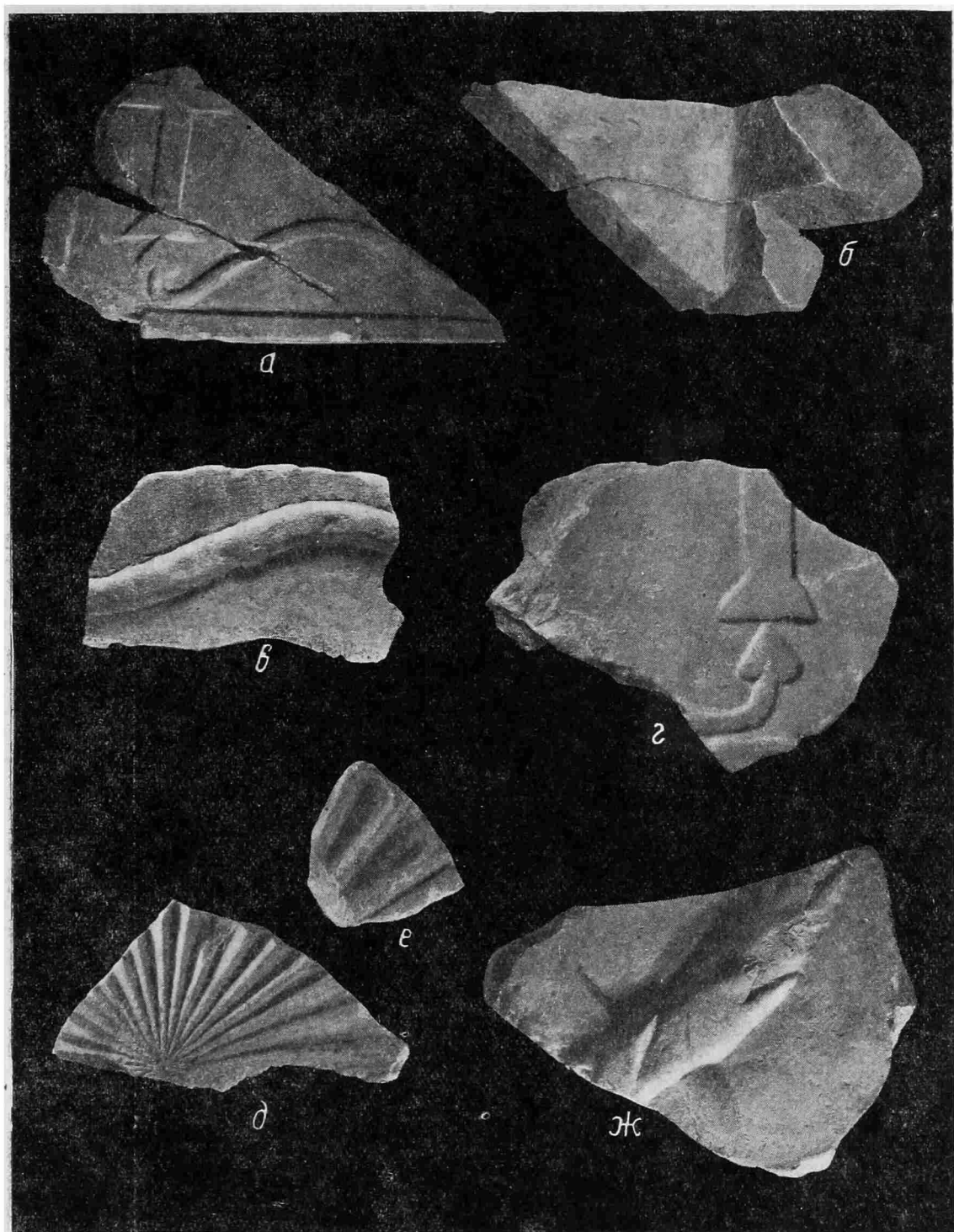

Рис. 20. Фрагменты саркофага, обнаруженные в тайнике Десятинной церкви.

На ряду с этими архитектурными обломками в тайнике было обнаружено свыше 15 фрагментов мрамора, которые резко отличались как по обработке поверхности, так и по характеру орнаментации (рис. 20).

Среди этих фрагментов в первую очередь привлекает внимание большой фрагмент, составленный нами из двух кусков, найденных на различ-

ной глубине (рис. 20б). Этот фрагмент несомненно представляет угол крышки большого саркофага. Крышка была сделана из одного куска мрамора; внутренняя поверхность ее гладкая, гладко же отесан и хорошо сохранившийся нижний бортик крышки. Наружная поверхность крышки покрыта барельефной орнаментацией (рис. 20а). В левом углу высечен рельефный крест с расширяющимися концами; под крестом сердцевидный лист, от которого вправо идет извивающийся стебель. Сохранившиеся края крышки окаймлены рельефным обрамлением. Фрагмент второго такого же креста с расширяющимся нижним концом, под которым также помещен сердцевидный лист на вьющемся стебле (рис. 20г) и обломок

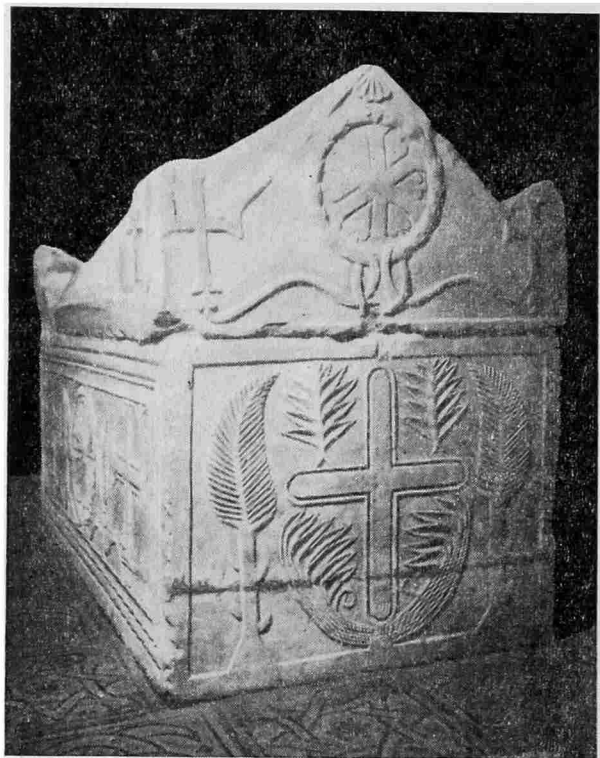

Рис. 21. Мраморная гробница Ярослава Мудрого.

с изображением стебля (рис. 20в) позволяют с полной несомненностью восстановить всю композицию в целом. Перед нами повторение мотива, декорирующего боковые стенки крышки саркофага Ярослава в Киевской Софии (рис. 21) — два равноконечных креста, соединенные в одну композицию вьющимся стеблем с сердцевидными листьями на концах. В средней части боковой стенки крышки саркофага Ярослава изображен, кроме того, круглый венок из остроконечных листьев, в середине которого помещена так наз. „хризма“. Один из найденных нами фрагментов позволяет реконструировать и среднюю часть крышки Десятинного саркофага совершенно подобно средней части саркофага Ярослава. На этом небольшом фрагменте (рис. 20ж) отлично сохранилась часть венка, остроконечные листья которого ближайшим образом повторяют тот же мотив на саркофаге Ярослава.

Из остальных фрагментов отметим еще два с изображением розетки (рис. 20 д, е). И этот мотив встречается на саркофаге Ярослава. Техника резьбы по мрамору и самый материал обоих саркофагов обнаруживают ближайшее сходство.

Кому принадлежал роскошный мраморный саркофаг, жалкие обломки которого найдены в тайнике? Десятинная церковь уже с самых первых лет своего существования выступает в качестве княжеской усыпальницы. Летописные записи сообщают с большими или меньшими подробностями о семи погребениях киевских князей в Десятинной церкви. Раскопки развалин Десятинной церкви в 1824, 1826, 1908, 1918 гг. и, наконец, раскопки 1938—1939 гг. позволили обнаружить несколько саркофагов из мрамора, шифера и дерева. Был сделан ряд попыток установить атрибуцию некоторых из этих саркофагов.¹ Не поднимая здесь вновь

¹ М. К. Каргер. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, вып. IV, 1940, стр. 12—20.

вопросов, связанных с шиферными и деревянным саркофагами, остановимся исключительно на мраморных саркофагах.

Упоминания о погребениях в мраморных саркофагах в древних письменных источниках встречаются трижды. Древнейшее из них относится к погребению самого основателя храма — кн. Владимира. Как известно, Владимир умер 15 июля 1015 г. в своем княжеском селе Берестове (под Киевом). Тело его в течение дня „потаиша бе бо Святополк Кыеве“.

О погребении Владимира киевский летописец повествует с большими подробностями. „Ночью же межю двема клетми проймавше помост, обертевше в ковер и ужи свесиша на землю; възложыше и на сани, везыша поставиша и в святей Богородице, юже бе създал сам. Се же уведевше людье, бес числа снидошася и плакашася по немь бояре акы заступника их земли, убозии акы заступника и кормителя; и вложиша и в корьсту мраморяну, схраниша тело его с плачем блаженного князя“.¹

Четырьмя годами раньше умерла супруга Владимира, византийская княжна Анна. Летописное известие о смерти Анны не сообщает места ее погребения,² но о том, что она была погребена именно в Десятинной церкви, мы знаем из свидетельства Титмара Мерзебургского, который в своей „Хронике“, написанной вскоре после смерти Анны (сам Титмар умер в 1018 г.) писал: „Владимир уже в престарелом возрасте и после продолжительного царствования умер и погребен в Киеве, большом городе, в храме Христова мученика папы Климента, возле вышеупомянутой жены своей [Елены гречанки], и саркофаги их стоят открыто посреди храма“.³

Еще Н. М. Карамзин⁴ высказывал справедливое замечание, что в Десятинной церкви хранились мощи Климента и мог быть придел, посвященный этому святому. Наименование всей церкви именем Климента у Титмара несомненно ошибочно.

Третье (и последнее) упоминание о погребении в мраморном саркофаге находится в летописном рассказе о торжественных похоронах сына Ярослава — Изяслава Ярославича, убитого в бою в 1078 г. После торжественных церемоний „положиша тело его в церкви святых Богородица, вложивше и в раку мраморяну“.⁵

Первое известие о находке в развалинах Десятинной церкви двух мраморных саркофагов было сообщено еще в XVIII в. киевским митрополитом Самуилом Миславским. Повествуя о деятельности Петра Могилы, Миславский писал: „Митрополит Петр Могила, имея обыкновение посещать святыя храмы каждую субботу, в некое время пошел в церковь святителя Николая, оставшуюся по разорении Батыевом от великия называемыя церкви, где отправил обычную свою молитву и, по выходе из оной, обозревая окружности ее, увидел нечаянно в недалеком расстоянии от новой церкви небольшую яму в земле и, любопытствуя, приказал глубже оное место разрыть; по исполнении сего, найдены два мраморные гроба, в которых, по свидетельству положенных на них надписей, лежали кости св. князя Владимира и супруги его, греческия царевны, Анны...“⁶

Трудно сказать, на чем основаны подробности приведенного рассказа. Современник Петра Могилы Афанасий Кальнофойский в своей „Тера-

¹ Лавр. лет. под 1015 г.

² „В лето 6519. Преставися царица Володимеря Анна“ (Лавр. лет. под 1011 г.).

³ Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1877, отд. II, стр. 1.

⁴ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. I, прим. 488.

⁵ Лавр. лет. под 1078 г.

⁶ Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры. 2 изд., 1795, стр. 80.

тургиме“ сообщил об этом же факте всего лишь несколько слов („Драгоценное сокровище — святыне мощи Владимира были выкопаны из развалин Десятинной церкви в 1655 году“).

Необходимо отметить, однако, что наличие двух мраморных саркофагов среди развалин Десятинной церкви подкрепляется значительно более достоверным известием, относящимся также к концу XVIII в. Известие это сообщено Н. М. Карамзиным со слов протоиерея И. Леванды, который, в свою очередь, почерпнул это известие из тетради архимандрита Киево-Печерской лавры. В этой тетради было записано: „В правление Епархию Киевскую митрополита Арсения Могилянського, старица Киево-Фроловського монастиря, княгиня Нектарія Борисовна Долгорукова (супруга знаменитого несчастливца, казненного в царствование Анны Иоанновны), получив благословение сего архипастыря, возобновила древние остатки Десятинной церкви. Заделывая трещину в стене алтаря и копая землю, каменщики открыли две мраморные доски, подобные той, которою покрыта Ярославова гробница в Софійском храме. (Разрядка наша. — М. К.). Тогдашний священник сей церкви не сказал ничего митрополиту, и любопытный памятник был опять засыпан землею...“¹

В 1824 г. развалины Десятинной церкви подверглись сокрушительным раскопкам К. Лохвицкого. В западной части южного нефа К. Лохвицкий обнаружил „изломанную на три части фигурную гробовую крышку из белого мрамора, под коей в щебне открыт остов, по замечанию врачей женский. При нем нашелся только перстень и крестик“.²

Два года спустя архитектор Ефимов, вновь раскапывая фундамент Десятинной церкви, обнаружил „близ северной стены Могилянської церкви, извне оной“, т. е. в юго-западной части развалин, „фигурную гробовую крышку, под коей в щебне открыт остов“.³ Несомненно, что это были обломки той же мраморной гробницы, которую двумя годами раньше обнаружил К. Лохвицкий. Нельзя не обратить внимания на то, что обломки саркофага, обнаруженные Лохвицким, а потом вторично Ефимовым, были найдены в юго-западной части развалин церкви (в западной части южного нефа), т. е. именно там, где были обнаружены и упоминаемые записью Арсения Могилянського два мраморных саркофага.

Несомненно, что найденные К. Лохвицким и Ефимовым фрагменты мраморной фигурной крышки представляли обломки одного из тех двух мраморных саркофагов, которые в конце XVIII в. были обнаружены при ремонте церкви княгиней Долгоруковой. Никаких следов третьего мраморного саркофага, в котором в 1078 г. был погребен кн. Изяслав Ярославич, не было обнаружено ни раскопками 1824 и 1826 гг., ни нашими раскопками 1938—1939 гг.

Археологи двадцатых годов XIX в., повидимому, оставили на месте обнаруженный ими мраморный саркофаг. Начавшимися вскоре строительными работами по постройке новой церкви, сооружавшейся в юго-западном углу древних развалин, мраморный саркофаг был, повидимому, окончательно уничтожен. Трудно сказать, попали ли обломки этого саркофага в тайник именно в это время или же найденные нами обломки были сброшены в тайник еще в XVII в. при расчистке территории древних развалин для постройки новой церкви в юго-западной части развалин.

М. К. Каргер

¹ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. I, прим. 488.

² Н. Закревский. Описание Киева. М., 1868, I, стр. 287—288.

³ Там же, стр. 289.

IV. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

ПУШКАРЕВСКОЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ЖИЛИЩЕ

В 1938 г., во время раскопок палеолитической стоянки Пушкири I, расположенной на правом берегу Десны, недалеко от г. Новгород-Северска (Черниговская область УССР), были обнаружены остатки древнего жилища.¹ В 1939 г. эти остатки были вскрыты целиком, так что имеется возможность говорить об их общей планировке.²

Культурный слой стоянки залегает на глубине ок. 1 м, на границе лёссовидного суглинка и супеси. На месте жилища культурный слой заполняет ясно выраженное и четко очерченное углубление (западину). Это углубление представляет собой основание древнего жилища. Оно имеет продолговатые, вытянутые с северо-запада на юго-восток очертания, отдаленно напоминающие прямоугольник. Длина его ок. 12 м, а ширина ок. 4 м. Таким образом, общая площадь жилища приближается к 50 кв. м.

На дне жилища находятся три очага, заполненные костным углем. Центральные части очагов, представляющие собой котлообразные углубления от 70 см до 1 м в поперечнике, имеют округлые очертания и расположены по длинной оси жилища (рис. 22). Толщина углистого слоя, заполняющего эти центральные части очагов, 10—20 см. Сами очаги имеют большие размеры, чем эти центральные линзы, и более расплывчатые очертания; их поперечник 1—2,5 м, а толщина зольного слоя, распространенного в них за пределами центральных линз, 2—5 см. При этом первый очаг (квадрат А9 и соседние) имеет небольшие размеры, очень близкие к размерам его центральной линзы. Второй очаг (квадрат Б6, В6 и соседние) довольно сильно расплылся в западную и в юго-восточную стороны от центральной линзы. Наконец, третий очаг (квадрат Д2, Д3 и соседние) сильно расплылся в северную сторону от своей центральной линзы. Таким образом, очажные линзы, в которых зольный слой имеет наибольшую толщину, находятся не в центре очажных пятен, а у одного их края. В центре первого очага в дно его вертикально воткнута обожженная кость мамонта, ок. 15 см длины. По краям второго очага также вертикально воткнуты две кости 10—12 см длины.

На дне жилища вокруг очагов расположено свыше тридцати округлых ямок 10—12 см в поперечнике и ок. 10 см глубиной. Большинство из них слегка расширяется книзу. Они заполнены кремнями, угольками и кусками краски. В некоторых ямках под кремнями и кусками краски находились костяные изделия: ложила, палочки из бивня мамонта с утолщениями и перехватами и заготовки из бивня мамонта в виде

¹ См.: Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, вып. II, стр. 10—12.

² Раскопки 1939 г., как и 1938 г., производились отрядом Деснянской экспедиции ИИМК и Института археологии АН УССР.

Рис. 22. План жилища палеолитической стоянки Пушкарки I.

- I — бивни мамонтов;
- II — кости мамонтов;
- III — зубы мамонтов;
- IV — очажные центры

стерженьков. Такие находки были сделаны только в центральной части жилища, в ямках вокруг второго очага. Часть этих ямок с костяными поделками находилась и под расплывшимся зольным слоем второго очага (в тех местах, где он имел толщину 2—5 см). Очевидно, очаг первоначально занимал лишь небольшую площадь, а затем очажный слой расплылся, перекрыв существовавшие до того ямки.

Стенки углубления, служившего основанием жилища, имели в различных местах различный характер. Большая часть северо-восточной стенки от квадрата Б₁ 1 до Б₁ 8 очень пологая, так же как и юго-западная стенка на участках между вторым и третьим очагами. В остальных же местах стенки крутые, а кое-где (квадрат Ж101 и соседние, квадрат Б₁ 9 и соседние) поднимаются под прямым углом к поверхности дна жилища.

Дно жилища покрыто культурным слоем, включающим большое количество кремней и костных углей, а также кости мамонта, волка, лошади и других животных. Некоторые из костей обожжены. Многие из них носят следы древних сколов и срезов. Кости нескольких волчьих лап, а также позвонки лошади лежали в анатомическом порядке. Эти кремни и кости залегали также и в толще очагов.

Несколько выше характер культурного слоя, заполняющего основание древнего жилища, постепенно менялся. На глубине 10—30 см над дном западина была заполнена большим скоплением костей мамонтов. Границы этого скопления в точности совпадали с границами западины. Скопление состояло исключительно из костей мамонтов. Кости других животных, залегавшие на дне жилища, выше совершенно исчезали. Кости принадлежали, по минимальному подсчету, шестидесяти пяти мамонтам (подсчет произведен по бивням в 1938 г. В. И. Громовым и И. Г. Пидопличкой и в 1939 г. — В. В. Карачаровским). Кости мамонтов носили явные следы отсортировки. Среди них преобладали бивни (ок. 150 экземпляров, из которых один достигал 2.45 м длины) и зубы. Зубы нередко сидели попарно в челюстях, причем решительно преобладали верхние челюсти и принадлежащие им зубы. Но альвеолы верхних челюстей, в которых помещались бивни, всегда были пустыми. Таким образом, прежде чем поместить бивни сюда, их извлекали из челюстей. Кости лежали в суглинке и в супеси среди кремней, костных углей и кусков красной и коричневой краски, довольно часто встречающихся в культурном слое стоянки. Многие из бивней лежали прямо над очагами, а кроме того, под многими из костей наблюдались небольшие зольные подстилки. Однако ни одна из этих костей не была обожжена. Очевидно, они попали сюда уже после того, как очаги потухли навсегда. Не носили кости и следов древних сколов и срезов, за исключением нескольких бивней, повидимому, продольно распиленных в древности. Многие из костей были окружены почти стерильным суглинком, не содержащим никаких находок, кроме изредка попадающихся кремней. Создавалось впечатление, что они заплыли этим суглинком. При взгляде на план бросается в глаза, что кости мамонтов, особенно бивни, группируются гуще всего в трех местах над очагами, а в промежутках между очагами костей несколько меньше. Однако никаких перемычек или подъема пола жилища в этих промежутках не прослеживается.

По краям западины в четырех местах (квадраты А4—Б4, А₁6—А₁7, Г6—Г7 и Е101—Е1) в дно жилища были вкопаны верхние челюсти мамонта с торчащими в них зубами. Все четыре челюсти были вкопаны в совершенно одинаковом положении — вертикально, причем альвеолы, из которых перед этим были извлечены бивни, уходили в дно жилища, а жевательные поверхности зубов находились в вертикальной плоскости и были обращены во вне жилища. Таким образом, эти челюсти возвышались на несколько десятков сантиметров над полом жилища.

Скопление костей мамонтов целиком заполняло древнее жилое углубление и даже несколько возвышалось над его краями. Выше его культурный слой не прекращался, а шел примерно еще на 10 см вверх. Он был заполнен большим количеством кремней, а также крошек костного угля; нередко попадались в нем и кусочки краски. Такой характер культурный слой носил и за пределами скопления костей и западины, однако здесь его интенсивность и выраженность носили различный характер и по мере удаления от жилища очень быстро ослабевали. К северу, северо-востоку и востоку от западины культурный слой на протяжении нескольких метров был очень хорошо выражен, имел толщину ок. 15 см и был заполнен большим числом кремней (свыше 500 шт. на 1 кв. м) и угольков. К северу и к востоку от западины в 1—2 м от нее было прослежено также и по одному кострищу распычатых очертаний 2—3 м в поперечнике и до 5 см толщины. Эти кострища содержали очень много расколотого кремня, частично пережженного. Однако на расстоянии 3—5 м от западины интенсивность культурного слоя в этих направлениях резко ослабевала. Он превращался просто в горизонт залегания кремней, имеющий до 10 см толщины. К западу же и к югу от западины культурный слой сразу за ее пределами потерял свою интенсивность и превратился в горизонт залегания кремней.

Такой характер носят остатки Пушкаревского палеолитического жилища.¹ Как они могут быть интерпретированы?

Большое углубление, имеющее площадь ок. 50 кв. м, с тремя очагами, расположенными на его дне, и с окружающими их маленькими ямками представляет собой, как об этом говорит прежде всего планировка очагов и их соотношение с контурами углубления, несомненно, основание большого коллективного жилища, слегка врытого в землю. Культурный слой, заполняющий дно этого жилища, представляет собой обычные остатки обитания: остатки трапезы (расколотые и обожженные кости животных) и остатки обработки кремня. Среди кремней, заполняющих культурный слой, преобладают отбросы производства; процент орудий невелик; их количество равно количеству нуклеусов. Маленькие ямки, расположенные вокруг очагов, являются в значительной своей части ямками-хранилищами для более ценных предметов. Четыре челюсти мамонта, вертикально вкопанные по краям жилища, вероятно составляли часть его конструкции. Возможно, что они поддерживали стенки жилища или нары внутри его.

Хотя дно жилища несколько углублялось в землю, большая часть его возвышалась над поверхностью земли. Вероятно, стены жилища были из шкур, подпираемых изнутри несколькими шестами, а также из сучьев и ветвей (рис. 23).

Скопление костей мамонтов, заполняющее жилище, не представляет собой палеолитических кухонных остатков обычного типа. Бивни, извлеченные из челюстей, и зубы не могли быть остатками трапезы. Кости носят следы отсортировки. Специально были выделены бивни и челюсти, по преимуществу верхние, т. е. остатки голов мамонтов. Едва ли это запасы кости для обработки. Слишком велико для этого скопление бивней и зубов и слишком мало была развита у обитателей стоянки, судя по дошедшим до нас находкам, обработка кости. Скорее всего скопление остатков черепов мамонтов имело культовый характер, было связано с тотемистическими представлениями. У многих современных примитивных племен кости убитого животного — тотема — складываются

¹ В этой заметке, носящей предварительный характер и преследующей ограниченную цель, мы намеренно не останавливаемся на разборе местоположения стоянки и ее общей планировки и не даем анализа происходящих оттуда культурных остатков.

в определенном месте; нередко при этом кости подвергаются специальной сортировке; складываются только черепа, кости ног и т. п. Часто этот обряд связан с представлениями о возрождении животного.

Но если мы допустим, что скопление костей мамонта имеет культовое значение, встает вопрос: как попали эти кости на место жилища? Можно было бы предположить, что углубление, служившее первоначально основанием жилища, было впоследствии, после того как люди перестали жить на этом месте, использовано как культовое место.

В пользу этого предположения говорит то, что кости мамонта, хотя и лежат среди углей, прямо над очагами, совершенно не обожжены и попали сюда после того, как очаги потухли. Однако как в таком случае объяснить, что кости мамонта в пределах углубления группируются в трех местах, над тремя очагами и, таким образом с ними связаны?

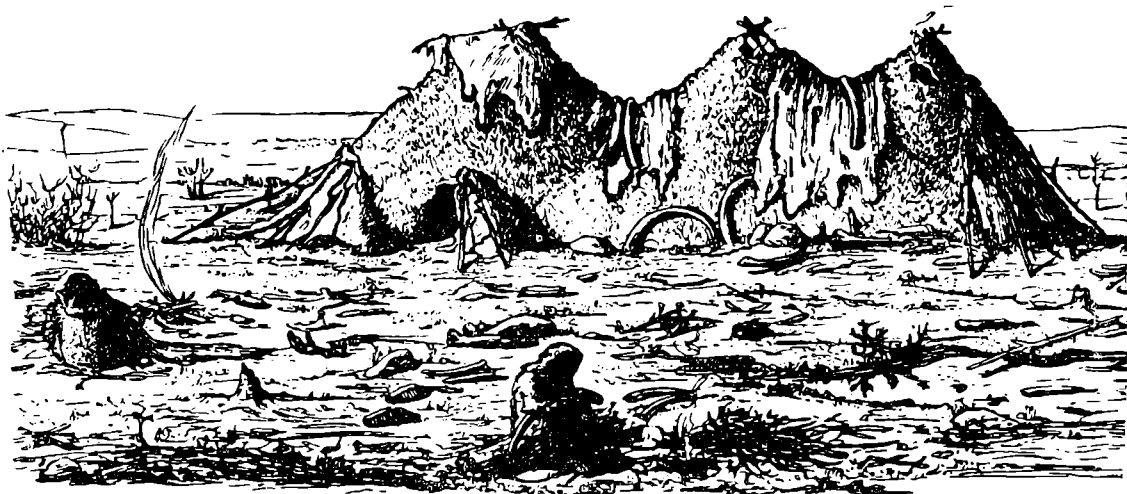

Рис. 23. Опыт реконструкции палеолитического жилища в Пушкарях I.

(Рис. В. Д. Запорожской).

Возможно, что жилая яма была использована как культовое место вскоре после того, как очаги потухли. Планировка жилища была еще в памяти людей, очаги были заметны, и складываемые кости намеренно группировались вокруг очагов. Возможно, что часть костей лежала на крыше жилища, которая состояла из трех конусов, и после оставления жилища людьми падала, группируясь вокруг очагов. Однако на крыше могла лежать лишь небольшая часть костей: слишком велика для этого тяжесть бивней и зубов мамонта.

Так может быть объяснено происхождение большей части костей мамонта, заполняющих жилище. Некоторые же кости, в частности кости конечностей мамонта в квадратах Б₁9, Б₁10, располагавшиеся в наклонной плоскости, могли, подобно вышеописанным верхним челюстям, составлять часть конструкции жилища.

В истории этого места можно проследить и третий период. После того как западина была использована в качестве культового места, над ней отложился обычный культурный слой — остатки обычного обитания палеолитических людей, главным образом в виде обработанного кремня. Эти остатки, как мы видели, простираются и за пределы места жилища. Трудно сказать, к какому времени относятся два кострища, расположенные к северу и к востоку от жилища. Они могли гореть здесь и тогда, когда жилище было обитаемо, и впоследствии, когда жилище было оставлено.

Обработанный кремень, находимый в верхней части культурного слоя, имеет абсолютно тот же характер, что и обработанный кремень,

находимый на дне жилища. Очевидно, вся история этого места, начиная с сооружения человеком здесь постоянного жилища и кончая временем, когда палеолитический человек совсем оставил это место, охватывает сравнительно небольшой временный промежуток. За время жизни здесь человека это место довольно сильно подвергалось размыванию, не повредившему, правда, основных культурных комплексов. О размывании свидетельствует наличие в культурном слое, особенно на его периферии, значительного количества окатанных кремней, а также чрезвычайно плохая сохранность костей, залегающих в культурном слое. Вероятно, и очаги на дне жилища подвергались размыванию, причем первый очаг, размеры которого очень близки к размерам его центральной линзы, подверглся размыванию в наименьшей мере. Он примыкает к довольно крутым стенкам жилища и, вероятно, был укрыт больше, чем второй и особенно третий очаг, площадь которого в несколько раз превосходит площадь его центральной линзы. Размыванием объясняется и широкое распространение обработанных кремней на территории стоянки. Они тянутся на площади, достигающей 30 000 кв. м.

На этом мы заканчиваем настоящее предварительное описание Пушкаревского палеолитического жилища.¹ Отметим в заключение, что анализ культурных остатков, происходящих из стоянки Пушкарки I, равно как и анализ ее геологических условий позволяют датировать ее ориньяко-солютрейской эпохой верхнего палеолита и считать одной из самых ранних верхнепалеолитических стоянок Украинской ССР (более древней, чем Мезин).

П. И. Борисковский

НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Палеолитические стоянки Сибири являются самыми восточными на территории СССР и наиболее северными на азиатском континенте.

От ближайших местонахождений древнекаменного периода Европейской части СССР (Урал и Приуралье) они отделены расстоянием в 1600—1700 км, а от стоянок Монгольской Гоби и Ордоса — на 700—1000 км.

Еще совсем недавно представление о северо-азиатском палеолите связывалось с интересными памятниками этого времени в Прибайкалье, с многочисленными стоянками по среднему течению р. Енисея и единственной для Западной Сибири находкой у г. Томска остатков мамонта со следами употребления в пищу человеком, его современником.

В 1935 г. был обнаружен палеолит в предгорьях Алтая (у с. Сrostки на р. Катуни).

За последнее время собран новый материал, указывающий на более широкое распространение палеолита в этом крае.

Сибирским археологом С. М. Сергеевым в 12 км к юго-западу от г. Бийска, по правому берегу р. Бии, около ее устья, найдена новая палеолитическая стоянка, расположенная в глубине речной долины.

Здесь, на древнем мысе, образованном первой надпойменной террасой в слое лёссовидного суглинка на глубине 1 м 24 см были обнаружены на площади в 10 кв. м остатки кострища (диаметр 1 м), выделявшегося обожженной поверхностью суглинка и слоем пепла толщиной

¹ Подчеркнем предварительный характер излагаемых здесь выводов. Некоторые исследователи высказывают предположение, что бивни мамонта, заполняющие Пушкаревское жилище, в свое время составляли часть его конструкции и упали на очаги уже после того, как жилище было оставлено человеком.

в 16 см. В окружности этого пепелища были найдены 2 скребла, мелкие концевые скребки и овальное орудие. Все орудия приготовлены на массивных пластинках и отщепах и имеют одностороннюю ретушь. Материал изделий — кварцит и кремнистые породы.

Осколков камня (некоторые из них со следами вторичной обработки) собрано около сотни. Орудия и осколки покрыты известковым налетом.

Следы, повидимому, второй стоянки обнаружены на следующей высокой террасе, где в лёссовидном суглинке на глубине 1 м найдено крупное каменное орудие типа скребла.

Открытие палеолита у северных предгорий Алтая, в бассейне верхнего течения р. Оби, поставило на очередь вопрос о поисках его у западных склонов этой горной страны в долине р. Иртыша.

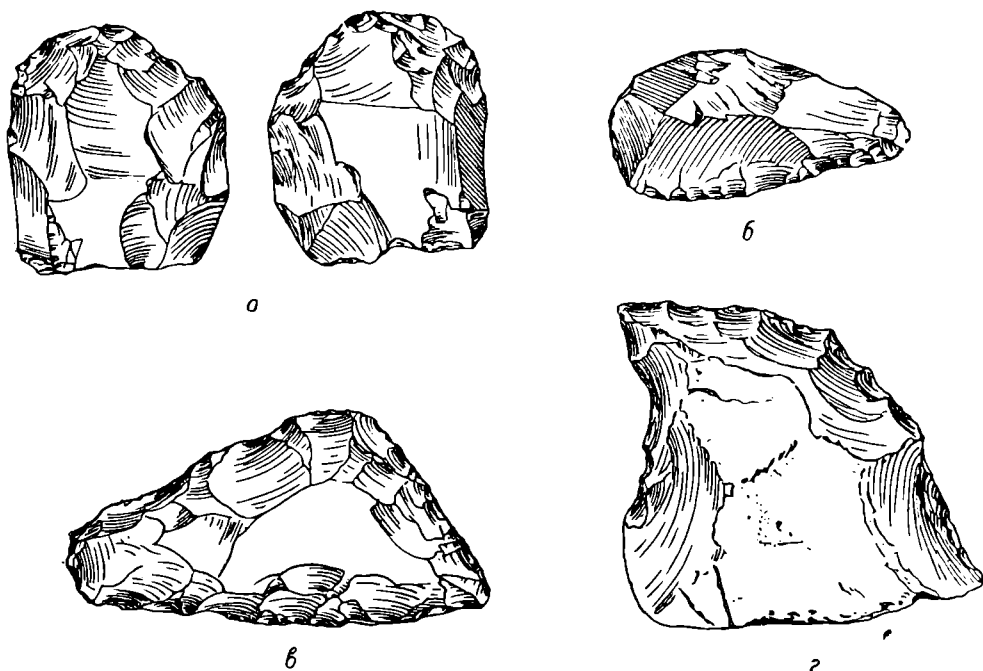

Рис. 24. Каменные палеолитические орудия со стоянки Ангачи ($1/2$ натур. вел.).

а — типа „ручного рубила“; б—в — типа скребла; г — провертка в соединении со скреблом.

В музеях г. Ленинграда имеется серия каменных орудий, которые по материалу, типичной форме и технике обработки, а также наличию патины отличаются от неолитических изделий и обладают характерными особенностями палеолитических орудий, — это скребла (окрестности г. Семипалатинска), обломок широкой пластины, концевой скребочек на толстом отщепе и другие предметы, происходящие из долины Белого Иртыша.

В долине Енисея памятники палеолитической эпохи в количестве тридцати местонахождений были установлены по среднему течению реки (на участке ниже г. Минусинска до района г. Красноярска), но в южных пределах края они в достаточной мере выявлены не были. Поэтому большой интерес представляют данные о находке палеолита в истоках р. Енисея в Тувинской Народной Республике. К югу от г. Кызыл-Хото на развеейной ветром древней стоянке близ урочища Ангачи было собрано несколько орудий из речной гальки (скребла, двухсторонне обработанное орудие типа ручного рубила, массивная провертка в соединении со скреблом и пр., рис. 24 а—г).

По технике изготовления и форме эти орудия близки к селенгинскому и минусинскому палеолиту.

У дер. Означенной р. Енисей выходит из горных теснин Саян; около г. Минусинска в него с левой стороны впадает крупная река Абакан.

На участке Енисея от г. Минусинска до дер. Означенной (110 км) следов палеолита не обнаружено, тогда как ниже по течению от устья р. Тубы стоянки древнекаменного периода известны по этому плесу Енисея в значительном числе. Повидимому, такое распределение палеолитических местонахождений не является случайным. Исследования Д. А. Клеменца и других показали, что Енисей в четвертичную эпоху от предгорьев Саян до г. Минусинска имел иное направление. От дер. Означенной он огибал Койбальскую степь в северо-западном направлении и между хребтом Изых и Тербой (Керба) соединялся с р. Абаканом. Две больших реки, слившись вместе, образовали мощный поток, проложивший себе долину в северо-восточном направлении. Между горой Самохвал и улусом Усть-Ташеба (около горы Куня) он вливался в русло р. Енисея. Старая, проходная долина р. Енисея отмечена скоплением гальки на месте его ложа, рядами небольших озер — остатками прежних протоков, песками по его берегам, террасовидными уступами, а также высохшими руслами речек, которые раньше впадали в него. Ширина древней долины р. Енисея здесь достигала 12—18 км.

Интересно расположение палеолитических находок на юге Минусинского района около старого русла Енисея.

И. Т. Савенков отмечает находки „широких скребков“ на левой стороне р. Абакана около б. Абаканской Управы¹ (ныне г. Абаканск), т. е. там, где по предположению некоторых исследователей (Стасевич) имелся остров древнего Енисея.

Затем палеолитические орудия происходят с песков около горы Изых.

И. Т. Савенков относительно условий нахождения типичного каменного скребла в этой местности сообщает, что оно было „найдено на дюнных песках на ЮЗ склоне горы Изых, почти у подножья, на береговой террасе когда-то протекавшей здесь большой реки“² (рис. 25).

Еще дальше в глубь степи, на правом побережье высохшего русла р. Енисея, в местности „Борки“, на песчаной террасе было собрано несколько экземпляров каменных орудий палеолитического облика, преимущественно широкие скребла.³

Грубо оббитые камни попадались также на песках в местности „Сорок озер“, недалеко от „Борков“, по правому же берегу старого русла Енисея.

К востоку от Енисея заслуживает внимания горная местность в окрестностях поселка Монды (перевал севернее оз. Косогол). Здесь на песках по берегу р. Оки были собраны каменные орудия палеолитического облика. Эти находки являются промежуточным пунктом, связывающим палеолит верховьев р. Енисея с остатками этой эпохи в долине р. Селенги.

Палеолитические местонахождения бассейна р. Селенги представляют большой интерес.

Ландшафт Селенгинской Даурии в четвертичную эпоху во многом был близок по физико-географическим условиям к ландшафту центральной Гоби и Ордоса.

На наличие пустынно-степных элементов в фауне Забайкалья указывают находки остатков таких характерных животных, как винторогой антилопы и страуса.

Определения В. И. Громова показали, что винторогая антилопа была современником четвертичного человека, о чем свидетельствует фрагмент

¹ И. Т. Савенков. Каменный век в Минусинском крае, стр. 5.

² И. Т. Савенков, ук. соч., стр. 11.

³ Красноярский музей (коллекция Данилова и сборы Сосновского).

череп а этой антилопы со следами надрезов, обнаруженный в окрестностях г. Кяхты.

Скорлупа яиц страуса часто попадает на древних стоянках в бассейне р. Селенги рядом с палеолитическими каменными орудиями.

Палеолитические стоянки р. Селенги (типа Зарубино и Харанхой), приуроченные к 40-метровой террасе, по условиям нахождения культур-

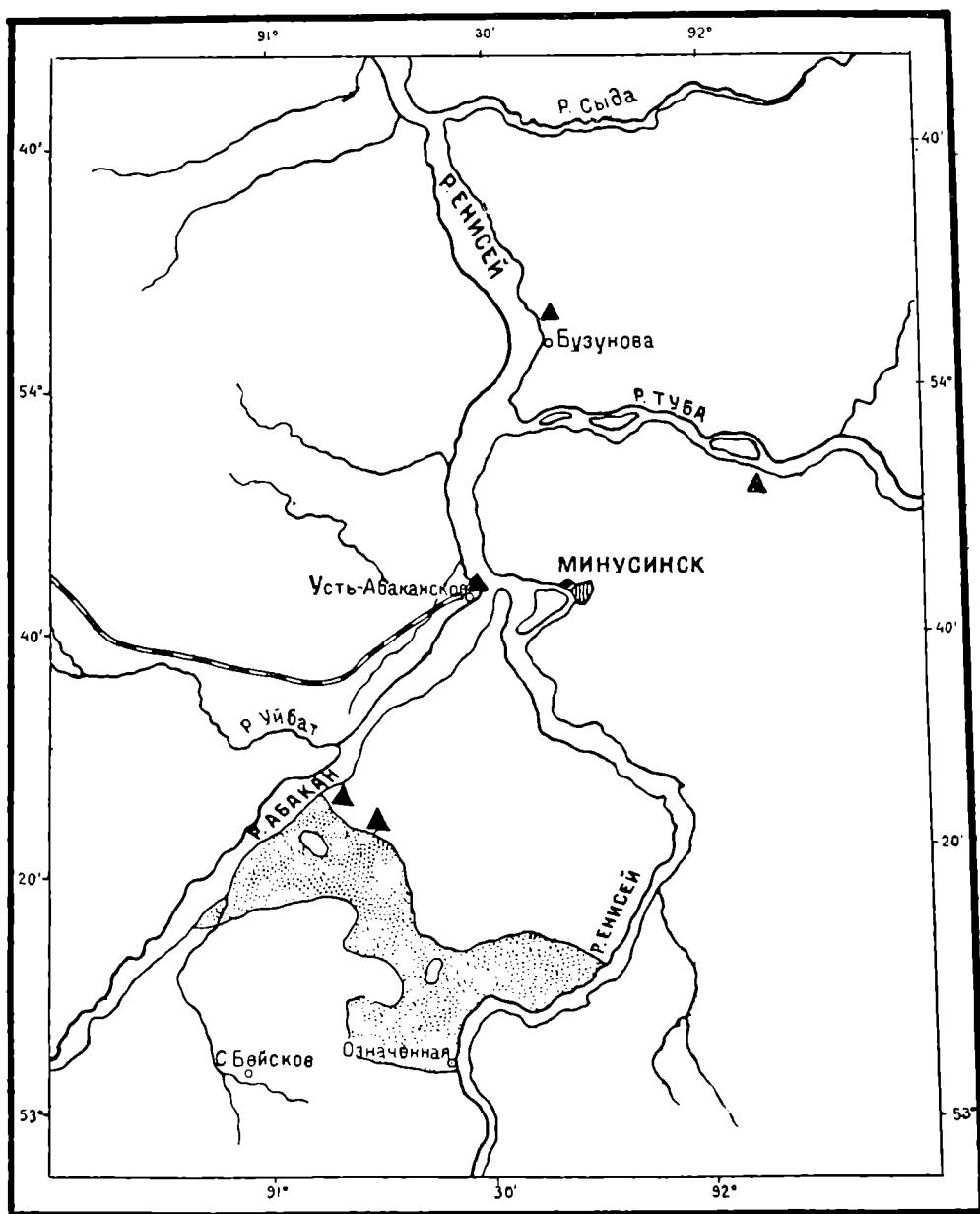

Рис. 25. Карта распространения палеолитических местонахождений в южной части Минусинской котловины.

Мелкими точками показаны границы дрезного русла р. Енисея, а черными треугольниками — места находок каменных орудий.

ных остатков и формам каменного инвентаря можно сопоставлять с палеолитическими местонахождениями р. Енисея. На упомянутых Селенгинских стоянках были обнаружены остроконечники, скребла, орудия типа „ручного рубила“, провертки, нуклевидные орудия и пр.¹

¹ Кроме этой группы стоянок, в Забайкалье известны находки каменных орудий, близких к предметам позднепалеолитических местонахождений р. Ангары.

Какое же место занимают новые палеолитические местонахождения Южной Сибири в ряду других памятников этого времени Северной и Центральной Азии?

Если мы посмотрим на их географическое положение, то прежде всего приходится отметить, что они располагаются около горной системы Алтая и Саян.

Находки в бассейне верхнего течения рр. Оби, Иртыша и Енисея можно объединить в одну группу верхнего палеолита Южной Сибири. К ним близки и палеолитические местонахождения р. Селенги.

Названные памятники существенно отличаются от стоянок древнекаменного периода бассейна р. Ангары и у г. Томска. Эти региональные и культурные особенности необходимо учитывать при классификации палеолита Сибири.

Палеолитические памятники Северной Азии можно разделить по хронологическому признаку на три основных стадии.

1. К концу ледникового квартала относятся стоянки бассейна р. Ангары (Мальта, Буреть) с носорогом и мамонтом в фауне, костяными изделиями и кремневыми орудиями западных форм. Они одновременны солютреевским памятникам Европы.

К этому же отделу квартала нужно присоединить и местонахождение на Кайской горе у г. Иркутска, но с каменными орудиями иного вида, чем мальтинские (скребки и скребла, приготовленные из речной гальки, и другие предметы).

2. Мадлену синхроничны палеолитические местонахождения долины р. Енисея с мамонтом и песцом в фауне (Афонтова гора — нижний слой и другие стоянки), с крупными и мелкими формами каменных орудий и костяными изделиями, характерными для южносибирской группы памятников. Представление о другом варианте сибирского палеолита рассматриваемого времени дает инвентарь Томской стоянки.

3. К начальной фазе послеледниковой эпохи принадлежат некоторые стоянки в бассейне р. Селенги (Зарубино, Харанхой).

Более поздней эпохе послеледниковой стоянки соответствуют остатки поселений (без мамонта) и находки каменных орудий на реках Енисее, Иртыше и верхней Оби.

Другим локальным вариантом являются позднепалеолитические стоянки Прибайкалья. По времени они соответствуют Азилью.

Г. П. Сосновский

НОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ГЛАЗКОВСКОЙ СТАДИИ У с. БУРЕТЬ (РАСКОПКИ 1939 г.)

Неолитические и энеолитические погребения в долине Ангары являются, как известно, исключительно интересным и ценным в историко-археологическом отношении источником. Они дают обширный и разнообразный материал для классификации неолитических памятников Прибайкалья: служат надежной основой для установления их относительной хронологии и раскрывают важные черты жизни древнего населения тайги. Около десяти лет из года в год, почти без перерыва, исследования этих погребений вел Иркутский областной музей — за последнее время при поддержке Института истории материальной культуры Академии Наук СССР. Ангарская археологическая экспедиция музея за это время обнаружила десятки новых местонахождений погребений, обогатила фонды музея обширными и единственными в своем роде коллекциями по байкальскому неолиту.

1939 г. на ряду с раскопками палеолитического поселения в Бурети вновь были предприняты поиски древних погребений в окрестностях того же села, где в ряде пунктов и раньше раскапывались интересные погребения энеолитического типа. Вблизи от Верхней Бурети, на правом берегу Ангары, на расстоянии ок. 1.5 км от села, действительно, было обнаружено новое и в высшей степени интересное захоронение энеолитического времени (глазковской стадии).

В раскопке погребения приняли участие, помимо автора статьи, В. Д. Запорожская, А. Г. Хамуева, Н. И. Тюменцев, а также д-р Хрдличка, занимавшийся в то время изучением костяков из неолитических погребений Сибири, хранящихся в Иркутском музее.

Погребение (Верхняя Буреть, № 1) находилось на склоне высокой (25 м) террасы и сопровождалось обычной каменной кладкой из небольших плит известняка, слагающего цоколь террасы. Это были по существу два захоронения, но настолько тесно связанные друг с другом, что их скорее нужно рассматривать как целое, как один памятник.

Первый костяк, по определению д-ра Хрдлички, мужской, возраста ок. 43 лет, лежал на спине, с руками, вытянутыми вдоль тела. Ориентирован он был головой почти прямо на запад, строго параллельно направлению р. Ангары, вниз по ее течению (рис. 26).

Костяк сопровождался характерными для энеолитической, глазковской, стадии украшениями, каменными и костяными орудиями. Украшения имели обычный характер: на темени костяка располагалось несколько грушевидных бусинок из клыков оленя; на верхней челюсти лежала прядка бусинок из белой массы („пастовых“), имевших вид маленьких цилиндров. Это несомненно было обычное украшение головного убора, которое на первый взгляд напоминает диадему. О том, что эти бусы сползли прядкой, сохраняя свое взаимное расположение, сверху, с темени, свидетельствует то обстоятельство, что в обеих глазницах найдены запавшие туда такие же бусинки. Несколько бусинок упало вниз, на шейные позвонки.

На груди хорошо сохранились лежавшие в три ряда узкой полосой, длиной 15 см (по 5 бус в каждом вертикальном ряду), перламутровые бусины-кружочки. Это было, очевидно, украшение типичного нагрудника тунгусского типа.

У локтя левой руки помещались сплошной грудой, как в колчане, кремневые наконечники стрел, все обращенные остриями вверх, к черепу. Так, между прочим, носили стрелы и древние эвенки.

На левой тазовой кости лежал плашмя шлифованный нож из зеленого нефрита или змеевика.

Рис. 26. Буреть. Расчистка энеолитического погребения.

Расчищает погребение д-р А. Хрдличка.

Справа у черепа лежали грудой различные вещи: костяные кинжало-видные острия, костяные наконечники стрел, отщепы, кремневый полунный нож, пять гарпунов, рыболовные крючки оригинального типа — в виде длинных стерженьков из кости или рога с отверстиями для кривых острий-жалыцев на расширенном конце и насечками для привязывания лесы на узком конце. В одном из крючков обе составные части находились в первоначальном положении — кривое острие оказалось плотно вставленным в отверстие. Кроме того, здесь же был найден боченковидный каменный стерженек для крючка — грузик и при нем кривое костяное острие-жалыце (рис. 27).

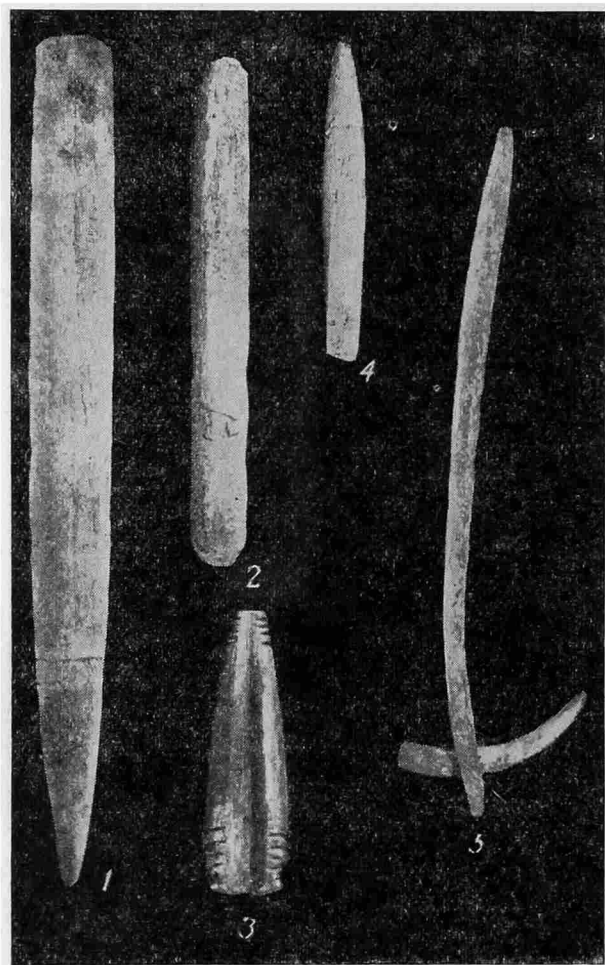

Рис. 27. Буреть. Могильный инвентарь из энеолитического погребения.

Над обоими костяками были как бы особые каменные кладки, однако, сливавшиеся краями. Над мужским костяком кладка оказалась более массивной и мощной. Женский костяк был слегка лишь забросан плитками.

По типологическому облику инвентарь вновь найденного погребения в точности, вплоть до мелких деталей, повторяет инвентарь ряда типичных глазковских погребений и вполне соответствует его речной, „глазковской“, ориентировке; таковы: бусы, ножи, гарпуны, крючки и даже наконечники стрел, среди которых имеются столь характерные, как наконечники с прямым основанием и узкие длинные с симметричными перехватами сбоку у базы. Для полноты картины не хватало только меди, но при осмотре костяных вещей на одной из них — кинжале оказалась и окись меди.

Второй костяк лежал вблизи, лишь несколько ниже по склону, в таком же положении и при такой же точно ориентировке, как и первый. Это был костяк женщины тех же лет, что и мужчина, захороненный рядом. На правой руке лежал костяк ребенка, возрастом до 1 года (определение Хрдлички).

На груди женского костяка был найден кружок-диск из белого мелкозернистого мрамора, а в глазницах — два других диска, служивших украшением головного убора. Еще один диск, тоже сползший с черепа, лежал на шее у подбородка.

В разных местах было беспорядочно рассеяно несколько наконечников стрел, в том числе один костяной. В грудной клетке ребенка оказались два кремневых наконечника стрелы.

Один наконечник стрелы был обнаружен в правой тазовой кости женщины: он пробил ее сзади и прошел насквозь с передней стороны — такова была сила, с которой выпустили стрелу.

Не менее типичны общие черты погребального обряда, отражающие определенные социальные отношения. Как и в ряде других случаев, это — „сдвоенное“ захоронение семейного типа, притом такое, в котором при мужчине находится весь производственный инвентарь (в данном случае по традиции типично рыболовный), а при женщине — только украшения.

Замечательно, что женщина была убита стрелами, одна из которых засела в ее тазу. Ее убили, повидимому, чтобы она сопровождала своего мужа и владыку в загробный мир; заодно был убит и ее ребенок. По объяснению д-ра Хрдличка, так поступали и североамериканские индейцы в случае смерти матери, если у нее не было сестры, которая могла бы кормить его грудью.

Обнаруженное в 1939 г. около Бурети энеолитическое погребение, таким образом, снова является подтверждением сделанным раньше выводам о культуре и довольно сложном уже общественном укладе древних обитателей Прибайкалья — предков эвенков и, повидимому, некоторых других родственных им лесных племен Сибири.

А. П. Окладников

О „ЗАГАДОЧНЫХ ПРЕДМЕТАХ“ ИЗ СКИФСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

В кругу „могильных древностей“ скифо-сарматского круга встречаются находки в виде пары небольших бронзовых колец, сцепленных при отливке вместе, причем каждое из них по наружному краю снабжено тремя или четырьмя шишечками, простыми или сложенными из мелких шариков в виде пирамидки. В старых отчетах и описаниях эти предметы, происходящие большею частью из случайных находок, вне комплексов, обозначались как „загадочные предметы“, „предметы неизвестного назначения“ и т. п.; не внесли ясности в их понимание и те немногие комплексы, в которых „загадочные предметы“ найдены *in situ* — парные кольца в V Мاستюгинском кургане¹ и в подкурганном склепе станицы Марьевской;² в последнем случае Веселовский со Спицыным называют их „загадочные золотые привески“. Вместе с тем эти находки в общепризнанных памятниках IV—II вв. до н. э. как будто закрепили за парными кольцами с шишечками относительно позднюю датировку.

В таких условиях попытка использовать „предмет неизвестного назначения“ как документ неизбежно влечет большие или меньшие ошибки. Недавно в серьезной статье, посвященной передатировке „каневской группы“ скифских курганов,³ наличие в комплексе VI в. бронзового кольца „с пятью тройными выступами“ приводит автора к заключению, что „находка близ с. Глинище представляет собой не единый комплекс, а разбивается на две группы вещей, относящихся к инвентарю двух разновременных погребений“.⁴ Из приведенных (в сноске)⁵ аналогий, однако, видно, что в данном случае прежде всего смешиваются две различные в функциональном отношении категории предметов — характеризованные выше пары колец, одно в другом, с выступами по периферии в плоскости кольца (курган I у ст. Марьевской, курган V близ с. Мاستюгина, затем не указанный в статье курган XII у с. Кириковки,⁶

¹ ИАК, 43, стр. 59 и 72, табл. I, 11.

² ОАК, 1912, стр. 56, рис. 79; ИАК, 49, стр. 130, рис. 1.

³ Б. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов среднего Приднепровья. Советск. археология, т. I, стр. 79—104.

⁴ Б. Рабинович, ук. соч., стр. 91.

⁵ Там же, прим. 1.

⁶ Е. Н. Мелъник, Тр. XII Археолог. съезда, I, стр. 714—715, рис. 119.

случайные находки в скифском кургане на Роменщине,¹ курган VI из Частых курганов у Воронежа² и пр.) и обычные кольца, которые не могут входить одно в другое, с несколькими шариками или рогатыми выступами, выходящими из плоскости кольца в бок („Чмырева могила“, курган „Огуз“, Резинский курган и др.); только эту вторую категорию, по сопутствующим предметам, можно предположительно относить к „конской сбруе“,³ точнее — к верховому конскому прибору. В ряде случаев, когда встречается одно кольцо случайного поступления, не всегда достаточно ясно, является ли оно обычным, как, видимо, в сарматском кургане у Басовки,⁴ или это лишь одно из пары, утратившей второе, как в классическом скифском кургане № 487 у Капитоновки⁵ и, прежде всего, в разбираемом погребении у с. Глинище.

Однако и в том и в другом случаях нет основания утверждать, что кольца с шишечками встречаются „лишь начиная с IV в. до н. э.“⁶ и, хотя автор отмечает, что кольцо из Глинища „по характеру расположения выступов отличается от всех известных колец подобного рода“, он считает, что это „отсутствие полных аналогий к данному экземпляру среди вещественных комплексов IV—III вв. может явиться лишь доводом к тому, чтобы отнести его к еще более позднему времени, но никак не к архаике“.⁷ Все же и в старой археологической литературе можно найти весьма близкие по форме аналогии обоим типам колец в памятниках, значительно более ранних, чем IV—III вв. Так, пара соединенных бронзовых колец с шишечками, почти идентичных одной из приведенных выше роменских пар, найдена в VII предэллинистическом слое Трои.⁸ Обычные кольца типа „Чмыревой могилы“ и т. п. имеют более ранние прототипы в погребениях VII—VI вв. Лельварского района Армении.⁹

Если эти все же случайные аналогии мало что разъясняют по существу, то в настоящее время мы располагаем достаточными материалами для определения возраста и функции „загадочных“ парных колец с шишечками.

Эти материалы представлены инвентарем замечательных архаических погребений VII—VI вв. до н. э., раскопанных на территории древней Фракии в 1918 г. и опубликованных Богданом Филовым.¹⁰ Из семи грунтовых могил воинов, погребенных в полном вооружении, при четырех (рис. 28) найдены парные кольца из бронзы с тремя или четырьмя сложными шишечками, при двух (могилы II и III) по одной паре, а при двух (могилы VI и VII) — по две пары, как в Кириковском кургане № 12. Беглого взгляда на публикацию этих предметов¹¹ (рис. 28а—г) достаточно, чтобы установить полную их идентичность парным кольцам из приводимых выше скифских курганов и из Трои VII; что касается спорного кольца из Глинища, то надо согласиться с Б. Рабиновичем, что при некотором своеобразии, „по всей вероятности, оно представляет

¹ А. А. Бобринский. Смела, III, стр. 61, табл. XIX, 12, 14.

² Неопубликованный материал, сообщенный С. Н. Замытнинным.

³ Б. Рабинович, ук. соч., стр. 91, следуя за Е. Мельник, ук. соч., стр. 714.

⁴ ОАК, 1901, стр. 107, рис. 191. В погребении найдено всего 4 отдельных кольца, из которых два гладких и два с боковыми выступами.

⁵ А. А. Бобринский, ИАК, 35, стр. 71, рис. 11.

⁶ Б. Рабинович, там же.

⁷ Б. Рабинович, там же.

⁸ W. Dörpfeld. Troja und Ilion, I, стр. 406, рис. 411.

⁹ J. Morgan. Mission scientifique au Caucase, I, стр. 126—127, рис. 113. Кольца с выступами встречены исследователем чуть ли не в каждой могиле, но по одному у ног покойника (ср. могилу 9 в Ахтале, стр. 58, рис. 17, и могилу 79 в Мусиери, стр. 68—69, рис. 24); в этих могилах конских принадлежностей не встречено.

¹⁰ B. Filow. Die archaische Necropole von Trebenischte am Ochrida-See. Bulgarische Nationalmuseum in Sofia, Berlin (Leipzig), 1927.

¹¹ B. Filow, ук. соч., стр. 87 (оп. № 125), рис. 102.

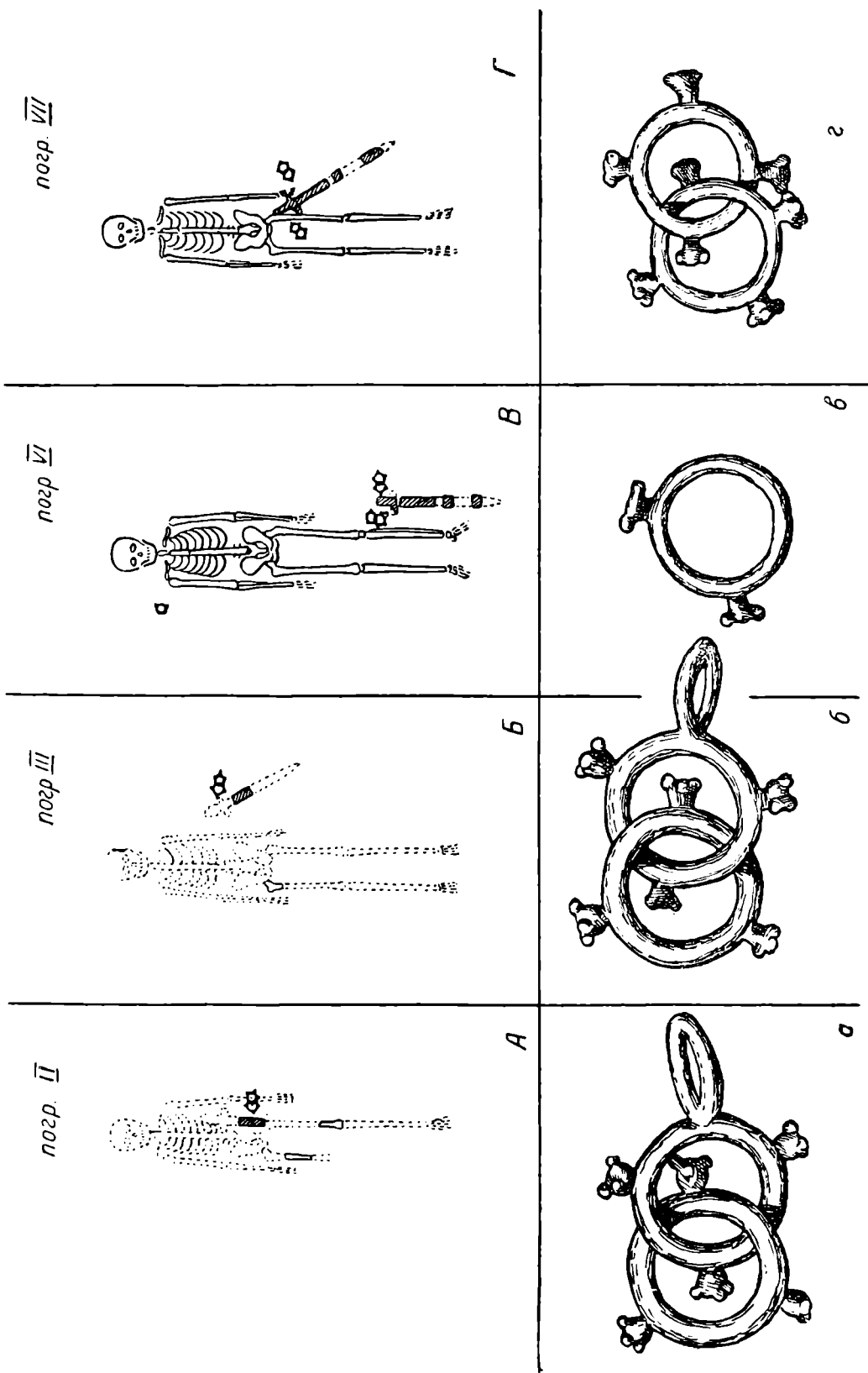

Рис. 28. Грунтовый могильник у с. Требениште на Охридском озере (Болгария).
Погребения с парными кольцами (по Филову).

собой один из вариантов этого типа“,¹ т. е. также представляет половину парного комплекта, подобного тробеништским.

Хотя автор публикации тробеништских памятников не берет на себя определения функции „загадочных предметов“, ограничиваясь замечанием, что „назначение этих колец неясно“,² но самое расположение их среди погребального инвентаря, вполне отчетливое благодаря высокому качеству публикации, дает возможность исчерпывающим образом разъяснить назначение интересующих нас предметов. Во всех четырех случаях парные бронзовые кольца лежали с левой стороны от покойника в непосредственной близости от остатков железного меча; в могилах VI и VII, где найдено по две пары колец, они лежат симметрично по обе стороны массивной рукояти меча с перекрестием³ (рис. 28В, Г); о непосредственной связи с мечом говорит и железный обломок, прикипевший к одному из колец могилы VI,⁴ причем иных железных предметов поблизости нет. Ни одного предмета, который можно было бы отнести к конскому снаряжению, ни в одной из могил тяжело вооруженных гоплитов нет. С несомненной очевидностью „загадочные“ парные металлические кольца с выступами служили для подвешивания оружия к поясному или, вернее, наплечному ремню типа портупей.

Именно такое применение их мы встречаем и в Кириковском кургане при железном ноже (может быть, мече?) с костяной рукоятью, где сохранились и остатки ремня.⁵ Во фракийских могилах, повидимому, налицо наплечная портупея, остатки которой следует видеть еще в одном ординарном кольце с двумя лишь шишечками, лежавшем как раз у правого плеча костяка в могиле VI⁶ (рис. 28, В). Стоит отметить, что в трех могилах (I, IV и V), где не найдено изучаемых колец, не документировано и положение с покойниками мечей, по крайней мере тяжелого типа.⁷

Текст Одиссеи знает оба приема ношения меча: Телемах, перед битвой с женихами, „свой меч опоясал“ (XXI, 432), но свинопас Эвмей идет на работу, „на крепкие плечи повесив меч свой“ (XIV, 528, 529). На греческой керамике чернофигурного стиля мечи изображаются именно висящими через правое плечо на свободном ремне, скрепленном с мечом при помощи двух колец; однако условная техника изображения деталей по черному лаку при помощи резца не дает возможности проверки таких подробностей, как конструкция портупей.

Что же касается скифских акинаков, то, прикрепляемые к поясу, они не нуждались в греческой системе подвески с помощью парных металлических колец, которые изредка встречаются в ранних скифских погребениях (Капитоновка 487, Кириковка XII и пр.) и с течением времени, видимо, совсем выходят из употребления.

Тем самым исследуемые парные кольца, находимые в погребальных комплексах *in situ*, могут являться документом, датирующим как раз архаический возраст погребений,⁸ поскольку датировка могил в Тробениште

¹ Б. Рабинович, ук. соч., стр. 91. Мне известен лишь один экземпляр, сходный с глинищским — бронзовое кольцо, 2,2 см в диаметре, снабженное пятью группами из трех круглых шишечек, неизвестного времени и происхождения, изображенное в каталоге The Metropolitan Museum of Art: G. Richter. Greek, Etruscan and Roman Bronzes. New York, 1945, стр. 343, под № 1155.

² B. Filow, ук. соч., стр. 88.

³ B. Filow, ук. соч., стр. 9—10, рис. 8 и 9 (№№ 27 и 22).

⁴ B. Filow, ук. соч., стр. 87—88, рис. 102, 7.

⁵ Тр. XII Археолог. съезда, I, стр. 715.

⁶ B. Filow, ук. соч., стр. 9, рис. 8 (№ 5).

⁷ B. Filow, ук. соч., стр. 88—89, рис. 103.

⁸ B. Filow, ук. соч., стр. 97—107.

VII—VI вв. до н. э. не вызывает сомнений. Следовательно, и „кольцо с тройными выступами“ из Глинища уже не „тянет в позднее время“,¹ и нет никаких оснований хронологически совершенно цельный комплекс Глинища разрывать на две хронологические группы.²

Вытекает ли из сказанного необходимость углубить до VI в. до н. э. датировку V Мاستюгинского или I Марьевского курганов, в которых парные кольца также найдены, казалось бы, *in situ*? Ни в какой мере. Погребальная обстановка в обоих случаях³ совершенно особая — парные кольца найдены около шеи детского или женского скелета; против обыкновения марьевские колечки сделаны из золота,⁴ а в обоих воронежских погребениях — из „белого сплава“⁵ (электра?). При этом мастюгинские колечки были, видимо, в долгом употреблении: в местах соприкосновения они заметно стерты,⁶ что совершенно немыслимо при употреблении их ребенком. Повидимому, в этих сарматских погребениях мы встречаем вторичное пережиточное использование предметов, вышедших из употребления в живом быту. Домыслы о том, являлись ли эти кольца своего рода амулетами в качестве „старинных“ вещей, наподобие каменных топоров, именно таким образом объясненных Веселовским,⁷ или в некоторых случаях остатками детского, может быть деревянного, оружия, подвешенного при помощи наплечного ремня „на греческий лад“, — остаются спорными.

Совершенно бесспорным, хотя и не новым, будет тот вывод, что 1) подобные пережиточные предметы не датируются вместе со всем комплексом; 2) использование „предметов неизвестного назначения“ в качестве датирующего документа на основании кажущегося сходства впредь до определения их функций может повести к недоразумению, подобно выше анализированному случаю с портупейным кольцом из Глинища, сопоставленному с кольцами от конского прибора; 3) скифская материальная культура с самых ранних ступеней не может быть понята и изучаема в пределах круга лишь собственно „скифских“ памятников, вне широкого фона архаической греческой и переднеазиатской культуры.

Б. Е. Деген

¹ Б. Рабинович, ук. соч.

² Хронологической цельности комплекса из Глинища не противоречит ни золотая серьга, правда, найденная и полученная отдельно от других предметов, ни „боченковидная буса из слоистого агата“, которая, по мнению Б. Рабиновича, „носит еще более выраженный поздний характер“ (ссылка на комплекс римской эпохи). Подобные бусы имели широчайшее распространение во времени и пространстве. Не выходя из круга слоистых агатовых и халцедоновых бус, достаточно указать свыше 400 экземпляров в позднеахеменидском погребении в Сузах (J. de Morgan. *Délégation en Perse*, VIII, стр. 49, 53, табл. IV), на могилы 36 и 37 архаического времени на Кипре (A. K. Smith. *Excavations at Amathus*. British Museum, *Excavations in Cyprus*, London, 1900, табл. XIV, № 34 и 36, стр. 117), вплоть до не датированного, но значительно более раннегоклада в пифосе под полом Библосского храма (P. Montet. *Byblos et l'Égypte*. Atlas. Paris, 1929, табл. LXIV).

³ Погребение с кольцами в VI из „Частых курганов“ найдено разграбленным и его обстановка ничего нам не дает для уяснения их функции; то же самое относится и к нескольким кольцам из скифских курганов в Болгарии же, разграбленных находчиками: B. Filow. *Denkmäler der thrakischen Kunst*. Mitt. d. K. Deut. Arch. Inst. Röm. Abt., XXXII, 1917, стр. 31, рис. 13 (Брезово), стр. 47, рис. 41 (Пакгуриште) и стр. 50, рис. 52 (Бедляково).

⁴ ОАК, 1912, стр. 56.

⁵ ИАК, 43, стр. 72 (оп. № 60).

⁶ Там же.

⁷ Н. И. Веселовский. Каменные орудия в курганах Сев. Кавказа первых веков н. э. Тр. XI Археолог. съезда, II.

Территория Черкесской автономной области остается одним из наименее обследованных в археологическом отношении районов Кавказа — ни первые розыски древних христианских памятников, ни разведочные работы подготовительного комитета Тифлисского археологического съезда, ни многолетние раскопки Археологической комиссии на Кубани не затронули территории Черкесии, и ранняя история ее еще почти не имеет материалов.

Однако нет оснований полагать, что почва черкесских предгорий беднее археологическими памятниками, чем территория хотя бы соседнего

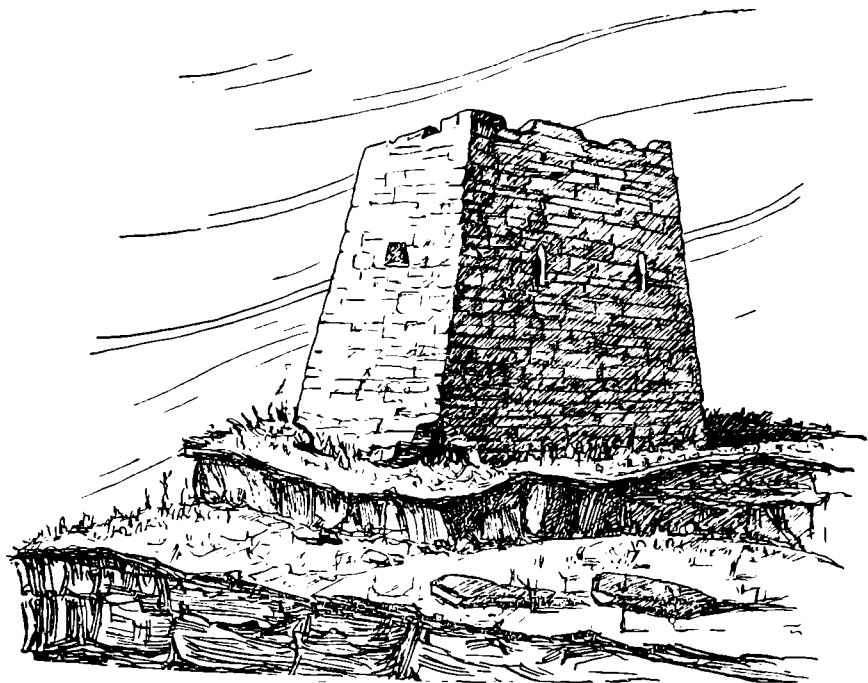

Рис. 29. Башня Адюх (схематический рисунок).

Карачая, также изученная совершенно недостаточно, но в известной мере археологически разведанная. Много больших и малых курганов можно видеть в районах сел. Ерке-юрта, Икон-халка, Псыжа и др. Около сел. Дружба находят бронзовые пряжки, украшения и наконечники стрел. Возле станицы Исправной сохраняются теперь уже редкие в других местностях каменные бабы (по-абазински: „арпыс“ — парень); около с. Кубина — развалины, известные в абазинской среде под именем „лошадиные головы“ („а-чка“); остатки каменных строений близ станицы Сторожевой; рвы и валы на левом берегу Кубани севернее с. Псыжа, которые по словам местных жителей являются остатками неизвестного укрепления, и пр.

Темой настоящей заметки является один из примечательных памятников Черкесии — башня Адюх (или Адьюх — у кабардинцев и бесленевцев, Кайдух — у абазин, Акбилек — у ногайцев).

В противоположность центральному Кавказу, в западной части Предкавказья каменные башни очень редки, более или менее известны только две — в с. Верхний Чегем (Балкария) и у с. Хурзук (Карачай); любопытно, что, по существующим здесь преданиям, обе они не местной постройки. Таким образом, башня („бев“ — по-кабардински, „кала“ — по-абазински) Адюх, стоящая на высоком правом берегу р. Малый

Зеленчук, в 2 км южнее с. Инджичукун (рис. 29), является третьей и самой западной из пока известных.¹ С трех сторон ее окружают совершенно отвесные каменные обрывы, оставляя подступ к ней лишь с одной восточной стороны.

В Черкесии по настоящий день почти каждый абазин, бесленевец или кабардинец знает нартовское сказание о славной красавице Адюх и ее башне: „Из камней сооруженный дом Адюх стоял в недоступном месте, на высокой горе, в верховьях Инжиг-реки [М. Зеленчук]. В самую темную ночь Адюх протягивает из окна свои руки — и все кругом озаряется светом, более ярким, чем солнечный. Оттого и звалась она „Адюх-светлокурой“.“²

Анализ интереснейшего образа Адюх, параллельного Изольде-Белоручке, не может входить в задачи данной информационной заметки, ограниченной описанием башни Адюх как памятника материальной культуры.³

В настоящее время башня Адюх представляет собой сооружение из грубо отесанных камней песчаника (при размерах отдельных камней 35—55 см на 20—30 см), на известковом растворе, без следов штукатурки. Пропорции башни заметно отличают ее от многочисленных боевых и сторожевых башен горного и центрального Кавказа, как правило, квадратных или близких к квадрату в плане. Ширина основания башни Адюх с севера на юг равна 13 м, а с востока на запад 8 м, при высоте 9—10 м; внутренняя площадь ок. 50 кв. м. Массивность стен с западной стороны достигает 2 м, с южной — несколько меньше. По гнездам от сгнивших бревен междуэтажных перекрытий (по шесть гнезд в западной и восточной стенах) можно определить членение на пять этажей.

Первый этаж, высотой ок. 1.70 м, глухой без проемов, имел вход только через второй этаж (в настоящее время доступен через пролом в юго-западном углу). Земляной со щебнем пол местами дает оседание, местами при простукивании выказывает пустое пространство ниже уровня почвы.

Второй этаж с западной, самой недоступной, обращенной к обрыву стороны имеет во всю высоту этажа входное отверстие, шириной до 1 м. Верхняя перекладина сильно скошена углом. В двух углах северной стены заметны обильные следы копоты, которая покрывает стены от пола второго этажа до самого верха башни.

¹ По непроверенным данным, имеются еще развалины башен на р. Джегуте и у с. Эльджурту.

² Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт культуры. Кабардинский фольклор, изд. Academia, М.—Л., 1936, стр. 21. Как видно из вышесказанного, примечание редакции о том, что „очевидно, уже во времена Ш. Ногмова (сто лет назад) по Зеленчуку сохранялось только имя Адюх, а предание о ней не было известно, переместившись вместе с кабардинцами на юго-восток“ (стр. 578), нуждается в коррективе.

³ В литературе нет описания 5-этажной постройки Адюх, стоящей у дороги, по которой многие археологи ездили в Карачай. Лишь в „Истории адыгейского народа“ Ш. Ногмова (Тифлис, 1861) читаем, что „между Кубанью и Зеленчуком на высотах стоят кирпичные здания, называемые Адюх, в переводе «дела предков» (? Л. Л.). Там, по преданию, жили священнослужители“ (стр. 25). А. Фиркович, описывая развалины Рим-горы у Кисловодска, ссылается на предание, по которому „Рим-гора принадлежала какой-то владетельной княгине Ак-билек («белоручка»), переселившейся сюда с верховьев Зеленчука, где и доныне находится ее дом и церковь с надписями“ (А. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. Труды Вост. отд. Арх. общ., ч. III, СПб., 1858, стр. 110). Столь же глухое упоминание: А. Федоровский. Археологические заметки о Кубанской области. ИАК, 47, стр. 156. Краткие сообщения о башне см.: Л. И. Лавров. Абазины. Газ. „Красная Черкессия“, 1940, № 190 и Л. И. Лавров. Абазква ристория ахъазла“. Газ. „Черкес къапц“, 1940, № 103.

Третий этаж отличается от всех других наличием окон и бойниц. Оконный проем, высотой ок. 50 см и шириной ок. 25 см, обращен к югу, также в сторону обрыва, а две бойницы — к востоку, в сторону открытого подступа. Бойницы с наружной поверхности стены имеют вид узких прямоугольных щелей, сильно расширяясь в толще стены откосами и по внутренней поверхности принимая почти квадратные очертания (около 40 × 40 см).

Четвертый этаж не имеет ни окон, ни бойниц и мог освещаться лишь отверстием в потолке через верхний этаж.

Пятый этаж самый низкий (около 1.5 м) с такими же глухими стенами, повидимому, не имел на потолке перекрытия и представлял, по всем признакам, открытую площадку, обнесенную глухим парапетом стены.

Вблизи башни имеются старые могилы, а в ближайших окрестностях, по рассказам, есть еще какие-то остатки сооружений. Указание вышеприведенного предания на то, что „с утеса, на котором стоял дом, на другой берег, тоже высокий, был переброшен полотняный мост длиной в версту“, входит в устойчивую традицию кавказских сказаний, обычно связывающих башни (в том числе уже упоминавшиеся Чегемскую и Хурзукскую) с некогда бывшими мостами.

Конструктивно и типологически башня Адюх, как уже указывалось, является вполне своеобразной (вытянуто-прямоугольный план при сравнительно незначительной, несмотря на многоэтажность, высоте) и, повидимому, должна быть трактована как переходная форма от укрепленного родового дома к специализированной защитной башне (недаром и в преданиях она называется всегда не башней, а домом).

В подтверждение этого можно было бы сослаться на единственную постройку подобного типа в верхней Свании (с. Чажаш Ушгульского общества),¹ имеющую три этажа и сванские традиции в приемах строительства.

Функциональная характеристика дома-башни Адюх более или менее ясна. Проникнуть внутрь башни можно было только через второй этаж со стороны западного обрыва при помощи приставной лестницы, или, вернее, бревна с зарубками. Такие же бревна служат обычным средством сообщения между этажами через люки в перекрытиях. Первый глухой этаж вместе с подземельем служил для хранения воды и пищи при осаде и, нередко, для содержания пленников или заложников.

Остатки двух очагов у северной стены второго этажа говорят о бытовом его назначении. Третий этаж с бойницами, обращенными в сторону единственного подступа, служил боевым целям. В четвертом, также глухом, этаже, вероятно, укрывались небоеспособные члены семьи в минуты острой опасности. Пятый, открытый, этаж обыкновенно служил для дозорных целей, а также для отражения прорвавшегося к основанию башни врага при помощи сбрасывания камней, обливания кипятком и т. п.

Более или менее точная датировка башни Адюх затруднительна в силу полной неизученности кавказской горской архитектуры, исследование которой начато лишь в советские годы.

¹ Г. И. Лежава и М. Н. Джандиери. Архитектура Сванетии. Изд. Всесоюз. Акад. архитектуры, М., 1938, стр. 6, рис. 17, 64—67 и 18—20. Сванские аналогии башни Адюх придают большую значимость преданию о постройке сванскими строителями и Чегемской башни, выдержанной в более поздних сванских архитектурных формах.

Пока можно высказать предположение, что этот интересный памятник сооружен еще в домонгольский период, так как с XIII в. н. э. территория Черкесской автономной области была заселена кабардинцами, ногайцами, абазинцами, не практиковавшими каменного жилищного строительства.¹

Об относительно ранней датировке говорят и архаический переходный тип дома-башни и, наконец, особый архаизм сказания о белорукой Адиях, объединяющей в себе образ обеих — Белокурой и Белорукой Изольды.

Л. И. Лавров

¹ Свидетельство доминиканского миссионера Юлиана о том, что аланские князья и в предмонгольские годы не строили каменных укреплений (Зап. Одесск. общ. ист. и древн., т. V, Одесса, 1883, стр. 1000), касается чисто степной Алании и может не отражать обстановки в предгорьях современной Черкесии. Однако при любых условиях башня Адиях представляет не массовый, а один из единичных памятников, тем самым приобретающий особый научный интерес.

V. ИНФОРМАЦИИ

НАХОДКА ОСТАТКОВ НЕАНДЕРТАЛЬСКОГО ЧЕЛОВЕКА НА ГОРЕ ЧИРЧЕО (ИТАЛИЯ)

25 февраля 1939 г. был найден новый череп неандертальского человека в Италии, в гротах горы Чирчео (на побережье между Римом и Неаполем). Открытие было сделано археологом Бланком (Blanc), ведущим с 1936 г. систематические исследования палеолитических местонахождений в районе Понтийской долины (в связи с работами по устройству осушительных каналов).

Гора Чирчео представляет собой известняковый массив (высота 541 м), изрезанный гротами и круто обрывающийся в Средиземное море. Ряд гротов горы Чирчео привлекал внимание исследователей с начала XIX в. Уже в 1817 г. Брокчи (Broschi) открыл в одном из гротов остатки ископаемой фауны. В 1883 г. Иссель (Issel) нашел в гротах кремневые орудия. С 1936 по 1939 г. исследованиями Бланка были охвачены 31 грот; в десяти из этих гротов вместе с плейстоценовой фауной и флорой была обнаружена палеолитическая культура.¹

Очень тщательно была изучена плейстоценовая история гротов. При этом выяснилось, что в последнюю межледниковую эпоху прибрежные гроты горы Чирчео были затоплены морем. Они стали доступны для обитания и были заселены человеком лишь в начале последнего оледенения. Стратиграфия гротов, как правило, весьма четка и ясна. Отложения, содержащие следы обитания человека, распадаются на два горизонта.

В верхнем горизонте обнаружены кремневые изделия среднеориньякского типа с сопровождающей фауной холодного времени (*Capra ibex*, *Equus hydruntinus*).

В нижнем горизонте обнаружены мустьерские орудия в сопровождении теплолюбивой фауны (*Rhinoceros Mercki*, *Equus caballus* и т. д.). Такое подразделение закономерно проходит через все гроты и особенно ясно выражено в гротах: Де-Шевр, Де-Фосселлоне и в гроте Брейля. Череп неандертальца был найден в случайно открытом (во время строительных работ) новом (32-м) гроте, получившем наименование грота Гуаттари (по имени владельца местного отеля, открывшего грот).

Грот Гуаттари расположен на высоте 5 м над ур. м., в 180 м от берега.

Место и условия находки черепа Бланк описывает следующим образом.² Наружный вход в грот Гуаттари представляет собой узкий туннель, длиной ок. 8 м, передвигаться по которому можно лишь полуползком.

Этот длинный узкий туннель приводит в пещеру размерами 5 × 4 м, пол которой покрыт слоями ископаемых костей, рога, щепня и т. д., часто совершенно сцементированными. Еще один низкий и узкий проход ведет из этой пещеры во вторую, пол которой покрыт водой. Здесь найдены черепа гиены, фаланги слона и другие кости.

Ко второй пещере непосредственно примыкает третья, почти круглая, невысокая (современному человеку здесь нельзя встать во весь рост) пещера, площадью 4.10 × 5.10 м.

В этой последней пещере и был обнаружен неандертальский череп (рис. 30). Он лежал совершенно открытым на полу пещеры среди нескольких камней, расположенных вокруг него.

Во многих местах по полу были разбросаны кости животных.

¹ A. C. Blanc. Fauna a ippopotamo ed industrie paleolitiche nel riprimo delle grotte litoranee del Monte Circeo. Rendiconti R. Acc. Naz. Lincei, Classe Sc. Fis. Mat. Natur., 1937, vol. 25. — Он же. Una serie di nuovi giacimenti pleistocenici e paleolitici in grotte litoranee del Monte Circeo. Там же, 1938, vol. 28.

² A. C. Blanc. L'uomo fossile del Monte Circeo. Un cranio neandertaliano nella grotta Guattari. Rendiconti R. Acc. Naz. Lincei, Classe Sc. Fis. Mat. Natur., 1939, vol. 29. — Он же. L'homme fossile du Mont Circé. L'Anthropologie, 1939, F. 49, № 3—4. — Он же. Les grottes paléolithiques et l'homme fossile du Mont Circé. Revue scientifique, 1940, № 1.

Отложения, покрывающие дно пещеры, содержали в изобилии остатки ископаемой фауны. Внизу, непосредственно у основания пещеры, многочисленны остатки *Strombus bibonis*. В средних слоях — остатки гиппопотама. Верхние слои заполнены костями слона, носорога, гиены, лани, медведя, *Felis pardus*, *Equus caballus*, *Capra ibex*. На поверхности отложений грота было найдено несколько обработанных кремней и галек со следами употребления. Раскопки, организованные в гроте, доставили обильную индустрию мустьерского типа.

Череп неандертальца лежал вверх основанием. Сохранность черепа оказалась необычайно хорошей. Значительному разрушению подверглась лишь нижняя челюсть (она

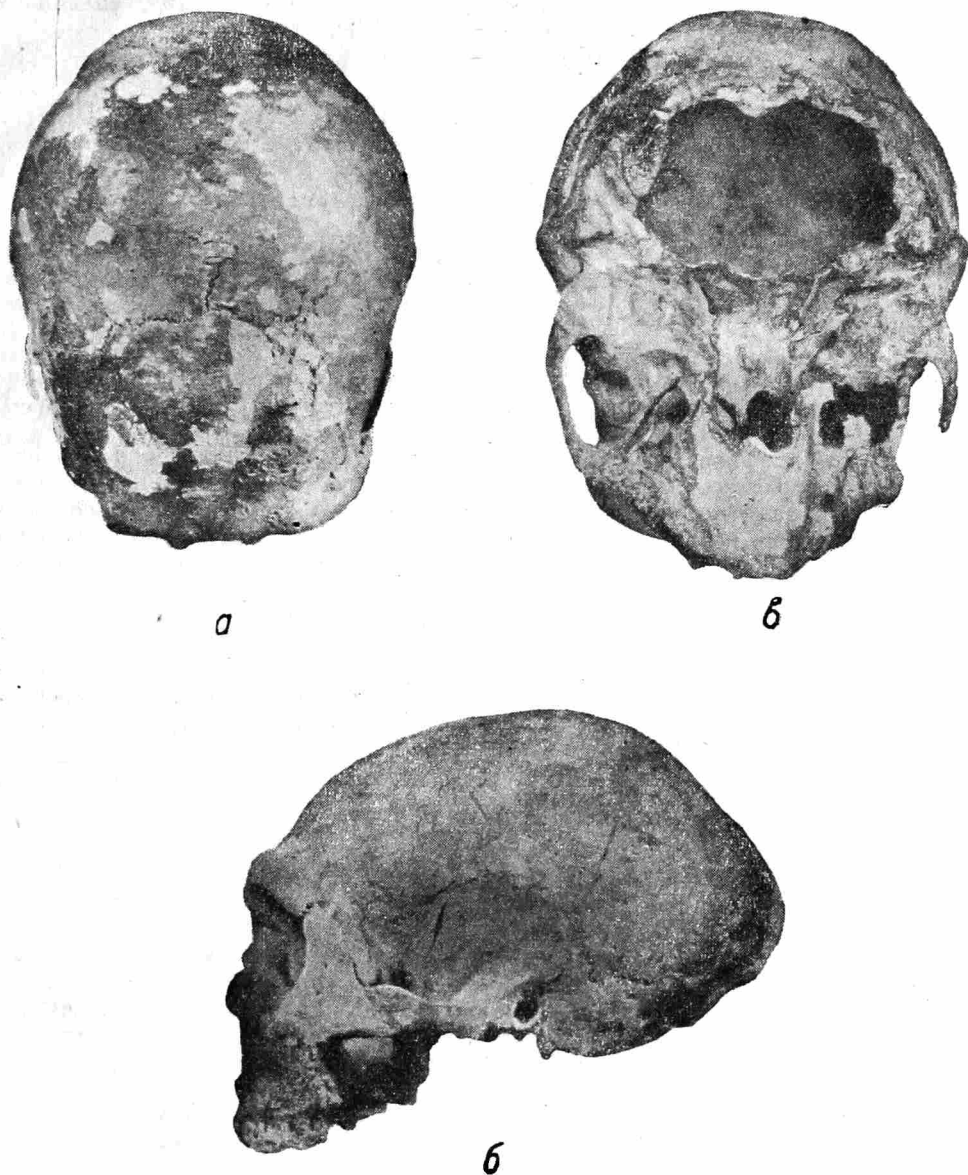

Рис. 30. Череп неандертальца, найденный в гроте на горе Чирчео.

была обнаружена позже, так как оказалась зацементированной среди других отложений). Все остальные отделы мозгового и лицевого черепа сохранились в соединении друг с другом и не подверглись разрушению от времени.

В области височного края правой глазницы оказалось повреждение, нанесенное режущим оружием и, очевидно, вызвавшее смерть обладателя черепа. Затылочная кость повреждена в нижней части: расширено затылочное отверстие, очевидно, с целью извлечения мозга.

Поверхность черепа была покрыта слоем известняковых отложений. Кости черепа отличаются толщиной и массивностью. Череп в целом весьма крупных размеров.

Морфологические особенности чирчейского черепа были обстоятельно изучены итальянским антропологом Серджио Серджи.¹

Пол черепа определяется как мужской. Судя по степени застояния швов и стертости зубов, чирчейский человек был умерщвлен в возрасте 40—50 лет. Характерно, что в данном случае, равно как и во многих других, возраст, определяемый по состоянию швов, меньше, чем по стертости зубов.

По общей конфигурации чирчейский череп чрезвычайно близко напоминает классические находки человека неандертальского типа: черепную крышку из долины Неандера и череп из Ля-Шапель.

При изучении чирчейского черепа в различных антропологических нормах выявляются следующие признаки.

В *Norma verticalis* отмечается наличие посторбитального сужения, сильное выступание назад затылочной чешуи, развитой *torus frontalis*.

Измерительные признаки характеризуются следующими цифрами:

	Чирчео	Неандерталь	Ля-Шапель	Ля-Ферраси	Спи II
Наибольшая длина черепа	204	199	208	207	198
Наибольшая ширина черепа	155	147	156	157	150
Черепной указатель . . .	75.98	73.9	75	75.85	75.7
Наименьшая ширина лба .	106 (?)	107	109	—	—
Ширина на уровне стегания .	123	122	123	—	—
Горизонтальн. окр. . . .	590 (?)	590	600	—	—

В *Norma lateralis* обращает на себя внимание большое развитие лицевых пропорций. Общая площадь лицевого треугольника, определяемая точками *Nasion—Prostion—Basion*, исчисляется Серджи в 4698 кв. см.

Вертикальный профиль лица ортогнатный как в целом, так и в альвеолярном отрезке. *Nasion* расположен в наиболее углубленном пункте профиля. Лоб сильно убегающий назад, нос заметно выступает, спинка носа слегка вогнута. Контуры лба на участке *Nasion—Bregma* почти точно совпадают с неандертальским черепом. Высота мозговой части черепа незначительна. Затылок клинообразно выступает назад. Череп вытянут в длину.

Измерительные данные выражаются следующими цифрами:

	Чирчео	Неандерталь	Ля-Шапель	Ля-Ферраси
Лобная дуга	131	133	121	130
Брегматический угол	45°	44°	45°	—
Лобный угол	62°	62°	65°	—
Разница между лобным и брегматическим углом . . .	17°	18°	19°	—
Лобно-теменной указатель .	89.1	89.4	100	92.3
Теменная дуга	117	119	121	120

Таким образом, лобная дуга длиннее теменной, как и у всех неандертальцев.

В *Norma occipitalis* особенно заметна очень сильная платикефалия черепа.

Высота мозгового черепа (*Basion—Bregma*) равна 123 мм, т. е. ниже, чем у черепа из Ля-Шапель. Высотно-продольный и высотно-широтный указатели особенно хорошо подчеркивают малую высоту мозгового отдела чирчейского черепа:

	Саккопасторе	Чирчео	Ля-Шапель	Ля-Ферраси
Высота черепа (<i>Basion—Bregma</i>)	109	123	131	134
Высотн-продольный указатель	60.22	60.29	62.9	64.73
Высотн-широтный указатель	76.76	79.35	83.9	85.35

Таким образом, по рассматриваемому признаку, чирчейский череп уклоняется в сторону Саккопасторе.

Большой специальный интерес представляет область сочленения черепа с нижней челюстью. Ряд признаков свидетельствует здесь об относительно очень высокой степени дифференцированности движения челюсти. Ряд признаков базального отдела черепа отличается, однако, большой примитивностью. Французский антрополог Мю-

¹ Sergio Sergi. Il cranio neandertaliano del Monte Circeo. Rendiconti R. Acc. Naz. Lincei, Classe Sc. Fis. Mat. Natur., 1939, vol. 29. — О н ж е. Der Neanderthalschädel vom Monte Circeo. Anthropologischer Anzeiger, 1939, Jg. XVI, H. 3/4.

тандон отметил, напр., что здесь имеются отдельные черты более примитивные, чем даже у парантропа.¹ Этот факт лишний раз иллюстрирует многогранность и сложность процесса антропогенеза (возможность появления примитивных признаков на прогрессивном фоне и наоборот).

В *Norma facialis* ясно видны крупные размеры лица (мегапрозопия). Нос самый высокий и самый широкий из всех известных у неандертальских черепов (мегарриния).

Размеры лицевых признаков выражаются следующими цифрами

Высота верхней части лица	87мм
Скуловая ширина лица	147 (?) мм
Ширина орбиты (левой)	49
Высота орбиты (левой) .	37
Орбитный указатель	80.43
Длина носа	66 мм
Ширина носа .	36 мм
Носовой указатель .	54.54

Нижняя челюсть сильно зацементирована известняковыми отложениями и изучена пока еще недостаточно. Отмечено лишь отсутствие подбородочного выступа.

Таковы данные обоснованных морфологических особенностей чирчейского черепа. Едва ли не самым интересным выводом из предварительного изучения является указание на существенные отличия чирчейского черепа от черепов из Саккопасторе, несмотря на территориальную близость этих находок.

Бланк склонен объяснять этот факт различиями хронологической датировки (Саккопасторе датируется более ранним временем).² Серджи строит по указанному поводу целую теорию об „угасании“ неандертальской расы, считая объективным показателем угасания большую морфологическую близость „поздних неандертальцев“: Чирчео, Неандерталь, Ля-Шапель и т. д.

Не касаясь сейчас подробнее всех этих проблем, отметим, что находка чирчейского черепа несомненно представляет существенный научный интерес, хотя бы по одному тому, что указанный череп является одним из самых полных неандертальских черепов.

Специального внимания исследователей заслуживают и те условия, которые сопутствовали его захоронению: насильственная смерть, извлечение мозга, обкладка камнями.

Г. И Петров

¹ G. Montandon. Dernières trouvailles d'hominides fossiles, L'Homonien du Mont Circé. Revue scientifique, 1939, № 4.

² A. C. Blanc (цитированные выше работы).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. Доклады на сессии Отделения истории и философии АН СССР.	3
Основные проблемы истории культуры древней Руси X—XIII вв. — Н. Н. Воронин.	—
II. Доклады на пленумах Института	11
Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР. — В. И. Равдоникас.	—
Геологическая история Карело-Финской республики в четвертичное время в связи с проблемой заселения человеком севера Европы. — Б. Ф. Земляков.	21
Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера. — Н. Н. Гурина	28
III. Доклады на Ученом совете Института и в секторах	37
Некоторые приемы исследования растительных остатков с мест археоло- гических раскопок. — В. А. Петров	—
Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого. — Д. Г. Рохлин	46
Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд. — В. В. Гинзбург	57
Ярослав Мудрый в древне-северной литературе. — Е. А. Рыдзевская.	66
Опыт реконструкции физического облика Ярослава Мудрого. — М. М. Герасимов.	72
К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны. — М. К. Каргер.	76
IV. Статьи и заметки	81
Пушкарёвское палеолитическое жилище. П. И. Борисковский.	—
Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири. — Г. П. Сосновский.	86
Новое погребение Глазковской стадии у с. Буреть. (Раскопки 1939 г.) — А. П. Окладников	90
О „загадочных предметах“ из скифских погребений. — Б. Е. Деген	93
Башня Адиух в Черкесии. — Л. И. Лавров	98
V. Информации	102
Находка остатков неандертальского человека на горе Чирчео (Италия). — Г. И. Петров	—

Редактор издательства А. М. Барабанов

Технический редактор Р. С. Волховец. — Корректор О. Г. Крючевская

106 стр. (30 рис.)

Сдано в набор 16/VIII 1940 г. — Подписано к печати 12/XI 1940 г.

Формат бум. 72 × 110 см. — 6⁵/₈ печ. л. — 2 вкл. — 9,63 уч.-авт. л. — 60192 тип. зн. в печ. л. —

Тираж 800. — М 34466. — РИСО № 1444. — АНИ № 158. — Заказ № 806.

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, 9 линия, д. 12.